
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00269913 0

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ИСТОРІЯ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ.

сочиненіе
МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Кіевъ, 25 Октября 1838 года.

Ценсоръ С. Богородскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду благомыслящихъ Читателей Исторію Древней Русской Словесности, изложенную нѣсколько полнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ прежнихъ Руководствахъ. Она раздѣлена на 2 книги: первая состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ Древнему періоду нашей Словесности, особенно къ языку Русскому; вторая содержитъ въ себѣ частныя изслѣдованія о нашей Древней Словесности, по разнымъ ея родамъ.

Сіе сочиненіе составляетъ первую часть приготовляемой мною къ изданію всей Исторіи Русской Словесности. Въ непродолжительномъ времени я предполагаю окончить вторую часть, въ которой будетъ изложена—въ такомъ же видѣ—наша Словесность Средняго періода т. е. отъ возрожденія Руси изъ-подъ ига Татарскаго до ея преобразованія Петромъ Великимъ. Исторія Русской Словесности отъ начала восемнадцатаго вѣка до нынѣшняго времени составитъ третью и послѣднюю часть всего сочиненія.

Предпринимая сей трудъ, я желалъ принести пользу изучающимъ Русскую Словесность, особенно въ здѣшнемъ краѣ; сверхъ того я надѣялся, что и для самой Исторіи Отечественной Словесности не будетъ безполезнымъ мое сочиненіе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—частію происшедшихъ отъ меня самаго,

частію зависящихъ отъ общаго у насъ недостатка въ ученой-разработкѣ и даже въ обнародованіи матеріаловъ, необходимыхъ для полной Исторіи нашей Словесности, особливо Древней и Средневѣковой.

Для достиженія предположенной цѣли, я неоставлю безъ вниманія ничего, что только можетъ послужить къ усовершенію моего труда. Возможность и средства къ тому представляютъ умножающіяся нынѣ изслѣдованія неисчерпаемо-богатой Русской старины, и приведеніе въ общую извѣстность многочисленныхъ памятниковъ старинной Русской Словесности, къ изученію коей возбудилось въ наше время особенное и справедливое стремленіе.

М. Максимовичъ,

Профессоръ Русской Словесности
въ Университетѣ Св. Владиміра.

Кіевъ.
1839 г., 1 Мая.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

ВВЕДЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА.

(Общія изслѣдованія.)

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. О СЛОВЕСНОСТИ И ЕЯ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.

Именемъ *Словесности* означается совокупность памятниковъ, въ которыхъ выразилась душа и жизнь народа[1] посредствомъ *языка*, изустно либо письменно; подъ именемъ же *языка* разумѣется живая, органическая совокупность словъ, коими выражаетъ себя народъ.

Безсмертная и разумная *душа* вмѣстѣ съ божественнымъ даромъ *слова*

1) Произведенія одного лица, называемыя обыкновенно *сочиненіями*, какъ-бы значительны ни были, не составляютъ еще Словесности. *Словесность* принадлежитъ цѣлому народу; она образуется изъ совокупныхъ трудовъ многихъ лицъ, какъ цѣлое тѣло изъ своихъ членовъ, и на извѣстной степени народной жизни бываетъ можно сказать *безличная:* кто, напримѣръ, сложилъ это богатство нашихъ народныхъ пѣснопѣній?

составляетъ высокое отличіе человѣка отъ всѣхъ земнородныхъ существъ и принадлежитъ всѣмъ людямъ: потому каждый народъ говоритъ извѣстнымъ *языкомъ*, своимъ собственнымъ либо перенятымъ отъ другихъ народовъ [2], и каждому народу врождено имѣть свою Словесность. Но какъ раскрытіе души и жизни у разныхъ народовъ бываетъ неодинаковое и неравное, то и Словесность бываетъ съ разными особенностями и на разныхъ степеняхъ развитія: у однихъ она представляетъ только *зачатки*, только первоначальные изустные памятники, напримѣръ *пословицы*, *пѣсни*; у другихъ она достигаетъ богатой *полноты развитія* въ разные роды Краснорѣчія и Поэзіи, напримѣръ у древнихъ Индійцевъ и Грековъ, — или же являетъ особенную *степень высоты*, напримѣръ у древнихъ Евреевъ.

По степени высоты и полнотѣ развитія Словесности, можно судить и вообще о степени просвѣщенія и разви-

2). Такъ Евреи, въ разговорѣ употребляютъ языкъ перенятый у Нѣмцевъ и другихъ; собственный же свой *языкъ Еврейскій* употребляютъ въ Богослуженіи.

тіи внутренней жизни народа и о значительности его въ Исторіи человѣчества. Отсюда открывается важность изученія Словесности и необходимость изслѣдованія оной въ связи со всей Исторіей народа, тѣмъ болѣе, что и вся Исторія сохраняется преимущественно въ памятникахъ словесныхъ. —

Исторіею Словесности называется наука, имѣющая предметомъ своимъ изустные и письменные памятники Словесности какого-либо народа, языкъ его и письмена — въ ихъ постепенномъ развитіи и взаимной связи, и въ связи со всею жизнію того народа, особенно съ его просвѣщеніемъ.

Каждый народъ живетъ по-своему; потому и Словесность у каждаго замѣчательнаго народа болѣе или менѣе особенная, и можетъ быть предметомъ особаго изученія и изслѣдованія. —

Какъ жизнь каждаго человѣка измѣняется по возрастамъ, такъ и жизнь цѣлаго народа, хотя представляетъ непрерывный рядъ событій, но имѣетъ

свои эпохи, по коимъ Исторія опредѣляетъ періоды народной жизни. Такимъ же образомъ и въ развитіи Словесности есть свои *періоды,* настающіе съ появленіемъ новыхъ животворныхъ началъ и стремленій въ умственной жизни народа. Но какъ новое начало жизни раскрывается въ собственныхъ выраженіяхъ не вдругъ, а постепенно; потому 1) и самые періоды имѣютъ еще свои частныя ступени развитія или *отдѣлы;* 2) въ началѣ каждаго новаго періода продолжается, и даже иногда господствуетъ, направленіе предъидущаго, кончающагося періода, и такимъ образомъ первый отдѣлъ каждаго періода бываетъ обыкновенно только предобразовательный, представляя въ себѣ начатки своего и довершеніе прежняго періода.

Исторія Словесности, разсматривая памятники ея въ ихъ взаимной связи и въ связи со всею жизнію народа, по возможности отличаетъ и опредѣляетъ не только періоды Словесности, но и частные ихъ отдѣлы, стараясь притомъ отличать разныя направленія, сходящія-

ся нерѣдко въ одномъ и томъ же періодѣ или отдѣлѣ. Такимъ образомъ она не только опредѣляетъ памятники Словесности порознь и отличаетъ между ними важнѣйшіе; но разнообразіе ихъ приводитъ къ единству, а свои частныя изслѣдованія къ общимъ выводамъ, и представляетъ ихъ въ стройной цѣлости или системѣ. Изслѣдуя памятники Словесности, она обращаетъ вниманіе и на писателей, какъ потому, что сочиненія ихъ много поясняются изъ ихъ жизни, такъ и потому, что они своими сочиненіями и жизнію принимаютъ обыкновенно извѣстное участіе въ просвѣщеніи своего народа.

II. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ЕЯ ПЕРІОДЫ.

Русская Словесность можетъ быть предметомъ особой Исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія, особенно для насъ: какъ потому, что она наша отечественная и столь богата памятниками къ поясненію нашей Исторіи служащими; такъ и потому, что между памятниками ея столь много замѣчатель-

ныхъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ и даже временемъ появленія, ибо нѣкоторыми явленіями своими она опередила развитіе Словесности у другихъ народовъ новаго міра. Изслѣдованіе памятниковъ ея весьма важно и для другихъ Словенскихъ народовъ, какъ по ея ближайшему отношенію ихъ къ Исторіи и Словесности; такъ и потому, что ни одинъ Западно-Словенскій народъ не обладаетъ такимъ богатствомъ памятниковъ своенароднаго и книжнаго Словенскаго языка, какъ народъ Русскій. —

Слѣдя постепенное развитіе Русской Словесности, мы различаемъ въ ея Исторіи *четыре періода*, изъ коихъ три уже совершились, а четвертый только начался.

Періодъ первый или *древній*, продолжавшійся четыре вѣка, отъ шестидесятыхъ годовъ IX-го до послѣдней четверти XIII-го.

Періодъ второй или *средній*, продолжавшійся четыре вѣка съ четвертью, отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Періодъ третій или *новый*, продолжавшійся одинъ съ четвертью вѣкъ, а именно XVIII-й вѣкъ и первую четверть XIX-го.

Періодъ четвертый — новѣйшій или *современный*, наставшій съ царствованія Николая Перваго. —

Началами сихъ періодовъ приняты слѣдующія явленія Русской жизни.

Древній періодъ начинается съ шестидесятыхъ годовъ IX-го вѣка потому, что въ эти достопамятные годы началась новая, Русская жизнь нашего Отечества, съ пришествіемъ Руссовъ въ Новгородъ (862) и водвореніемъ ихъ въ Кіевѣ (864), — началось Русское Христіанство, крещеніемъ Кіевскихъ Руссовъ въ Царѣгородѣ (866), — образовался книжный или церковный Словенскій языкъ и переведены на него главнѣйшія Богослужебныя Книги, послужившія первымъ и главнымъ основаніемъ всего Русскаго просвѣщенія, коего средоточіемъ и первымъ разсадникомъ былъ Кіевъ. Съ окончательнымъ паденіемъ древняго, Стольнаго Кіева (разрушеннаго

Татарами 1240 г. и оставленнаго Митрополитомъ всея Руси Кирилломъ, переселившимся въ Сѣверо-восточную Русь) кончился и древнїй періодъ Русской жизни. Нашествіе Татарское, которымъ потрясено и омрачено было наше Отечество, было явленіемъ только *отрицательнымъ* или разрушительнымъ для древняго періода: остановивъ прежнее развитіе Русской жизни, оно не дало ей собою ничего животворнаго для новаго развитія; потому оно и не составляетъ собою эпохи для начатія другаго періода.

Животворнымъ началомъ втораго, средняго періода были: Соборъ во Владимірѣ Залѣскомъ 1274 г. и другія дѣянія великаго Митрополита *Кирилла II,* послужившія къ утвержденію и распространенію Православной Вѣры въ народной жизни, чѣмъ и положено вѣрное начало обновленія умственной и общественной жизни нашего Отечества, возстановленія и утвержденія его *самобытности,* и новаго полнѣйшаго раскрытія *народности* Русской.

Новый, третій періодъ полагается съ начатіемъ XVIII вѣка потому, что

по утвержденіи Единодержавія Петра Великаго, особенно съ 1700-го года начались его нововведенія въ Россіи и преобразованіе оной по образцу Ново-Европейскому.

Но съ начатіемъ царствованія Николая Перваго возродилось и возрастаетъ общее стремленіе къ *самобытному* и *своеобразному* раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отросляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ; потому нынѣшнее царствованіе составляетъ собою начало особаго, четвертаго періода. —

Означивъ такимъ образомъ предѣлы періодовъ, укажемъ на главныя событія въ продолженіе каждаго.

Въ древнемъ періодѣ произошло соединеніе нашихъ Восточныхъ Словенъ въ одно сильное *Русское Государство* и чрезъ принятіе Христіанства совершилось внутреннее преобразованіе Русскаго духа, съ распространеніемъ коего изъ Кіева по всей Руси положено начало ея внутренняго единства. При быстромъ развитіи и расширеніи новой

жизни въ нашемъ Отечествѣ, древній періодъ ознаменованъ счастливыми начатками въ Россіи и Словесности и умственной дѣятельности вообще. Какъ Словесность, такъ и просвѣщеніе въ семъ періодѣ у насъ являлись подъ господствомъ церковно-Словенскихъ книгъ, церковно-Словенскаго языка и просвѣщенія *Греко-восточнаго*.

Въ среднемъ періодѣ Русь, раздробленная на мѣлкіе, *удѣльные* участки, постепенно возстановляла свою самобытность и цѣлость: образовавшись сначала въ двѣ отдѣльныя, различно жившія половины — Восточную или *Московскую* и Западную или *Литовскую;* потомъ, въ половинѣ XVII вѣка, она вновь соединилась своими главными частями въ общую цѣлость *Русскаго Царства*, подъ Державою Царя Московскаго [3]. Какъ Московская или *Великая Россія*, такъ и Кіевская — *Малая Россія* или *Украина*, возстановили свою самобытность необо-

3) Въ вѣкъ Екатерины Великой довершилось сіе возсоединеніе, кромѣ Червоной или Галицкой Руси, которая (со времени ея присоединенія къ Польшѣ 1340) остается понынѣ въ кругу Западной Европы.

римымъ стремленіемъ къ охраненію и распространенію своего Православія, составляющаго для той и другой основаніе ихъ *Русской народности.* Сильнымъ раскрытіемъ народности своей и чрезвычайно богатымъ проявленіемъ въ *народной Поэзіи* (Великорусской и Южнорусской) ознаменованъ средній періодъ. Кромѣ того, особенно сей періодъ означенъ сильнымъ вліяніемъ *Духовенства* на умственную и общественную жизнь Великой Руси, развивавшей болѣе или менѣе самобытно усвоенное въ древнемъ періодѣ Греко-восточное просвѣщеніе и отстранявшей отъ себя вліянія чужеземныя. Но въ Южной и еще болѣе въ Сѣверо-западной Руси — при вліяніи на нихъ Польши — и умственная жизнь развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія *Латино-западнаго,* которое перешло потомъ и въ великую Россію изъ Украины и Бѣлоруссіи, по ихъ соединеніи съ нею, — и здѣсь соединилось въ одно сложное вліяніе, выраженное названіемъ Московской Академіи *Греко-Латино-Славянскою.*

Петръ Великій своимъ Самодержавіемъ утвердилъ полное единство Россіи и

преобразовалъ ее въ великую Имперію. Данное имъ направленіе къ гражданско-Русскому просвѣщенію подъ вліяніемъ *Ново-Европейскаго* раскрылось полнѣе при Екатеринѣ Великой и довершилось при Александрѣ Благословенномъ. Такимъ образомъ и въ просвѣщеніи вообще и въ Словесности нашей, сей новый періодъ ознаменованъ стремленіемъ къ *Европейству*, усвоеніемъ его и сліяніемъ съ своенародными стихіями жизни, которыя не переставали и въ семъ періодѣ ярко являться, не смотря на господство Западно-Европейскаго просвѣщенія.

Въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію Русскаго духа, означилось *просвѣщенное* обращеніе къ *своенародности* и *положительности*. Раскрытіемъ и силою народности своей Рускіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности Русской — въ самой Поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ *просвѣщеніемъ*. —

Отовсюда, гдѣ ярче сіяло просвѣщеніе, Россія заимствовала его для просвѣтлѣнія имъ своей народности. Въ древнее время приняла она просвѣщеніе Грековосточное отъ *Царяграда*, и дополняла оное заимствованіями отъ Словенъ Болгарскихъ, у которыхъ нѣсколько ранѣе распространено было сіе просвѣщеніе. Въ среднія времена она, сберегая и распространяя доставшееся ей отъ Греціи сокровище Вѣры, ознакомилась съ Латино-западнымъ просвѣщеніемъ *Ветхаго Рима*. И между тѣмъ какъ двѣ розныя стихіи сіи немирно соединялись между собою въ Русскомъ умѣ, онъ — въ лицѣ Петра Великаго — отъ полуденной, старой Европы обратился на *Европейскій Западъ:* ибо уже тамъ просвѣщеніе свѣтилось новою жизнію, къ которой и стремилась Россія въ продолженіе новаго періода. Наконецъ въ наше просвѣщенное время она возвратилась опять къ своему Восточному *Русскому міру*. Такимъ образомъ Россія постепенно и своевременно обошла весь небосклонъ просвѣщеннаго Христіанскаго міра, и теперь вступила сознательно въ тотъ періодъ великой жизни своей, въ которомъ предлежитъ ей

раскрыть всю глубину и полноту своего духа и выразить вполнѣ свою Русскую народность. — И такъ по отношенію къ главнымъ вліяніямъ на Русское просвѣщеніе древній періодъ можно назвать *Греко-восточнымъ* или точнѣе *Греко-Словенскимъ*, средній *Греко-Латино-Словенскимъ*, новый — *Ново-Европейскимъ*, а современный періодъ составляетъ начало *Самобытно-Русскаго*. —

Что касается до частныхъ ступеней развитія или *отдѣловъ* каждаго періода, то ихъ можно принять въ первомъ *три*, во второмъ и третьемъ по *четыре*.

В ъ д р е в н е м ъ п е р і о д ѣ.

1-й *Отдѣлъ* — до половины XI-го вѣка, до кончины Ярослава (1054 г.)

2-й *Отдѣлъ* — до второй четверти XII-го вѣка, до кончины Мономаха (1125 г.)

3-й *Отдѣлъ* — до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита (Кирилла) въ Сѣверо-восточнуюРусь, во второй половинѣ XIII-го вѣка.

Все, что осталось отъ языческихъ временъ Восточно-Словенской жизни, составляетъ — если угодно — предварительный или вводный отдѣлъ ея древняго періода. Но какъ эти останки не могутъ еще отличены быть ясно и опредѣленно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, притомъ же они продолжались и въ древнемъ періодѣ, потому я и не почелъ нужнымъ составлять изъ нихъ особаго отдѣла.

В ъ среднемъ періодѣ:

1-й *Отдѣлъ* — до исхода XV-го вѣка или до начала Словенскаго книгопечатанія (1491 г.)

2-й *Отдѣлъ* — до исхода XVI вѣка или до установленія Патріаршаго Московскаго Престола въ Великой Руси (1589 г.) и появленія Уніи въ Западной Руси (1590 г.)

3-й *Отдѣлъ* — до половины XVII-го вѣка или до перваго возсоединенія Россіи въ общую цѣлость Русскаго Царства, присоединеніемъ Бѣлой и Малой Руси къ Великой (1654 г).

4-й *Отдѣлъ* — до наступленія XVIII-го вѣка или до конца Патріаршества въ Россіи и начала преобразованія оной Петромъ Великимъ (до 1700-го года).

Въ новомъ періодѣ:

1-й *Отдѣлъ* — первое сороколѣтіе XVIII-го вѣка, или до восшествія на Престолъ Елисаветы (1740 г.) и появленія *Ломоносова* на поприщѣ Словесности.

2-й *Отдѣлъ* — до кончины Екатерины Великой (1796 г.) или до начала *Карамзинскаго* вліянія на Русскую Словесность.

3-й *Отдѣлъ* — по 1812-й годъ или до первой половины царствованія Александра и начала вліянія *Жуковскаго* на Русскую Словесность.

4-й *Отдѣлъ* — по 1825-й годъ, до кончины Александра Благословеннаго и вступленія на Престолъ Николая Перваго; или до обращенія Россіи къ самобытному и своенародному развитію своей жизни, во всей полнотѣ ея. (Карамзинъ - Историкъ означаетъ въ семъ отдѣлѣ новѣйшее на-

правленіе Русской Словесности, которое въ нашей Поэзіи начато многими произведеніями Пушкина).

III. О СОЧИНЕНІЯХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Свѣдѣнія, относящіяся къ Исторіи Русской Словесности, первоначально были излагаемы у насъ въ видѣ библіографическихъ и жизнеописательныхъ словарей; матеріалы для нея заготовлялись критическимъ изслѣдованіемъ памятниковъ словесныхъ и ихъ изданіемъ въ свѣтъ, — что началось у насъ преимущественно въ вѣкѣ Екатерины Великой; наконецъ, уже въ прошломъ десятилѣтіи (1822), началась систематическая обработка Исторіи Русской Словесности, какъ науки.

Пропуская здѣсь отдѣльныя изданія Лѣтописей и другихъ памятниковъ Словесности, равно какъ и частныя изслѣдованія объ нихъ и замѣчанія библіографическія, — коихъ главное богатство разсѣяно въ повременныхъ изданіяхъ, — замѣтимъ, что первое у насъ библіогра-

фическое сочиненіе [4], названное *Оглавленіемъ книгъ, кто ихъ сложилъ*, составлено въ концѣ XVII-го вѣка при Московской Духовной Типографіи [5].

Въ прошломъ столѣтіи монахъ *Селлій* составилъ на Латинскомъ языкѣ *Литтературную Записку о Писателяхъ, сочиненіями своими объяснявшихъ Гражданскую и Церковную Россійскую Исторію* (напечат. въ Ревелѣ 1736 г. Русскій переводъ ея изданъ 1815 г. М.). — Но для Исторіи Русской Словесности особенно замѣчательны два труда незабвеннаго *Новикова: Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ*, изданный имъ 1772 г. въ Спб., и *Древняя Россійская Вивліоѳика* — богатый сборникъ разныхъ памятниковъ старинной нашей Словесности, изданный въ

4) Первыя извѣстія о произведеніяхъ Русской Словесности и нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ представлены ученому свѣту еще *Герберштейномъ*, который въ XVI-мъ вѣкѣ дважды посѣщалъ Россію и выдалъ объ ней извѣстное свое сочиненіе *Rerum Moscoviticarum*.

5) Сіе Оглавленіе составлено (какъ предполагаетъ Калайдовичъ) *Поликарповымъ*. Оно расположено по писателямъ, съ означеніемъ ихъ сочиненій и переводовъ, и съ выпискою первой строки изъ каждой книги. Рукопись онаго хранится въ Синодальной Библіотекѣ.

10-ти частяхъ, 1773—75 г. Спб., а потомъ вторымъ переработаннымъ и умноженнымъ изданіемъ, въ 20-ти частяхъ, 1788—91 г. въ Спб.[6] — Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Карамзинъ началъ было издавать *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, Ч. I. М. 1801 г.; а потомъ *въ Исторіи Россійскаго Государства* представилъ много извѣстій и замѣчаній о памятникахъ нашей Словесности и отрывковъ изъ нихъ. — Но собираніемъ и изданіемъ свѣдѣній, къ Исторіи Русской Словесности относящихся, занимались особенно Митрополитъ *Евгеній* и *Сопиковъ*. Первый изъ нихъ трудился надъ Словаремъ Русскихъ Писателей, и напечаталъ *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской Церкви* (Спб. 1818 г., а потомъ вторымъ изданіемъ 1827 г. Спб. 2 ч.), заключающій въ себѣ множество свѣдѣній по сей части. Матеріалы свои для *Словаря Русскихъ свѣтскихъ Писателей* Митрополитъ Евгеній передалъ *Снегиреву* (1836 г.), который занимается дополнительною обработкою и изданіемъ оныхъ, и напечаталъ уже 1838 г. въ Москвѣ 1-й

6) Отъ Академіи Наукъ издано было *Продолженіе Вивліоѳики* въ 11-ти частяхъ, Спб. 1786 — 1801.

томъ сего Словаря (А—Г), заставляющій желать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ. — *Сопикову* принадлежитъ честь составленія *Опыта Россійской Библіографіи или полнаго Словаря сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Словенскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія Типографій до 1813 года.* Сей Словарь, изданный въ 5-ти частяхъ 1813—21 въ Спб., важенъ по своей полнотѣ, многимъ выпискамъ изъ книгъ и библіографическимъ замѣчаніямъ. — Послѣ него, болѣе другихъ полное исчисленіе печатныхъ Русскихъ книгъ, особливо новыхъ (9934), представляетъ *Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенная.* Спб. 1828 г. Къ ней потомъ издано нѣсколько *Прибавленій.* — Должно замѣтить еще ученые *Библіографическіе Листы*, издававшіеся *Кеппеномъ* въ Спб. 1825 г. —

Но великое богатство древней и средней Словесности нашей заключается еще въ рукописяхъ, которыя изъ своего разсѣянія по небольшимъ монастырскимъ и церковнымъ архивамъ собираемы были въ

большія библіотеки *общественныя* и *частныя*. Въ числѣ первыхъ особенно богаты: *Московская Синодальная*, *Академическая*, *Архивская*, *Публичная С. Петербургская*. Изъ частныхъ библіотекъ болѣе другихъ славны: Графа *Мусина-Пушкина* (сгорѣвшая 1812 г.), Графа *Толстаго* и Графа *Румянцева*, подъ именемъ *Румянцевскаго Музея* нынѣ существующая. Описанія общественныхъ библіотекъ или еще не составлены или не изданы въ свѣтъ. Къ ученымъ описаніямъ частныхъ библіотекъ принадлежатъ: *Каталогъ Библіотеки Графа Толстаго*, изданный *Калайдовичемъ и Строевымъ*. М. 1825 г. Въ видѣ продолженія сего каталога *Строевъ* издалъ каталогъ книгъ *Московскаго купца Царскаго*. М. 1836 г. Но съ наибольшими критическими подробностями составлено *Востоковымъ* описаніе Румянцевскаго Музея, которое вскорѣ будетъ издано. —

Что касается до изданія въ свѣтъ самихъ памятниковъ и ихъ критическаго изслѣдованія, то изъ писателей, на семъ поприщѣ подвизавшихся въ нынѣшнемъ столѣтіи, долженъ быть замѣченъ особенно *К. Калайдовичъ*. Онъ трудился надъ

многими изданіями, изъ числа коихъ назовемъ здѣсь: 1) *Русскія Достопамятности*. Ч. I М. 1815 г., изданная отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 2) *Памятники Россійской Словесности XII вѣка*. М. 1821 г.; 3) *Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*. М. 1824 г. Калайдовичъ и П. Строевъ преимущественно трудились надъ изданіемъ *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, коихъ (на иждивеніи Графа Румянцева) напечатано въ Москвѣ 4 части (1813—27 г.). Сей же Строевъ, совершивъ отъ Академіи Наукъ археографическое путешествіе по монастырямъ Сѣверовосточной Россіи, собралъ много актовъ[7]. Это послужило началомъ Археографической Коммиссіи, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учрежденной 1834 года. Ея стараніями напечатаны уже *Акты*, собранные *Археографическою Экспедиціею*, 4 части, 1836 г. Спб., и заготовляются другія изданія, весьма важныя для нашей Исторіи и Словесности. — Изъ частныхъ

7) Въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. 1834 г. онъ помѣстилъ *Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи, Литтературы, Правовѣдѣнія до начала XVIII вѣка*.

трудовъ въ семъ родѣ укажемъ въ особенности на *Сборникъ Муханова*. М. 1836. — Вообще можно замѣтить, что изыскательность памятниковъ Отечественныхъ распространилась у насъ чрезвычайно и обѣщаетъ богатую жатву для будущаго Историка какъ цѣлой Русской жизни, такъ и Русской Словесности. —

Переходя къ обработкѣ Исторіи Русской Словесности въ систематическій видъ науки, замѣтимъ, что начало тому положено *Н. Гречемъ* [8].

Его *Опытъ краткой Исторіи Русской Литтературы*, изданный въ Спб. 1822 г., замѣчательнѣе прочихъ, какъ первое въ своемъ родѣ и болѣе другихъ богатое свѣдѣніями руководство. Оно можетъ по преимуществу назваться *фактическимъ*. Въ самомъ дѣленіи Русской Словесности на періоды Гречъ взялъ чисто-историческое направленіе, и установилъ *два* періода, въ

8) Систематическое сочиненіе *Шторха* и *Аделунга* объемлетъ только первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка: *Систематическое обозрѣніе Литтературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія* съ 1801 по 1806 годъ. Спб. 1810 — 11.

каждомъ *по три отдѣленія* [9], каковому дѣленію послѣдовалъ и *Шафарикъ*, обозрѣвая Русскую Словесность въ своей Geschichte der Slavischen Sprache und Litteratur. Ofen, 1826. Къ 4-й части своей Учебной Книги Русской Словесности, 1830 г., Гречь приложилъ вновь *Краткую Исторію Русской Словесности*, доведенную ближе къ нашему времени, но слишкомъ сокращенную. —

Послѣ Гречевыхъ опытовъ, въ нынѣшнемъ десятилѣтіи явились, также въ С. Пе-

9) Вотъ Гречево дѣленіе Исторіи Русской Словесности. *Періодъ первый:* отъ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ до введенія Гражданской печати, или отъ основанія Государства Россійскаго до Единодержавія Петра Великаго. *Отдѣленіе 1-е* — до введенія въ Россію Христіанской вѣры, т. е. до 989 г. *Отд. 2-е* — до сверженія Татарскаго ига, т. е. до 1462 г.. *Отд. 3-е* — до Единодержавія Петра Великаго, т. е. до 1689 года. — *Періодъ второй:* отъ Единодержавія Петра Великаго до нашихъ временъ. *Отд. 1-е* — до вступленія на Престолъ Елисаветы или до Ломоносова. *Отд. 2-е* — царствованіе Елисаветы и Екатерины, или отъ Ломоносова до Карамзина. *Отд. 3-е* — отъ Карамзина до нашихъ временъ. —

Раздѣленіе Русской Словесности на періоды встрѣчается еще прежде въ сочиненіи *Иліи Тимковскаго:* Опытный Способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Харьковъ. 1811 г. Тамъ принято пять періодовъ: 1-й до Ярослава, 2-й до XIII вѣка, 3-й до половины XVII вѣка, 4-й съ половины XVII вѣка до Ломоносова, 5-й отъ временъ Ломоносова. —

тербургѣ, другіе опыты — Тимаева (1832), Плаксина (1833), Глаголева (1834), Георгіевскаго (1836).

Тимаевъ представилъ только бѣглое обозрѣніе Русской Словесности, въ изданномъ имъ для дѣвицъ *Краткомъ Начертаніи курса Изящной Словесности*, 1832 г. Спб. — Подобно Гречу онъ держался направленія историческаго, но принявъ другое дѣленіе — на *три періода: первый* до возстановленія независимости и образованія народа Русскаго при Іоаннѣ III; *второй* до Императрицы Елисаветы Петровны; *третій* до настоящаго времени.

Плаксинъ, въ своемъ *Руководствѣ къ познанію Исторіи Литтературы*, большая часть коего посвящена *Исторіи Русской Словесности,* хотѣлъ представить опытъ Исторіи философической, обращая вниманіе не столько на полноту свѣдѣній, сколько на изъясненіе и сужденіе объ оныхъ. Вслѣдствіе того онъ раздѣлилъ Русскую Словесность, независимо отъ эпохъ историческихъ, на 4 періода. Періодъ 1-й называетъ онъ *языческою Литтературою* (до водворенія Христіанской Вѣры);

2-й — *преобладаніемъ Христіанской Литтературы предъ языческою* (до половины XVII вѣка); 3-й — *учено-богословское направленіе Литтературы* (до Ломоносова); 4-й — *Классическая Словесность* — до Жуковскаго, съ коего начинаетъ онъ *новую Словесность*, начало пятаго періода.

* *

Вслѣдъ за тѣмъ *Глаголевъ* предложилъ свой новый *Планъ Исторіи Русской Словесности* (такъ названа 4-я часть его сочиненія *Умозрительныя и Опытныя Основанія Словесности*, Спб. 1834 г.), гдѣ сочинитель, отрицая періоды въ нашей Словесности, дѣлитъ ее по предметамъ, находя сіе болѣе согласнымъ съ существомъ ея содержанія. Такимъ образомъ онъ, обозрѣвъ сперва старинные памятники нашей Словесности до XVI вѣка, (кои несвойственно названы у него *памятниками языка Великорусскаго*), разсматриваетъ потомъ Словесность послѣдующаго времени, проходя всѣ роды — сначала *Прозы*, потомъ *Поэзіи*. Несмотря на такой недостатокъ въ семъ Планѣ, онъ замѣчателенъ особенно разсмотрѣніемъ народной Русской Поэзіи.

Что касается до *Исторіи Литтературы Георгіевскаго,* то она (такъ же какъ у Глаголева) составляетъ 4-ю часть его *Руководства къ изученію Русской Словесности,* и въ ней (какъ у Плаксина) сперва говорится о Словесности другихъ народовъ, а потомъ о Русской, которую онъ, раздѣляетъ на *три періода,* полагая — 1-й до половины XV-го вѣка (1462 г.); 2-й до начала XVIII вѣка; 3-й до нашихъ временъ.

Должно еще замѣтить дѣленіе предложенное *Давыдовымъ* въ двухъ лекціяхъ его о Русской Словесности, помѣщенныхъ *въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета,* 1834 г. Развитіе Русской Словесности онъ примѣняетъ къ возрастамъ и называетъ *древній* періодъ — дѣтствомъ, *средній* періодъ — юностію, а *новый* — мужествомъ или самопознаніемъ народнымъ.

Вотъ всѣ обнародованныя у насъ по 1827-й годъ системы Исторіи Русской Словесности. — Но для полноты сего обозрѣнія трудовъ, относящихся къ изслѣдованію Русской Словесности, мы должны упомянуть еще о *системѣ отрицательной,* которая домогаясь достовѣрной, несомнѣнной подлин-

ности, сомнѣвается въ подлинной древности не только Церковныхъ Уставовъ Владиміра и Ярослава, но и Договоровъ Руси съ Греками, Русской Правды, Несторовой Лѣтописи, Пѣсни Игорю и прочая; не вѣритъ, чтобы такіе памятники могли быть написаны у насъ въ XI и XII вѣкахъ, а потому считаетъ ихъ поддѣлкою временъ послѣдующихъ и отвергаетъ ихъ достовѣрность, строя между тѣмъ изъ собственныхъ догадокъ новую систему нашей древней Исторіи.

Начало сей отрицательной системы кроется въ самопроизвольномъ критицизмѣ Шлецера; но полноты своей достигла она въ ученіи *Каченовскаго*, 1829—35 г.[10]

10) Историческая система Каченовскаго изложена частію въ его собственныхъ статьяхъ *о Русской Правдѣ*, частію въ Разсужденіяхъ учениковъ его: *С. Строева* (писавшагося и подъ именемъ *Скромненка*), *Бодянскаго*, *Перемышлевскаго*, *Бѣликова*. Она отозвалась и въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ Профессора *Давыдова* и Археографа *П. Строева*. — Въ опроверженіе системы сей и въ защиту достовѣрности и древности нашихъ Лѣтописей, писали *Погодинъ*, *Надеждинъ* и нѣкоторые другіе. Мое мнѣніе о томъ же высказано въ *Критическомъ Разборѣ Пѣсни о полку Игоревѣ* (въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1835) и въ книгѣ: *Откуда идетъ Русская Земля*, въ Примѣчаніи 14-мъ и другихъ.

Ученая мнительность и недовѣрчивость отъ древней Русской Словесности простиралась и на всю нашу Словесность, такъ что возникло было журнальное преніе о томъ: есть ли у насъ Словесность? — Но всѣ такія сомнѣнія и отрицанія, какъ они замысловаты и остроумны ни были, ничего не прибавили къ познанію Русской Словесности. Они зависѣли не отъ недостатка или небытія самаго предмета; но отъ особеннаго взгляда на предметы, называемаго *скептицизмомъ*, подъ именемъ коего и слыветъ этотъ отрицательный взглядъ на нашу Словесность и Исторію.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА.

ГЛАВА I.

О РУССКОМЪ И ДРУГИХЪ СЛОВЕНСКИХЪ НАРОДАХЪ, И О ВАРЯГАХЪ.

Народъ Русскій образовался изъ разныхъ отраслей Словенскаго племени, которыя съ незапамятныхъ для Исторіи временъ обитали въ Восточной Европѣ, начиная отъ Карпатъ и Вислы. Сіи первобытные насельники нашего Отечества, въ отличіе отъ прочихъ Словенъ *Западныхъ*, могутъ быть называемы Словенами *Восточными* или *Русскими*. Въ продолженіе многихъ вѣковъ своей древнѣйшей жизни они пребывали въ язычествѣ и состояли изъ множества отдѣльныхъ разноименныхъ отраслей, бывъ извѣстны у иноплеменниковъ и подъ общимъ именемъ *многочис-*

леннаго народа Венедовъ, Винидовъ, Антовъ; а Россія была называема *Сармаціей, Скиѳіей, Гардарикомъ.* Но во второй половинѣ IX-го вѣка Словены Восточные стали соединяться въ одно обширное Государство и прозываться *Русью,* по имени водворившихся у нихъ *Руссовъ.* Съ тѣхъ поръ наше Отечество представляетъ собою особый — *Русскій міръ* [1], въ которомъ десятивѣковое развитіе жизни запечатлѣно стремленіемъ къ полному единству, стройной цѣлости и общей самобытности народной. Здѣсь природа Словенская достигаетъ полноты бытія своего, и народность Русская, простираясь на Востокъ, покрываетъ собою уже всю Сѣверную половину Азіи и Сѣверо-западную часть Америки.

Что касается до *Западной* половины Словенскаго племени, то она распространялась по Европѣ также множествомъ отдѣльныхъ отраслей, изъ различнаго соединенія коихъ образовались потомъ особые *народы Западно-Словенскіе.* Народы сіи также ознаменовали свою жизнь въ

1) Сіе названіе употребляемо было еще въ началѣ XIII-го вѣка (у Епископа Суздальскаго Симона).

Исторіи многими подвигами; но по раздѣльному другъ отъ друга и одностороннему образованію своему, многіе изъ нихъ не только не могли удержать за собою своихъ прежнихъ земель (напримѣръ Венгріи, С. Германіи) и государственной самобытности, но даже и совсѣмъ утратили свою Словенскую народность (напримѣръ Поморяне и Словены Заодерскіе).

Различая такимъ образомъ въ кругѣ Словенскаго племени двѣ половины — *Восточную* или *Русскую* и *Западную*, въ каждой изъ нихъ мы подразличаемъ еще два разряда: въ первой половинѣ Словенъ — 1) Юго-восточныхъ или Южно-Русскихъ и 2) Сѣверо-восточныхъ или Сѣверно-Русскихъ; во второй — 3) Юго-западныхъ или Задунайскихъ и 4) Сѣверо-восточныхъ или Вендскихъ [2].

2) Сообразно раздѣленію Словенскихъ языковъ на два разряда, которое предложено Добровскимъ, и Шафарикъ принимаетъ слѣдующее дѣленіе Словенъ: I) Разрядъ *Юго-восточный:* 1-й отдѣлъ — Русскій, 2-й отдѣлъ — Болгарскій, 3-й отдѣлъ — Иллирійскій; II) Разрядъ *Западный:* 1-й отдѣлъ — Лешскій или Польскій, 2-й отдѣлъ — Чехо-Словенскій, 3-й отдѣлъ — Полабскій. —

О Словенахъ Восточныхъ или Русскихъ[3].

Первый разрядъ — Словены *Юго-восточные* или *Южно-Русскіе.* Они составляютъ коренныхъ насельниковъ Южно-Русскаго края, занимающаго оба-полы Днѣпра, справа до Дуная и Сана, слѣва по р. Деснѣ и Сулѣ къ Дону. Въ этомъ самомъ благодатномъ краю Россіи уже въ отдаленнѣйшіе вѣка развита была осѣдлая жизнь земледѣльческая, особенно между Днѣпровскими *Словенами*, которые потому и называются у Геродота *Скиѳами Оратаями;* а торговавшіе съ ними Ольвійцы называли ихъ въ то-же время *Борисѳенеитами*[4], т. е. Днѣпровцами. Въ ближай-

3) Въ исчисленіи Восточно-Словенскихъ отраслей мы ограничились извѣстнѣйшими, находящимися въ нашихъ древнихъ писаніяхъ; но у Географа Баварскаго (жившаго между 866 — 890 г.) и у Птоломея (жившаго во 2-мъ вѣкѣ) упоминаются еще многія другія. Подробныя соображенія объ нихъ, равно и о прочихъ Словенахъ древняго времени, находятся въ сочиненіи Шафарика Słowanské Starožytnosti, oddil dégepisny, w Praze 1837, — которое проливаетъ много свѣта на древнюю Исторію Словенскаго племени.

4) Изъ сего видно, что уже за пять вѣковъ до Р. Х. были сношенія Днѣпровскихъ Словенъ съ Греками. Одинъ *Борисѳенеитъ*, по имени *Біонъ*, былъ (въ 3 в. до Р. Х.)

шее къ нашему древнему періоду время, между отраслями Южно-Русскихъ Словенъ — по сказанію Несторову — особенно

въ числѣ Греческихъ Философовъ Киринейской секты. — Въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ по Днѣпру путешествовалъ Апостолъ Андрей Первозванный и достигши Кіевскихъ горъ предсказалъ, что *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быть и церкви многи Богъ воздвигнути имать.* Сіе завѣтное преданіе нашихъ предковъ, сохраненное Несторомъ, не подлежитъ сомнѣнію, если принять въ соображеніе то, какъ далеко проникали въ другихъ частяхъ Свѣта первые Проповѣдники Христовой Вѣры; а также и свидѣтельство Оригена (въ III-мъ в.), что Андрей Первозванный проповѣдывалъ въ Скиѳіи, въ которой по показанію Птоломея обитали *Свовены*, т. е. Словены. — Сказаніе Нестора о Князѣ Днѣпровскихъ Полянъ *Кіѣ*, о его хожденіи въ Царьгородъ и построеніи имъ Кіева на Днѣпрѣ и Кіевца на Дунаѣ, также не должно почитать вымысломъ; здѣсь подозрѣніе наводитъ только число *трехъ* братьевъ (Кія, Щека и Хорива): но сколько явленій надо-бы заподозрить, преслѣдуя число 3 или 12, кои такъ часто встрѣчаются и въ Исторіи человѣчества и въ Природѣ! — Геродотово названіе Днѣпровскихъ Словенъ *Оратаями* сходно съ ихъ собственнымъ наименованіемъ себя *Полянами*, которое также сохранилось у Нестора и производится отъ Днѣпровскихъ *Полей*. Если сіе имя не встрѣчается у Константина Багрянороднаго и Географа Баварскаго, то это потому, что Поляны въ ихъ время уже прозывались *Русью*, на что особенно указываетъ Несторъ. Но какъ названіе *Польской* земли усвоилось землѣ *Ляшской;* то, вѣроятно для отличія отъ ней, Южно-Русская *Польская земля* или *Поля* Днѣпровскія назвались *Украиною*, именемъ, которое въ Южно-Русскомъ языкѣ значило то-же, что и поле.

3.

Поляне отличались семейственностію жизни и кротостію нравовъ. Поляне первые прозвалися *Русью;* ихъ главный городъ Кіевъ сдѣлался *матерью городовъ Русскихъ;* отъ нихъ разлилась — сперва по Кіевской *Русской землѣ* или *Украинѣ,* а потомъ и по всей Руси — новая жизнь ея. Такимъ образомъ они составляютъ главную и средоточную отрасль между Словенами сего разряда; а ихъ земледѣльческая жизнь — основную стихію жизни Южно-Русской. Къ Востоку отъ сихъ Днѣпровскихъ Полянъ жили по р. Деснѣ — *Сѣверяне* (Птоломеевы *Савары*), а по Сулѣ *Суличи* или *Суляне.* Къ Западу отъ Полянъ жили *Древляне,* а за ними *Дулебы* и *Бужане,* между коими впослѣдствіи распространились *Велыняне* или *Волынцы,* отъ коихъ и Волынь получила свое имя. Къ Югу отъ Полянъ, до Чернаго моря и Дуная, простирались *Улучи* и *Тиверцы* (по Днѣстру), отличавшіеся воинственностью жизни и множествомъ городковъ. Наконецъ въ составъ *Южно-Русскаго народа* вошли еще *Бѣлые Хорваты, Боики* и нѣкоторыя другія отросли, принадлежащія къ *Червоной* или *Галицкой* Руси.

Второй разрядъ — Словены *Сѣверо-восточные* или *Сѣверно-Русскіе*. Съ древнѣйшихъ временъ они многими отраслями жили на Востокъ отъ р. Вислы, особенно въ средней Россіи — до Волги, а въ Сѣверной — до озера Ильменя. *Словены* Ильменскіе, долѣе всѣхъ Восточныхъ Словенъ называвшіеся родовымъ своимъ именемъ, а впослѣдствіи извѣстные подъ именемъ *Новгородцевъ*, составляютъ главнѣйшую отрасль сего разряда. Ихъ *Новгородъ* задолго еще до IX-го вѣка извѣстенъ былъ своею торговою промышленностію, коея духъ послужилъ Новугороду къ распространенію его Словено-Русской народности по Сѣверовостоку Россіи. Изъ Новагорода распространилось и первое государственное единство Сѣверной Руси. *Словены* сіи, по сказанію Несторову, переселились на Ильмень отъ Дуная, и по всей вѣроятности они принадлежали прежде къ Словенамъ Южно-Русскимъ или Скиѳскимъ (Птоломеевымъ *Своненамъ*), а близкіе къ нимъ *Тверичи* — къ Южно-Русскимъ Тиверцамъ (древнимъ *Тирангитамъ*). Къ Югозападу отъ Новгородцевъ жили *Кривичи* (Птоломеевы *Карвоны*). Большая часть сей многосложной отросли, какъ то:

Смольняне съ Торопчанами, *Псковичи* съ Изборцами, впослѣдствіи образовались, вмѣстѣ съ Новгородскими и прочими *Средне-Русскими* Словенами — *Вятичами, Курянами* (Птоломеевы *Каріоны*), въ *народъ Великорусскій*, собственно *Русскимъ* у насъ теперь называемый.

Другая часть Кривичей, подъ именемъ *Полочанъ* извѣстная, послужила средоточіемъ для образованія *Дреговичей* съ *Туровцами*, *Радимичей* и прочихъ Словенъ Сѣверо-западной Россіи въ *народъ Литовско-Русскій* или *Бѣлорусскій*, составляющій собою другую часть разряда Сѣверно-Русскаго.

Вотъ три вида Словенъ, носящіе на себѣ общее имя великаго *народа Русскаго* и составляющіе собою Восточную половину цѣлаго племени Словенскаго.

О Словенахъ Западныхъ.

Третій разрядъ — Словены *Юго-западные* или *Задунайскіе*. Изъ многихъ отраслей, въ разное время заселившихъ За-

дунайскій край Европы, они образовались въ слѣдующіе четыре главные вида или народа. — 1) Народъ *Болгарскій,* получившій сіе имя отъ Болгаръ, которые въ VII-мъ вѣкѣ (678 г.) перешли за Дунай со многими Словенскими отрослями, по сю сторону Дуная жившими, и въ покоренной ими Мизіи смѣшались въ одинъ народъ съ прежде бывшими тамъ и въ Сѣверной Македоніи *Словенами.* Сіи Словены вѣроятно были вѣтвію нашихъ *Словенъ* Южно-Русскихъ, такъ же какъ и *Драговичи* Македонскіе были вѣтвію Дреговичей Бѣлорусскихъ; но какого племени были сами Болгары, перешедшіе къ Дунаю изъ Болгаріи Волжской, это вопросъ еще спорный, нерѣшенный Историками. — 2) Народъ *Сербскій* (у Нестора *Серебь*). Его главнѣйшую часть составляютъ собственно такъ называемые *Сербы* и *Черногорцы,* Вѣры Греко-восточной; а другую часть *Иллирцы,* Католики, каковы Далматы, Босняки, Славонцы, Дубровничане (Рагузинцы). — 3) *Хорваты* или Кроаты, населяющіе Кроацію. 4) *Хорутаны,* называемые также Словенцами и Виндами, населяютъ Крайну, Штирію, Западную Венгрію. —

Четвертый разрядъ — Словены *Сѣверо-западные.* Сюда принадлежатъ: 1) народъ *Ляшскій,* къ коему относятся Словенскія отросли между Вислою и Одеромъ — собственно такъ называемые Ляхи или Поляки, Силезы или Шлёнзаки, Мазуры или Мазовшане, Поморяне; — 2) народъ *Сырбскій,* къ коему принадлежатъ Сырбы или Лужичи, населяющіе верхнюю и нижнюю Лузацію; — 3) народъ *Чешскій,* состоящій изъ собственно такъ называемыхъ Чеховъ или Богемцевъ, населяющихъ Богемію, и Моравовъ, населяющихъ Моравію; — 4) *Словаки,* коихъ сторона составляетъ теперь Сѣверо-западную Венгрію.

Но кромѣ сихъ Словенъ, въ Сѣверозападномъ разрядѣ должно вспомянуть еще тѣхъ, кои жили на Балтійскомъ Поморьи къ Западу отъ Поморянъ, т. е. отъ р. Одера къ Эльбѣ. Словены здѣшняго края нѣкогда были весьма воинственны, но уже давно утратили свою народность и стали Нѣмцами, подобно Поморянамъ. Въ числѣ ихъ были извѣстны *Бодричи* или Оботриты (Меклембургцы), *Вагры* или Вагиры (Голштинцы), *Глиняне* (Люне-

бургцы, Linones), *Вилки* или *Волки*, *Смпляне* (Smeldingi), *Украны*, и другіе. По ту сторону Эльбы жили *Деревляне*, можетъ быть вѣтвь нашихъ Южно-Русскихъ Древлянъ. На островѣ Волинѣ (Юлинѣ) жили *Волынцы*, отъ которыхъ безъ сомнѣнія и наши Южно-Русскіе Волыняне. Но первенствующею и сильнѣйшею отраслію сихъ Заодерскихъ Словенъ были *Ружане*, жители острова Ругена, коихъ называли *Ругами*, *Ругіянами*, *Руянами*, *Ранами* и — *Руссами*. Болѣе всѣхъ Прибалтійскихъ Словенъ они славились своею морскою силою, торговлею и богослуженіемъ Свѣтовиду. Сія *Ружская* или *Русская* отрасль Словенъ распространялась и на Поморьи Балтійскомъ, гдѣ ея имя осталось и понынѣ въ названіи многихъ мѣстностей. — У Нестора сіи Поморскіе Словены [5]

5) Несторъ въ началѣ своей Лѣтописи, исчисляя народы *Афетова племени* (Европейскіе), говоритъ, что Чудь, Прусь и Ляхи присѣдятъ къ морю Варяжскому, и что по тому-же морю сѣдятъ Варяги къ Западу до земли Англянской и до Волошской. Слѣдственно у него на Западѣ Варяги начинаются за Ляхами, кои у него показаны на Вислѣ; а какъ у него подъ именемъ Ляховъ считаются и Поморяне, то еще опредѣленнѣе можно положить начало его Варяговъ на Западѣ отъ Поморянъ, т. е. отъ Одера къ Эльбѣ — до земли Волошской, т. е. до Галліи.

причисляются къ *Варягамъ*. Изъ сего видно, что имя Варяговъ, хотя преимущественно усвоялось Скандинаво-Нѣмецкимъ народамъ, однако простиралось и на Словенъ[6]; и мы полагаемъ, что Несторовы *Варяги-Русь*, *Руссы* или *Россы* — были *Словены Прибалтійскіе*. — Впрочемъ, по господствующему нынѣ Байерову мнѣнію, Руссовъ считаютъ народомъ происхожденія и племени Скандинавскаго, наравнѣ съ прочими Варягами; а имя Варяговъ ограничиваютъ только Скандинавами.

О Варягахъ и Руссахъ.

Дѣйствительно: *Варягами* у насъ въ древнія времена первоначально и собственно назывались Скандинаво-Нѣмецкіе народы безразлично — и *Готы*, и *Свеи* (Шведы), и *Урманы* или *Норманы* (Норвежцы), и *Англяне*. Съ именемъ Варяга соединялось всегда понятіе заморянина, чужаго,

6) Сильнымъ защитникомъ Словенскаго происхожденія Руси и разноплеменности Варяговъ былъ Ломоносовъ. Въ своей Исторіи онъ говоритъ: «неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и языковъ состояли.» —

иноземца, и напослѣдокъ — иновѣрца: такъ, что въ XI и XII вѣкахъ Западную или Латинскую Вѣру называли *Варяжскою; Латинникъ* и *Варягъ* были однозначущія слова. Но съ XIII-го вѣка у насъ стали и на Скандинавовъ распространять имя *Нѣмца*, которымъ въ среднія времена замѣнили имя Варяга: Латинскую Вѣру называли уже *Нѣмецкою*, и этимъ именемъ стали было означать неопредѣленно не только все иноземное, Западное, но и все чужое, иноязычное.

Отъ сихъ Варяговъ былъ Рюрикъ съ своимъ княжескимъ родомъ и знатнѣйшею частію своей дружины. Со времени его княженія въ Новѣгородѣ началось у насъ распространеніе Варяговъ, особенно на Сѣверѣ, и возникли связи съ Скандинавіей; ея жители до XII вѣка приходили сами и вызываемы были въ Россію для военной службы.

Варяги на Европейскомъ Западѣ были извѣстны подъ грознымъ именемъ *Нормана* или *Нордманна*, съ которымъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага-воителя, разбойника Балтическаго, а не племенное отличіе. Такимъ образомъ имя

Нормана, первоначально и собственно принадлежавшее Норвежцамъ, распространено было и на прочихъ Скандинавовъ и всѣхъ вообще Сѣверныхъ или Прибалтійскихъ жителей, воевавшихъ съ IX вѣка въ Европѣ, — въ числѣ коихъ были и Руссы или вообще Словены Прибалтійскіе. — Въ такомъ смыслѣ и Люитпрандъ называетъ *Нордманнами* разноплеменное ополченіе Кіевской *Руси*, нападавшее съ Игоремъ на Царьгородъ. Въ такомъ же, мнѣ кажется, общемъ смыслѣ и у Нестора дважды причислена къ Варягамъ та Русь, которая пребывала еще у моря Балтійскаго или *Варяжскаго* и принадлежала еще къ народамъ Западнымъ. Но перешедшая къ намъ *Русь* никогда у Нестора не смѣшивается съ *Варягами*, хотя и они также находились въ предѣлахъ нашего Отечества, и принадлежали къ нему по *Варяжскому роду* нашихъ Князей. Несмотря на то *Руссы* и *Варяги* различаются какъ два особые народа. — Первоначальное водвореніе и распространіе *Руссовъ* произошло въ Кіевской землѣ и у Чернаго моря, при Оскольдѣ и Дирѣ, и потому земля Кіевская первая прозвалася *Русью* или *Русскою зем-*

лею, а Черное море *Русским.* Но когда Олегъ изъ Новагорода перешелъ въ Кіевъ, завладѣлъ здѣшнею Русскою землею, сдѣлался *Княземъ Русскимъ,* тогда — по словамъ Нестора — и бывшіе съ нимъ *Варяги, Словены* (т. е. Новгородцы) *и прочіи провашася Русью*[7]. Съ той поры имя сіе стало общимъ государственнымъ именемъ и для Новагорода, хотя и въ Новѣгородѣ и въ Южной Руси до исхода XII вѣка *Русью* или *Русскою землею* собственно называлась только Кіевская земля или Украина[8]. Но и послѣ Олега Руссы нѣкоторое время оставались еще въ Кіевской землѣ какъ *особый народъ,* еще неслив-

7) Изъ сего видно, кажется, что *Варяги* Рюриковы и Олеговы до той поры не назывались Русью. — По моему мнѣнію Руссы отошли отъ Рюрика вмѣстѣ съ Оскольдомъ.

8) Подробно о семъ говорится въ 7 и 10-мъ параграфахъ моей книги *Откуда идетъ Русская Земля,* въ которой изложено подробнѣе о Словенскомъ происхожденіи Руссовъ, и предложены замѣчанія на разныя другія о томъ мнѣнія.

Имя *Украины* для Кіевской земли появляется въ Лѣтописи Кіевской въ концѣ XII вѣка, а именно подъ 1187 годомъ, — въ то время, какъ имя Руси усвоялось уже и на Сѣверѣ. Впрочемъ можетъ быть оно тогда начало опять возобновляться, бывъ и прежде именемъ земли Полянъ Днѣпровскихъ (см. Примѣч. 4).

шійся съ туземцами, отдѣльный и отъ Полянъ, и отъ другихъ Словенъ, а также и отъ *Варяговъ*[9]. — Вообще изъ Нестора ни какъ не слѣдуетъ, чтобы Руссы также были происхожденія и племени Скандинаво-Нѣмецкаго, какъ и прочіе, настоящіе Варяги[10]; да и никто изъ Рускихъ до исхода прошлаго столѣтія не считалъ своими прародителями Скандинавскихъ Нѣмцевъ или Готовъ, хотя объ нихъ и объ связяхъ съ ними нашихъ предковъ

9) Это видно изъ разноплеменнаго ополченія Руси на Грековъ при Игорѣ, который — по словамъ Нестора — «совокупи вои многи: *Варяги, Русь*, Поляне, Словене, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги.» —

Что Русь была у насъ сперва въ Кіевской землѣ, а не на Сѣверѣ, это между прочимъ ясно изъ слѣдующаго мѣста Несторовой Лѣтописи. Ярославъ шелъ изъ Новагорода на Святополка съ Варягами и Новгородцами; но изъ Кіева ходилъ на Болеслава, совокупивъ *Русь*, и *Варяги*, и *Словены*. Сѣверъ нашъ былъ Русью только въ государственномъ смыслѣ: потому-то и у Константина Багрянороднаго Новгородъ полагается *внѣ России*.

10) Сего не слѣдуетъ также изъ недавно отысканнаго у Арабскаго Географа Ахмедъ-эль-Катеба извѣстія, что въ 844 году Севилла была разграблена язычниками, называемыми *Русъ*. Съ такимъ же правомъ эти Руссы могутъ быть названы жителями Поморья Словенскаго, съ какимъ относятъ ихъ въ Заморье Скандинавское. Это извѣстіе только дополнительное, а не основное.

знали у насъ издревле и Рюрика считали Княземъ *Варяжскимъ* или *Нѣмецкимъ*. При всемъ томъ Руссы у насъ издревле почитались нашими одноплеменниками. И мы, признавая Руссовъ *Словенами съ Поморья Балтійскаго*[11], только приближаемся къ тому мнѣнію, которое въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ было общимъ мнѣніемъ нашихъ соотечественниковъ и господствовало до исхода прошлаго столѣтія. Наше мнѣніе не отрицаетъ Норманскаго или Варяжскаго духа въ началѣ древняго періода Русской жизни; потому оно въ семъ отношеніи не противорѣчитъ современному понятію о нашей древней Исторіи. Поморскіе Руссы и Скандинавскіе Варяги, издревле бывшіе въ непрестанныхъ связяхъ, имѣли много общаго и за-одно распространяли въ нашемъ Отечествѣ свою Норманскую отвагу и воинственный образъ жизни. Но въ племенномъ отношеніи — къ языку и всей народности — они были различны: потому и вліяніе Руссовъ на Восточныхъ Словенъ — по нашему понятію — было иное, притомъ болѣе близкое и успѣшное, чѣмъ вліяніе

11) Между прочимъ, такъ именно говорится и въ Бѣло-Церковскомъ Универсалѣ Богдана Хмельницкаго, 1648.

иноплеменныхъ имъ Варяговъ. По нашему понятію, съ водвореніемъ Руссовъ и принятіемъ ихъ имени, не только не была умалена Словенская народность въ нашемъ Отечествѣ; но еще умножилась и возросла, отъ слiянія двухъ Словенскихъ бытовъ — мореходно-воинскаго или *Поморскаго*, и домовито-земледѣльческаго или *Полянскаго* — въ одну полноту новой, *Русской жизни*. Варяги же Скандинавскіе, чтобъ не быть чужими въ нашемъ Отечествѣ, должны были принять его Словено-Русскую народность и утратить свою Нѣмецкую — еще болѣе, чѣмъ теряли ее Норманы у народовъ Западно-Европейскихъ.

ГЛАВА II.

О РАЗВИТІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПРОСВѢЩЕНІИ РУСИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ.

Первоначальная, Восточно-Словенская народность Руси, въ продолженіе древняго періода своей жизни, развивалась подъ вліяніемъ двухъ главныхъ стихій: Варяго-Русской и Греко-Христіанской. Обѣ онѣ вошли къ намъ почти современно, но съ

противоположныхъ сторонъ, и развились одна послѣ другой. — Сначала происходило сильное раскрытіе Варяго-Русской стихіи, вліяніе которой началось съ пришествія и водворенія у насъ Варяговъ и Руссовъ. Ихъ власть и сила положили печать государственнаго единства и Русскаго имени на Восточныхъ Словенъ, и сообщили имъ сильное движеніе *ратнаго духа*, составляющаго главное отличіе сей стихіи. Развитію ратнаго духа въ народѣ нашемъ способствовали потомъ внутреннія междоусобныя войны Русскихъ Князей, между которыми Русь дробилась на Удѣлы, по обычаю Варяжскому. Кромѣ того непрестанные набѣги Азіатцевъ на Южную Русь и ихъ распространеніе въ ней способствовали къ тому, что воинственность духа развилась еще болѣе у Южной Руси и получила здѣсь особый характеръ — отъ сліянія мореходной отваги Варяго-Русской съ наѣздническимъ удальствомъ Азіатца.

Воинскія стремленія первыхъ Князей Руси на Грецію и Болгарію, сблизили ее съ ними. Отпуда проистекло другое вліяніе на жизнь Руси, послужившее къ ея

церковному и внутреннему единству и просвѣщенію. Главнымъ основаніемъ тому была *Христіанская Вѣра*. Съ принятіемъ ея отъ Царягорода въ 866 году, Россія вошла въ кругъ Греко-восточной Церкви и въ тѣснѣйшія связи съ Греціей. Подлежа въ церковномъ отношеніи духовной власти Патріарховъ Царьгородскихъ, Россія[1] имѣла первыхъ Священ-

1) Перваго Епископа и Священника Россія получила въ 866 году отъ Патріарха Фотія; вслѣдъ за тѣмъ, около 867 года, былъ посланъ къ намъ отъ Василія Македонянина Епископъ *Михаилъ*, посвященный Патріархомъ Игнатіемъ. При Ольгѣ, принявшей крещеніе въ Царѣгородѣ, по Нестору 955 г. (а по Константину Багрянородному 957 г.), находился Священникъ *Григорій*. Кромѣ Грековъ первыми у насъ Священниками были и Болгары. — Россія вошла въ составъ Греко-Восточной Церкви безъ сомнѣнія въ 866 году и около 895 года она въ числѣ Епископствъ, подвластныхъ Царьгородскому Патріарху, считалась 60-мъ Епископствомъ или Митрополіей. — Первымъ Митрополитомъ Кіевскимъ былъ *Св. Михаилъ* (ск. 992); вторымъ *Леонтій*, называвшійся Митрополитомъ *Переясловскимъ и Русскимъ* (ск. 1008); всѣхъ же Митрополитовъ въ древнемъ періодѣ у насъ было 22. Изъ нихъ только два было *Русскихъ*: *Иларіонъ* (1051 — 1071) и *Климентъ* (1147 — 56), поставленные Соборомъ Русскихъ Епископовъ, первый по волѣ Ярослава, а второй по волѣ Князя Изяслава. Прочіе Митрополиты были Греки и присылались отъ Царьгородскаго Патріарха; послѣдній изъ нихъ *Іосифъ* убитъ Татарами во время разоренія Кіева 1240 г. Послѣ того десять лѣтъ не было у насъ Митрополитовъ.

никовъ и Епископовъ и большую часть своихъ Митрополитовъ изъ Грецiи. Изъ нея же она получала зодчихъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, равно и самые предметы, къ возвышенiю и украшенiю жизни служившiе. Такимъ образомъ Россiя подчинилась влiянiю *Греческаго просвѣщенiя* на развитiе своей умственной и общественной жизни, — и въ продолженiе древняго перiода сильно стремилась къ усвоенiю сего просвѣщенiя, въ чемъ и Грецiя поставляла свои выгоды. Распространенiе онаго было тѣмъ большее, что и Болгарiя, отъ которой Россiя не мало заимствовала для своей грамотности, еще сильнѣе подчинена была влiянiю Греческому.

Богослуженiе по чину Греко-восточной Церкви, но на языкѣ Словенскомъ, и письменное употребленiе сего языка въ Россiи, послужили къ живѣйшему раскрытiю ея собственной умственной дѣятельности и придали характеръ *Словенства* развитiю въ ней стихiи Греко-Христiанской. Влiянiе оной сопровождалось у насъ развитiемъ своенародной умственной дѣятельности. Потому, хотя въ древнемъ Рус-

4.

скомъ просвѣщеніи господствуютъ вообще и ученыя понятія и художественный вкусъ Греко-Византійскія; однако видны часто и своеобразныя выраженія Русской жизни, яркіе проблески ума своенароднаго. —

При всемъ разнообразіи своихъ частныхъ явленій древняя жизнь Руси состояла въ сліяніи двухъ новыхъ стихій, т. е. Варяго-Русской и Греко-Словенской, — съ природною Восточно-Словенскою въ одну цѣлость *Русскаго духа* — и въ постепенномъ, самостоятельномъ его развитіи по всѣмъ частямъ Россіи. Какъ первымъ мѣстомъ соединенія сихъ стихій и образованія изъ нихъ Русскаго духа, такъ и общимъ средоточіемъ распространенія сего духа по Россіи былъ *Стольный Кіевъ*. Съ упадкомъ Великокняжеской власти Кіева надъ Русью руши-

2) Первоначальный упадокъ Кіева мы полагаемъ съ того времени, какъ онъ взятъ былъ (1169 г.) Андреемъ Боголюбскимъ, основавшимъ *Великое Княжество* въ Суздальской землѣ, гдѣ Князь сей предпринималъ учредить и особую Митрополію. Но окончательное паденіе Кіева начинается съ его разоренія Половцами въ 1204 году, въ которомъ и Царьгородъ былъ взятъ Крестоносцами.

лось ея первоначальное государственное единство; но съ окончательнымъ упадкомъ Кiева [2], кончилась и древняя жизнь Руси, и государственная самобытность ея покрылась мглою Татарскаго ига. Нерушимымъ осталось только церковное единство древней Руси, которое во весь древнiй перiодъ пребывало недѣлимымъ и сосредоточеннымъ въ Кiевѣ, въ духовной власти *Митрополита Кiевскаго и всея Руси.* Изъ сего-то единства возникъ второй перiодъ Русской жизни, но уже изъ другаго средоточiя — изъ Владимiра Залѣскаго, гдѣ съ половины XII-го вѣка находился другой, новый Великокняжескiй Престолъ, и гдѣ новоизбранный (1250 г.) Русскiй Митрополитъ Кириллъ II-й основалъ свое пребыванiе. —

Различая въ древнемъ перiодѣ три ступени развитiя или отдѣла, взглянемъ на каждый изъ нихъ порознь.

Отдѣлъ первый.

Первый отдѣлъ древняго перiода, продолжавшiйся 192 года — до кончины Ярослава, ознаменованъ вообще исполинскими

движеніями Русской жизни, которыми въ сіе время свершено *соединеніе Восточныхъ Словенъ* (и нѣкоторыхъ иноплеменныхъ отраслей) *въ одно Русское Государство и водворена въ немъ Христіанская Вѣра.* — Два первыя десятилѣтія сего отдѣла представляютъ почти современное притеченіе Варяго-Русской стихіи — отъ Балтійскаго моря черезъ Новгородъ, и Греко-Христіанской стихіи — изъ Греціи въ Кіевъ. Между тѣмъ какъ въ Новѣгородѣ съ 862 года господствовала только собственно-Варяжская сила Рюрикова, соединившая Сѣверно-Русскіе края въ одно Княжество, — Кіевъ съ 864 года сдѣлался другимъ собственно-Русскимъ Княжествомъ Оскольда и Дира, въ которомъ распространялась не одна Варяго-Русская сила, но велось уже и Христіанство, съ 866 года, т. е. со времени перваго крещенія Кіевскихъ Руссовъ и ихъ Князей, свершеннаго въ Царѣградѣ Патріархомъ Фотіемъ, въ царствованіе Михаила.

Въ 882 году Вѣщій Олегъ, умертвивъ Оскольда и Дира, завладѣлъ ихъ Княжествомъ, и соединивъ съ нимъ свое Княжество Сѣверное въ одно Русское Госу-

дарство, назвалъ Кіевъ *матерью Русскихъ городовъ* и водворилъ въ немъ Княжескій родъ Рюрика. Съ той поры Кіевъ сталъ столицею всея Руси,—средоточіемъ, изъ коего развивался обширный кругъ ея древней жизни.—Болѣе цѣлаго столѣтія—до 988 года—Русская жизнь развивала въ себѣ только воинственную стихію Варяго-Русскую и означила себя огромными завоеваніями. Это былъ *богатырскій вѣкъ* Русской жизни. Христіанство тогда хотя и велось въ Кіевѣ непрерывно, но весьма ограниченно. Изъ всего Княжескаго Дома только одна Ольга, уроженка Изборская, была Христіанкою. Прочіе Князья Рюрикова рода были еще весьма преданы язычеству. Такъ Святославу было *не любо въ Кіевѣ быти*—при жизни Святой матери его, склонявшей его къ крещенію, котораго онъ не терпѣлъ и на которое не хотѣлъ промѣнять своего *Перуна* и *Волоса скотья бога* [3]. Особенно Владиміръ, въ первую половину своего княженія, явилъ себя поборникомъ идолопоклонства

3) Сими богами онъ клялся въ своемъ договорѣ съ Греками. По смерти Св. Ольги, возвратясь въ Кіевъ, онъ разорилъ церковь на Угорскомъ (Оскольдовой могилѣ). —

въ Кіевѣ, гдѣ онъ поставилъ кумиры *Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокоша.*

Но языческая набожность сего Великаго Князя-Богатыря скоро обратилась къ свѣту истинному, и онъ — принявъ крещеніе въ Корсунѣ 988 года — явился *Святымъ, Равноапостольнымъ Просвѣтителемъ Россіи.* Возвратясь въ Кіевъ, онъ крестилъ сыновей своихъ и народъ Кіевскій, ниспровергъ свои кумиры, вмѣсто ихъ воздвигалъ величественныя церкви, и тѣмъ исполнилъ давнее пророчество Св. Андрея Первозваннаго, водрузившаго на Кіевской горѣ свой крестъ, отъ коего Русская Церковь ведетъ свое начало. — Христіанская половина жизни Владиміровой была великимъ временемъ для просвѣщенія Русскаго. „Володиміръ просвѣ„щенъ самъ, и сынове его, и земля его" — говоритъ Несторъ, описавъ крещеніе Руси. Дѣйствительно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ Христіанство возобладало надъ язычествомъ въ душѣ Великаго Русскаго Князя, оно и въ народѣ его сдѣлалось господствующею Вѣрою, и было вѣрнымъ началомъ и залогомъ дальнѣйшаго

просвѣщенія Руси. Распространяя крещеніе и церкви по городамъ и селамъ, Владиміръ повелѣлъ заводить школы и отдавать въ нихъ дѣтей на *ученіе книжное*. Русская Іерархія при немъ стала на степень дѣйствительной Митрополіи, и въ 992 году была раздѣлена на Епископства[4]. Духовенству далъ онъ *Уставъ Церковнаго Суда*. Любя дружину свою, онъ заботился объ устроеніи ратномъ; а также — объ устроеніи и *Уставѣ землянѣмъ* (земскомъ). Такимъ образомъ Св. Владиміръ былъ и первымъ законодателемъ Руси.

Ярославъ *Благовластный* былъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Распространяя церкви и ученіе книжное, онъ также былъ законодателемъ и устроителемъ земли Русской. Онъ любилъ чте-

4) Въ 992 году было уставлено шесть *Епископствъ* или Епархій: Кіевская, Новгородская, Ростовская, Владиміро-Волынская, Бѣлгородская и Черниговская. — Во второмъ отдѣлѣ прибавилось еще шесть: Юрьевская или Поросская (на р. Роси), Переяславская, Холмская, Тмутороканская, Туровская и Полоцкая. — Въ третьемъ отдѣлѣ, до нашествія Татарскаго, учреждено еще шесть: Смоленская, Галицкая, Муромско-Рязанская, Суздальская, Перемышльская и Переяслово-Залѣская. Такимъ образомъ, древняя Іерархія Русская, до Митрополита Кирилла II-го, состояла изъ 18-ти Епископствъ.

ніе, заставлялъ переводить съ Греческаго на Словенскій языкъ многія книги и списки съ оныхъ, для употребленія народнаго, положилъ въ созданномъ имъ Софійскомъ Соборѣ. При семъ храмѣ Ярославъ устроилъ и каѳедру Митрополичью, на которую 1051 г. поставленъ былъ берестовскій Священникъ *Иларіонъ* — первый Митрополитъ изъ Рускихъ, при томъ посвященный Соборомъ Русскихъ Епископовъ, безъ отношенія къ Патріарху, по волѣ Князя. Огромность Софійскаго храма и *нерушимая стѣна* его [5] свидѣтельствуютъ о томъ великолѣпіи, какимъ съ помощію Греческаго художества, украшаемъ былъ Кіевъ, который тогда славился и на Западѣ, какъ великій городъ, соперникъ Царягорода [6]. — При Ярославѣ началось возрастаніе и Новагорода, которому — за его услуги — даровалъ онъ гражданскую самостоятельность,

5) Такъ называется алтарная стѣна сего храма, на которой сохранилась величественная древняя *мусія* (мозаика), представляющая Св. Богоматерь. —

6) О семъ говорится у Адама Бременскаго, также у Дитмара Мерзебургскаго, — коего сказанія о Кіевѣ приводятъ въ недоумѣніе даже нашихъ Историковъ.

узаконилъ ее грамотами и повелѣлъ завести училище на 300 дѣтей, для обученія церковнымъ книгамъ и Греческому языку [7]. — Итакъ въ послѣднія 66 лѣтъ сего отдѣла Русской жизни, она представляетъ сильное распространеніе Христіанства, которое сливаясь съ Восточно-Словенскою народностью, — уже обновленною и измѣненною вліяніемъ Варяго-Русскимъ, — дало ей новый духъ и образовало ее въ новое бытіе. Главнымъ виновникомъ бытія сего былъ Князь Владиміръ, величайшій Герой и вмѣстѣ Святый Апостолъ Русской земли. Онъ есть истинный представитель сихъ исполинскихъ временъ Русской жизни, и потому въ народной памяти первоначальные вѣка нашей древности сливаются въ одинъ *богатырскій вѣкъ Владиміра,* и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ сей Князь величается *Солнцемъ.* —

7) Распространителемъ Христіанской Вѣры и учредителемъ перваго училища въ Новѣгородѣ былъ первый Новгородскій Епископъ Св. *Іоакимъ Корсунянинъ* (съ 992 г., скопч. 1130 г.). Изъ учителей сего Новгородскаго училища извѣстенъ *Ефремъ* (ученикъ Іоакима), упоминаемый въ Новгородской Лѣтописи подъ 1031 г.

Отдѣлъ второй.

Послѣ Ярослава возникли сильныя междоусобія Русскихъ Князей за ихъ удѣлы и Престолъ Кіевскій, и Русь была обуреваема *равновластіемъ*, которое однако жъ было еще приведено къ единству Великокняжеской власти — Владиміромъ II-мъ *Мономахомъ*. Несмотря на внутреннія волненія Руси, семидесятилѣтіе, составляющее второй отдѣлъ древняго періода, было временемъ наибольшаго процвѣтанія Кіева, сильнѣйшаго раскрытія жизни въ Южной Руси, и успѣховъ Русскаго Христіанства.

При всей междоусобицѣ своей Русскіе Князья не жалѣли своей казны на построеніе церквей и монастырей, заботились объ устройствѣ своихъ Княжествъ, о законодательствѣ, — и многіе изъ нихъ любили просвѣщеніе. Такъ Святославъ Ярославичь былъ весьма любознателенъ и палаты свои наполнялъ книгами; Всеволодъ Ярославичь зналъ пять языковъ; а доблестный его сынъ Мономахъ, главный герой сего времени, былъ самъ Русскимъ Писателемъ.

Духовенство наше съ своей стороны способствовало къ утвержденію и распространенію Христіанства — и просвѣщенія умственнаго. Къ тому особенно содѣйствовало образованіе святой Обители Печерской и происшедшее изъ нея сильное распространеніе монастырской жизни. Это было чрезвычайно важное явленіе сихъ временъ, которое послужило окончательно ко внутреннему преобразованію Русскаго духа Христіанствомъ и представляло собою рѣзкую противоположность и борьбу съ мірскою, внѣшнею жизнію. Здѣсь Княжеская власть, разрозненная въ Удѣлахъ, пришла въ борьбу сама съ собою и подорвала, нарушила ею государственную цѣлость Владиміровой Руси. Но распространеніе Христіанства въ Русскихъ Епископствахъ и возвышеніе онаго въ монастыряхъ умножало церковное единство Руси, дробимой на Удѣлы Княжескіе, и укрѣпляло ихъ внутреннимъ, духовнымъ союзомъ.

О монастырѣ Печерскомъ.

Монастыри мужескіе и женскіе были у насъ еще при Владимірѣ и Ярославѣ.

Особенно въ княженіе Ярослава начали умножаться *черноризцы* въ Россіи. Но *Первоначальникомъ* высшаго иноческаго житія въ Россіи былъ Преподобный *Антоній*, уроженецъ города Любеча. По вторичномъ возвращеніи своемъ съ Аѳонской горы, гдѣ былъ монахомъ Святой мужъ сей, онъ — еще въ княженіе Ярослава — поселился въ малой пещерѣ, ископанной Иларіономъ надъ Днѣпромъ за Берестовымъ, и здѣсь — въ княженіе Изяслава — основалъ общежитіе братіи Печерской. — Главнымъ ея устроителемъ былъ Преподобный *Ѳеодосій*, одинъ изъ первыхъ учениковъ Антонія, пришедшій къ нему изъ Курска. Въ игуменство Ѳеодосія число Печерской братіи возросло до ста; потому онъ, испросивъ у Изяслава мѣсто на Берестовомъ полѣ, построилъ тамъ монастырь Печерскій и завелъ въ немъ (1072 г.) порядокъ по *Уставу Студійскому*. Отсюда Уставъ сей распространился по всѣмъ Русскимъ монастырямъ, и потому Преподобный Ѳеодосій именуется *Начальникомъ* Русскихъ иноковъ, а монастырь его, долго называвшійся *Ѳеодосіевымъ*, содѣлался образцемъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. То былъ истинный вер-

тоградъ Христовой Вѣры, которая здѣсь возрастала сколько въ молитвенныхъ подвигахъ отшельническаго житія, столько и въ дѣятельныхъ подвигахъ общеполезной жизни и просвѣщенія умственнаго. Сюда стекались люди изъ разныхъ мѣстъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, и здѣсь преображались и уравнивались въ одну Христіанскую братію. Такъ Преподобный *Варлаамъ*, первый Игуменъ Печерскій, былъ сынъ знатнаго Боярина Іоанна. *Никола Святоша* былъ внукъ Святослава Ярославича: добровольно оставивъ свое Черниговское Княжество, онъ вступивъ 1106 года въ братію Печерскаго монастыря, отдалъ ему свою библіотеку, устроилъ при немъ особый больничный монастырь и былъ три года поваромъ, и три года привратникомъ Печерскимъ. Въ томъ же году въ Печерскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній благочестивый инокъ — знаменитый Воевода *Янъ Вышатичъ*. Между нетлѣнными останками Печерскихъ Угодниковъ почиваетъ и безсмертный Русскій Богатырь *Илья Муромецъ*. — Иноки Печерскаго монастыря (напримѣръ Варлаамъ, Ефремъ Евнухъ) ходили во Святыя Мѣста Восто-

ка и Греціи, для узнанія порядка церковнаго и для другихъ цѣлей Христіанскихъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ здѣсь собирались свѣдѣнія о Русской и другихъ земляхъ, и умножались познанія о Церкви и Отечествѣ. — Печерскіе иноки становились Епископами, Настоятелями и основателями другихъ монастырей [8], — и чрезъ то монастырь Ѳеодосіевъ способствовалъ къ распространенію Христіанскаго духа, къ умноженію церквей и монастырей по всей Россіи. Изъ сей обители Русскихъ Праведниковъ Князья получали благія наставленія, а иногда и смѣлыя укоризны за свои междоусобія и другіе недостатки, какъ напримѣръ Святославъ Ярославичь отъ Ѳеодосія, Святославъ Изяславичь отъ Игумена Іоанна. Обитель Печерская была великимъ училищемъ и просвѣщенія умственнаго, коего главнымъ ревнителемъ былъ Ѳеодосій, величайшій изъ Отцевъ нашея Церкви. Въ его пещерной келіи инокъ *Иларіонъ* дни и ночи проводилъ

8) Такъ блаженный *Никонъ*, 4-й Игуменъ Печерскій основалъ монастырь Богородицкій на островѣ Тмутороканѣ (около 1066 г.); *Стефанъ*, 3-й Игуменъ Печерскій, построилъ въ Кіевѣ монастырь Кловскій и былъ Епископомъ Владиміро-Волынскимъ; Ефремъ Евнухъ былъ Епископомъ Переясловскимъ (съ 1089).

въ списываніи книгъ; блаженный *Никонъ* занимался ихъ сшиваніемъ и обдѣлкою, бывъ художникомъ сего дѣла, для котораго самъ Ѳеодосій пряль волну и вервіе. Смиренномудрый и любознательный *Несторъ*, собирая отовсюду преданія и сказанія о Русской землѣ, составлялъ ея Бытописаніе и описывалъ житія первыхъ Русскихъ Праведниковъ. Инокъ *Григорій* былъ творцемъ Каноновъ; *Алимпій* изучился живописи у строившихъ Печерскую церковь Греческихъ художниковъ и былъ безмезднымъ для всѣхъ иконописцемъ; *Агапитъ* былъ врачемъ безмезднымъ. — Такимъ-то образомъ Обитель Печерская получила первенство предъ всѣми и была столь полезною для Руси. — Иноческая жизнь, а съ нею и просвѣщеніе, въ сіи времена распространялись и между Россіянками. Такъ въ построенный Всеволодомъ Ярославичемъ (1086 г.) монастырь Андреевскій или Янчинъ, постриглись двѣ дочери сего Князя — Анна или *Янка* и Евпраксія; первая изъ нихъ[9] лю-

9) Объ этомъ пишетъ Татищевъ въ своей Исторіи. — По смерти Митрополита Іоанна *Добраго*, Янка въ 1089 г. ѣздила въ Царьградъ и привезла съ собою новаго Митрополита, Іоанна III; скончалась 1113 г.

била чтеніе книгъ и, собирая дѣвицъ въ монастырь, учила ихъ грамотѣ пѣнію и разнымъ ремесламъ.

Отдѣлъ третій.

Мономахъ стремился возстановить и укрѣпить государственную цѣлость древней Руси; но послѣ него опять возникло разновластіе на Руси и до конца древняго періода продолжались междоусобія Княжескія, среди коихъ происходило паденіе Кіева и возвышеніе другихъ Княжествъ. Отъ того рушилась на части государственная цѣлость древней Руси, и она образовалась въ нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ Русскихъ Княжествъ. Одни изъ нихъ, пересиливая и превышая другія, простирали на нихъ свою власть, становились *областными средоточіями* для нѣсколькихъ, и опять дробились сами на новые Удѣлы, смотря по умноженію наслѣдниковъ своего Князя. Здѣсь повторялось въ частности прежнее общее развитіе цѣлой древней Руси изъ Стольнаго Кіева. Онъ былъ образцемъ для всѣхъ. Каждое Княжество стремилось усвоить себѣ его величіе; и въ

каждомъ изъ нихъ одна и та-же Русская жизнь множилась, дробилась и развивалась, болѣе или менѣе самобытно и самостоятельно. Истощаясь въ *общемъ средоточіи* своемъ — въ Кіевѣ, Русская жизнь разсѣвалась во всѣхъ концахъ Владиміровой Руси.

Въ Южной Руси, кромѣ Кіева, она распространялась преимущественно изъ *Чернигова*, *Владиміра-Волынскаго* и *Галича*, гдѣ Владимірко образовалъ *Княжество Галицкое*, возвышенное сыномъ его Ярославомъ *Осьмомысломъ*, и еще болѣе возвышенное храбрымъ Романомъ, который, присоединивъ свою Волынь къ сему Княжеству, объявилъ Кіевъ Удѣломъ и назвался Самодержцемъ всея Руси. Но еще прежде, чѣмъ такъ возвысилась Юго-западная или Галицкая Русь, новый Великокняжескій Престолъ былъ утвержденъ (1157 г.) Андреемъ Боголюбскимъ во Владимірѣ-Залѣскомъ, гдѣ отецъ его Юрій Владиміровичь Долгорукій основалъ и застроилъ городами *Княжество Суздальское*, которое и стало сильнѣйшимъ, господствующимъ Княжествомъ Руси. На Сѣверо-Западѣ Русскомъ, главнымъ было

Княжество Полоцкое, усиленное грознымъ Всеславомъ; но потомъ ослабленное Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Великимъ и междоусобіями собственныхъ Князей. — Въ средней Руси развитіе жизни происходило преимущественно изъ *Смоленска* и *Рязани*.

Что касается до Русскаго Сѣвера, то здѣсь господствовалъ *Новгородъ*, прежде и болѣе другихъ самостоятельный и особенный. Управляясь своимъ Вѣчемъ, избирая самъ себѣ Князя — отъ Князей Русскихъ, и Владыку или Архіепископа — по благословенію Митрополита Кіевскаго, — Новгородъ принималъ малое участіе въ *Княжескихъ* дѣлахъ Руси. Въ развитіи общей жизни ея онъ участвовалъ своимъ, *народнымъ* образомъ. Распространяясь поселеніями и владѣніями своими далеко на Сѣверъ и Востокъ, онъ водворялъ между Чудью и Нѣмцами свою Словено-Русскую народность, — развивалъ въ Сѣверной Руси предпріимчивый духъ промышленности и дѣятельности внѣшней; — а по своимъ сношеніямъ съ Нѣмцами занялъ отъ ихъ Западной жизни болѣе другихъ областей Русскихъ. Отъ

Новагорода сдѣлался самостоятельнымъ *Псковъ,* и образовалось независимое поселеніе *Хлыновское* на Вяткѣ. —

Раздробленіе Владиміровой Руси и междоусобія Княжескія были необходимымъ слѣдствіемъ Варяжскаго господства по Удѣламъ: и оно само сокрушило государственную цѣлость древней Руси, егоже силою созданную. Но въ замѣнъ сего внѣшняго единства Руси, возрастало въ ней живое единство внутреннее, изъ коего надлежало впослѣдствіи возникнуть другой, болѣе прочной и полной государственной ея цѣлости. — Средствомъ къ тому было образованіе Руси въ особыя Княжества, отъ котораго прежнее разнообразіе племенъ, сначала связанныхъ только единствомъ Княжеской власти, объединялось и проникалось новою, Русскою жизнію. Потому сіи *удѣльныя* времена *дробнаго и частнаго образованія Руси* были даже необходимою ступенью въ долговѣчномъ и постепенномъ развитіи великой жизни ея. Потому-то сіи времена, мрачныя и кровавыя — по непрестаннымъ междоусобіямъ, являютъ много свѣтлаго и живоноснаго; и самая борьба

Удѣловъ принесла свою пользу для народа и для грядущаго величія Руси, которая собственнымъ опытомъ извѣдала и пережила бѣдственную годину разновластія и отъ него происходящихъ смятеній внутреннихъ. Все безславіе междоусобій пало на Удѣльныхъ Князей; при всемъ томъ многіе Князья того времени прославили себя доблестями гражданскими, воинскими и христіанскими. Въ порывахъ своего властолюбія они устремлялись иногда къ единству Руси, иногда воздвигались за общее благо и славу ея. Съ дѣтства *постригаемые* на всадничество [10], они были всегда вождями дружинъ своихъ — и въ злыхъ сѣчахъ междоусобныхъ, и въ борьбѣ съ врагами внѣшними — и продолжали въ народѣ ратный духъ, который возвышался понятіемъ чести и славы, усиливался любовью къ Русской землѣ и враждою на *поганыхъ*. „Брань славна лучче міра студна" — говорили наши иноки-лѣтописатели. — Стремясь къ возвышенію сво-

10) Рыцарскій обычай *пострига* и сажанія на коня малолѣтныхъ дѣтей Княжескихъ, перешелъ потомъ и въ наше Козачество, которое представляетъ собою рыцарство народное.

ихъ Удѣловъ, Князья строили города, воздвигали церкви, заводили школы, распространяли единство понятій, законовъ и порядка гражданскаго, и были главными орудіями распространенія новой Русской жизни и народности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея просвѣщенія. — Бывъ преданы Православной Вѣрѣ, они способствовали Духовенству къ распространенію и возвышенію нашей Церкви и къ ея охраненію отъ язычества и ересей. Многіе Князья любили науки и художества, и заботились объ ихъ умноженіи: и они дѣйствительно умножались уже и въ Южной и Сѣверной Руси [11]. Нѣкоторыя Княгини и Княжны также прославились добродѣтелями христіанскими и любовію къ просвѣщенію, — напримѣръ Святая *Евфросинія*, Княжна и Игуменья Полоцкая, день и ночь трудившаяся надъ списываніемъ книгъ и скончавшаяся въ Іерусалимѣ, 1173 года.

11) Андрей Боголюбскій, который у насъ былъ называемъ *вторымъ Соломономъ*, украшалъ Владимірскую церковь Св. Богоматери *Нѣмецкими* художниками; но въ 1194 г. Епископъ Іоаннъ возобновилъ ее и украсилъ одними Русскими художниками. Въ Кіевѣ тогда славился зодчій Милонѣгъ - Петръ. — Романъ Ростиславичь въ Смоленскѣ завелъ духовныя школы, въ коихъ учили не только Греческому, но и Латинскому языку.

Но главнѣйшимъ дѣятелемъ въ распространеніи Вѣры и просвѣщенія книжнаго было Духовенство, которое не только распоряжалось дѣлами церковными, но принимало постоянное участіе и во многихъ мірскихъ дѣлахъ Руси,— отъ котораго и Князья получали свое просвѣщеніе и нерѣдко бывали примиряемы въ своихъ междоусобіяхъ. Потому древнее просвѣщеніе наше было по преимуществу *духовное*.—Средоточіемъ церковнаго единства и духовнаго просвѣщенія Руси постоянно оставался Кіевъ, какъ потому, что здѣсь была до конца древняго періода Митрополія всея Руси, такъ и потому, что монастырь Печерскій, въ 1159 году возвышенный на степень *Лавры*, не переставалъ быть главнымъ разсадникомъ служителей Церкви и распространителей Православія, и пользовался первостепеннымъ и величайшимъ уваженіемъ въ цѣлой Руси.

Такимъ-то, совокупнымъ дѣйствіемъ Духовенства и Князей, болѣе и болѣе распространялась наша Православная Церковь, а съ нею умножалось и умственное просвѣщеніе Руси. Впрочемъ, хотя просвѣ-

щеніе велось преимущественно въ Духовенствѣ и между Князьями, однако оно переходило и на другія высшія сословія народа—Бояръ, Воеводъ, Посадниковъ, отражаясь болѣе или менѣе и на простомъ народѣ.

Въ концѣ XII-го столѣтія было еще язычество у нѣкоторыхъ нашихъ Словенъ, напримѣръ у Вятичей, которые изрубили Кіево-Печерскаго инока Св. Кукшу за проповѣдованіе у нихъ Христовой Вѣры. Но къ исходу древняго періода всѣ Русскіе Словены были уже *Христіанами*. Вотъ главное, вѣковѣчное дѣло Кіева для общей жизни Россіи!—Ревность Христіанская возрастала во всѣхъ концахъ Руси. Многіе граждане жертвовали достояніемъ своимъ для церквей и монастырей. Толпы народа изъ разныхъ краевъ Руси ходили на поклоненіе Св. Мѣстамъ Іерусалима и Царягорода; другіе, отлагаясь отъ всего житейскаго и мірскаго, шли въ монастыри и предавались тамъ жизни исключительно Христіанской[12].—

12) Изъ Исторіи извѣстно, что многіе Князья и Княгини также доканчивали жизнь свою въ монашествѣ и схимѣ.

Вѣра Христова, проникая постепенно въ народъ Русскій, просвѣщала умъ его познаніемъ истиннаго Бога и превозмогала язычество въ главной его основѣ. Однако многія языческія понятія, вѣрованія и обычаи, срощенные вѣками съ умомъ и жизнію народа, не вдругъ и не вполнѣ были оставляемы; но продолжались еще въ народѣ, только преображаясь въ новый видъ и соединяясь съ понятіями и предметами Христіанскими. Народъ забывалъ прежнихъ боговъ своихъ; но ихъ качества иногда усвоялъ Святымъ нашей Церкви [13]. Языческіе обряды, празднества теряли свою первоначальную важность и обращались въ народныя игрища, сопровождавшія собою праздники Христіанскіе и разные случаи домашней и общественной жизни народа. — Умственная дѣятельность его, вращаясь между новыми Хри-

13) Такъ вмѣсто главнаго бога Перуна, производителемъ грома и молніи народъ сталъ почитать Св. Илію Пророка, во имя коего была въ Кіевѣ первая *соборная* церковь Христіанской Руси; а съ именемъ *перуна* сталъ соединять простое понятіе грома. Относительно сего и прочаго, принадлежащаго къ народной старинѣ Русской, смотри сочиненіе *Снегирева* — Руские простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837. Также *Сахарова* — Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ. Спб. 1837.

стіанскими и прежними языческими своими понятіями и предметами, разнообразила и умножала сочетаніе оныхъ. Такимъ образомъ она произвела свой собственный, *смѣшенный* міръ понятій, повѣрій, обычаевъ, въ которомъ при свѣтѣ истинной Вѣры пестрѣетъ еще прадѣдовская, языческая старина Русской земли. Простонародье наше и понынѣ не вышло изъ сего радужнаго міра привычной старины своей, — хотя и въ древнее и среднее время учители церковные сильно возставали противъ всего, что мѣшало чистотѣ Христіанства.

ГЛАВА III.

Общее обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода.

Первоначальная Словесность Руси, какъ и всякаго народа, была только *изустная*; но съ распространеніемъ Христіанства и просвѣщенія она возвысилась на степень образованія *письменнаго*. — Не все, что составляло нашу Словесность въ древнемъ періодѣ, дошло до

нашихъ временъ: многіе памятники ея утратились; иные достались намъ не въ подлинномъ видѣ, но съ измѣненіями позднѣйшими; объ нѣкоторыхъ древнихъ Писателяхъ нашихъ мы знаемъ только по именамъ ихъ, или-же по немногимъ отрывкамъ ихъ произведеній. Тѣмъ болѣе достойно замѣчанія и изслѣдованія все, что уцѣлѣло,—и не потому только, что оно любопытно, какъ предметъ отечественной древности, и принадлежитъ Исторіи, какъ явленіе или событіе дѣйствительное. Еще болѣе оно занимательно потому, что изъ сихъ остатковъ первоначальной дѣятельности Русскаго ума, открывается его свойство и сила, ходъ его жизни и та степень просвѣщенія, на которой уже былъ онъ въ древнее время; слѣдственно, ими поясняется вся древняя жизнь нашего Отечества, а чрезъ то и цѣлая жизнь его. По сему отношенію каждый Русскій Писатель древняго времени, хотя бы извѣстенъ былъ только по имени, и каждое извѣстіе о древнихъ Русскихъ писаніяхъ; хотя бы они уже утратились,—достойны воспоминанія въ Исторіи древней Русской Словесности, ибо тѣмъ дополняется

утраченная полнота ея. Исторія дорожитъ каждымъ остаткомъ отъ древняго періода и какъ памятникомъ тогдашняго языка: ибо только изъ совокупнаго ихъ разсмотрѣнія объясняются природныя свойства и образованіе нынѣшнихъ видовъ Русскаго языка, книжнаго и народнаго [1].

Отдѣлъ первый.

Письменная Русская Словесность, до кончины Ярослава, состояла въ памятникахъ, относящихся или къ *Богослуженію,* или къ *Законоположенію* — двумъ существеннымъ и необходимымъ потребностямъ народа, при его образованіи въ новую государственную жизнь [2].

Съ принятіемъ и распространеніемъ Христіанства, во время возрастанія Кіева, произошло у насъ введеніе и распростра-

1) Изложеніе древней Русской Словесности, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное, находится въ сочиненіяхъ, поименованныхъ во Введеніи. — Кромѣ того замѣчателенъ очеркъ ея, сдѣланный *Н. Полевымъ*, во 2-й части Исторіи Русскаго народа.

2) Неизвѣстно, откуда взялъ Эминъ, что при Ярославѣ Епископъ *Лука* перевелъ много Церковныхъ Греческихъ книгъ на языкъ Словенскій.

неніе *Богослужебныхъ Книгъ* и Церковнаго *Уложенія* или *Номоканона,* на языкѣ Словенскомъ, что и послужило основаніемъ нашей письменной Словесности. Книги сіи заимствованы Русью изъ Греціи и Болгаріи, гдѣ онѣ и переведены были съ языка Греческаго; но при Ярославѣ у насъ были уже собственныя переложенія Церковныхъ Книгъ съ Греческаго языка на Словенскій [3].

Въ X-мъ вѣкѣ, еще до временъ Владиміра, написаны были въ Греціи *три* договора Руси съ Греками, а именно договоръ Олеговъ 912 г., съ Игоремъ 945 г., и Святославовъ 971 г. — Сіи договорныя или *урядныя* Грамоты, по

3) Татищевъ въ своей Исторіи помѣстилъ отрывки изъ Лѣтописи, приписанной *Іоакиму Корсунянину*, первому Новгородскому Епископу (съ 992 по 1130 годъ). Но сія такъ называемая Новгородская Лѣтопись непризнана достовѣрною и отвергнута, хотя Татищевъ, Болтинъ и нѣкоторые другіе вѣрили ей, и хотя нѣкоторыя извѣстія въ ней въ самомъ дѣлѣ правдоподобны. Впрочемъ могло быть, что Іоакимъ составлялъ какія нибудь лѣтописныя замѣчанія: допускаетъ же и Карамзинъ существованіе у насъ *монастырскихъ записокъ* прежде Нестора, и почему нибудь приписана же Іоакиму Лѣтопись, хотя и подложная, — также какъ потомъ были приписаны Бояну (однимъ Грузиномъ) Гимны собственной выдумки. —

обычаю Греціи написаны были *вдвойнѣ:* на языкѣ Греческомъ и на Словено-Русскомъ; на семъ послѣднемъ языкѣ они сохранились въ Лѣтописи Несторовой.

При Владимірѣ и Ярославѣ составлены были въ Кіевѣ слѣдующіе памятники законодательные. 1) Уставы по дѣламъ церковнымъ; таковы: Св. Владиміра завѣтная Грамота о десятинахъ и Уставъ о церковныхъ судахъ (996 — 1011); Ярославовы Уставы о церковныхъ судахъ и о свободѣ Духовенства отъ пошлинъ (1051 — 1054). 2) Уложеніе мірскаго суда, извѣстное подъ именемъ *Правды Русской,* которая отъ Ярослава дана была изъ Кіева Новгородцамъ въ 1016 году, вмѣстѣ съ *Уставомъ* или Грамотою льготною, до насъ недошедшею.

Отдѣлъ второй.

Съ возрастаніемъ Христіанской жизни и просвѣщенія въ Кіевѣ, во время его процвѣтанія, — умственная дѣятельность, особенно Южной Руси, обнаружилась многими замѣчательными произ-

веденіями Словесности; и мы можемъ назвать слѣдующихъ двенадцать Писателей, принадлежащихъ къ сему семидесятилѣтію.

1. *Лука*, по прозванію *Жидята* или *Жирята*, второй Епископъ Новгородскій, поставленный Ярославомъ около 1030 г., скончавшійся 1059 г. — Ему въ нашихъ лѣтописяхъ приписано *Поученіе къ братіи*, первое изъ дошедшихъ къ намъ поученій.

2. Преподобный *Θеодосій*, 2-й Игуменъ Печерскій. Родомъ былъ изъ Василькова (близь Кіева); но юность провелъ въ Курскѣ, откуда и пришелъ къ Антонію на 23 году своей жизни; скончался 1074 г., 3 Мая. Достославное и назидательное житіе сего Святаго и великаго дѣятеля древняго времени подробно описано въ Патерикѣ Печерскомъ. — До насъ дошли нѣсколько его *Поученій къ братіи* и отвѣтное *Посланіе* къ Изяславу о *Варяжской Вѣрѣ*. Къ Святославу онъ писалъ нѣсколько обличительныхъ *Посланій* за Изяслава; но они къ сожалѣнію утратились.

3. *Іоаннъ,* дьякъ, по всей вѣроятности Кіевскій. По желанію Святослава Ярославича, онъ написалъ два *Сборника,* извлеченные имъ изъ многихъ книгъ, принадлежавшихъ сему Князю: одинъ Сборникъ въ 1073-мъ году, другой въ 1076 г. Особенно замѣчателенъ первый Сборникъ, содержащій извлеченія изъ Святыхъ Отцевъ Церкви и другихъ Греческихъ Писателей о предметахъ Христіанскаго ученія, а также и другихъ наукъ — Любомудрія, Риторики и Лѣтописанія Греческаго.

4. *Іоаннъ II,* родомъ Грекъ, 7-й Митрополитъ Кіевскій, скончавшійся 1089 г. По сказанію Нестора, онъ былъ „мужъ хитръ книгамъ и ученію" и весьма добродѣтеленъ, за что и прозванъ *Добрымъ.* Онъ написалъ отвѣтное *Посланіе* къ черноризцу Іакову *о Церковныхъ Правилахъ* на разные случаи.

5. Преподобный *Несторъ,* Лѣтописецъ Печерскій, отецъ Бытописанія Русскаго. Родился 1056 г., неизвѣстно гдѣ; на 17 году своей жизни принятъ былъ (1073 г.) Ѳеодосіемъ въ монастырь Печерскій, но

постриженъ въ монахи и діаконы уже Игуменомъ Стефаномъ. Когда скончался неизвѣстно; въ Патерикѣ сказано только: „поживе-же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлехъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и тако добрѣ угоди Творцу лѣтомъ". Но судя потому, что его Лѣтопись или *Повѣсть временныхъ лѣтъ* прекращается около 1110 года, можно полагать, что вскорѣ послѣ того скончался и самъ безсмертный Лѣтописатель [4]. Кромѣ Лѣтописи Несторъ написалъ особо *Житіе Бориса и Глѣба, Житіе Ѳеодосія* и *Житіе Антонія:* послѣднее утрачено было еще въ древнее время, и по воспоминанію написано вновь Св. Симономъ.

6. Между Печерскими иноками во время Несторово былъ „*Григорій*, творецъ Канововъ", упоминаемый въ Патерикѣ (въ житіи Никиты).

7. *Василій*, по мнѣнію Карамзина — монахъ или Священникъ Волынскій, со-

4) Къ подробностямъ Несторовой жизни принадлежитъ отысканіе и ископаніе мощей Ѳеодосія, которое въ 1091 г. возложено было на него Совѣтомъ Печерской братіи.

временникъ Нестора, дополнившій его Лѣтопись описаніемъ нѣкоторыхъ событій Юго-западной Руси, особенно переговоровъ своихъ съ заключеннымъ во Владимірѣ Кн. Василькомъ, 1098 года. Ему случилось быть тогда во Владимірѣ „смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей" [5].

8. *Сильвестръ,* Игуменъ Выдобецкаго монастыря, а съ 1119 г. Епископъ Переясловскій; скончался 1124 г. Онъ считается первымъ продолжателемъ Несторовой Лѣтописи; впрочемъ Карамзинъ думалъ, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ.

9. *Даніилъ,* Игуменъ, кажется Черниговскій. Около 1105 г. былъ во Святыхъ Мѣстахъ Палестинскихъ, и свое любопытное хожденіе описалъ подъ именемъ *Паломника.*

10. *Никифоръ,* родомъ Грекъ, 11-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1104 по 1121 годъ), написалъ *два Посланія къ Моно-*

5) Сіи слова, неизвѣстно изъ какой Лѣтописи взятыя Татищевымъ (стр. 181), относятся къ сему Василію.

маху — одно о постѣ, душѣ и пяти чувствахъ, другое о Латинской Вѣрѣ — и *Посланіе къ Ярославу Святославичу* Князю Муромскому.

11. *Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ,* Великій Князь Русскій, скончавшійся 1125 г., написалъ *Посланіе* къ Князю Олегу (въ 1096 г.), *Поученіе* своимъ дѣтямъ и *Молитву.* Къ Русской Правдѣ прибавилъ онъ статью о ростахъ.

12. *Боянъ,* славный Русскій Пѣснотворецъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ Русскихъ Князей. Время жизни его можно положить въ началѣ XII вѣка. —

Соображая все, что осталось отъ сихъ Русскихъ Писателей, можно замѣтить въ нихъ во-первыхъ — направленіе *поучительное,* которое устремлялось преимущественно къ утвержденію Православія въ дѣйствіяхъ и правилахъ жизни общественной и частной, и выражалось въ живой формѣ *поученія* и *посланія;* во вторыхъ — тѣмъ же духомъ проникнутое направленіе *повѣствовательное* или *истори-*

ческое, которое выражалось съ одной стороны — *лѣтописаніемъ* или *повѣстію историческою, жизнеописаніемъ* и описаніемъ *хожденія* или путешествія, съ другой стороны — *пѣснотворческою повѣстію* о былинахъ Русской земли. И такъ *поучительность* и *повѣствовательность,* въ духѣ жизнедѣятельной положительности и Православія: вотъ признаки Рускаго ума, на второй ступени развитія древней Словесности! Можемъ замѣтить, что и въ послѣдующее время *поучительный* и *историческій* родъ были постоянными въ нашей Словесности.

Отдѣлъ третій.

Въ XII вѣкѣ было вообще сильнѣйшее распространеніе и развитіе древней Русской Словесности, и несмотря на упаданіе Кіева, все еще Южная Русь была главнымъ разсадникомъ оной и для Востока и для Запада Русскаго. Въ Новѣгородѣ также съ гражданскимъ его возвышеніемъ и умственная дѣятельность начала выражаться въ собственныхъ произведеніяхъ письменной Словесности.

13. Изъ Кіевскихъ Писателей сего времени должно вспомянуть во-первыхъ о *Климентѣ* или *Климѣ Смолятичѣ*, который сначала былъ Кіевскимъ схимникомъ, а потомъ 1147 г., по настоянію Князя Изяслава Мстиславича, посвященъ Соборомъ Русскихъ Епископовъ въ Митрополиты, и въ санѣ семъ находился до 1156 года. По сказанію Лѣтописей, онъ былъ *книжникъ* и *Философъ*, какого прежде не было въ Руси „и много написанія написавъ предаде"; но къ сожалѣнію до насъ не дошло ничего изъ его писаній.

14. Въ замѣнъ того осталось намъ богатство изящныхъ произведеній знаменитаго Русскаго Витіи *Св. Кирилла Туровскаго:* его поучительныя *Слова,* духовныя *Притчи, Толкованіе о чинѣ монашескомъ, Молитвы* и *Канонъ о покаяніи.* Святой мужъ сей былъ уроженецъ города Турова (на рѣкѣ Припети), гдѣ онъ спасался въ *столпѣ,* а потомъ, по просьбѣ Туровскаго Князя и гражданъ, былъ Епископомъ Туровскимъ въ третьей четверти XII вѣка и скончался около 1182 года. Въ продолженіе своего Епископства онъ былъ въ сношеніяхъ съ Андреемъ

Боголюбскимъ, къ которому писалъ многія *Посланія*, до насъ недошедшія.

15. Къ Восточно-Русскимъ Писателямъ первой половины XII вѣка принадлежитъ *Данило Заточникъ*, извѣстный своимъ *Посланіемъ* къ Юрію Долгорукому, которое онъ написалъ находясь въ заточеніи на озерѣ Лачѣ (Вологодской губерніи). Неизвѣстно, за что туда былъ сосланъ симъ Княземъ Данило и кто такой былъ онъ; но изъ Посланія видно, что онъ былъ свѣтскій и знатнаго рода.

16. Древнее Русское пѣснопѣніе красуется *Пѣснію о полку Игоревѣ*, сложенною въ концѣ XII вѣка — безъименнымъ Пѣвцемъ, который безъ сомнѣнія былъ современникъ своего героя Новгородъ-Сѣверскаго Князя, вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и даже участвовалъ въ воспѣтомъ имъ ополченіи на Половцевъ 1185 года.

Къ числу Кіевлянъ, писавшихъ въ началѣ XIII вѣка въ Суздалѣ принадлежатъ *Св. Симонъ* и *Поликарпъ*.

17. *Св. Симонъ* сначала былъ Кіевопечерскимъ монахомъ, а съ 1215 г. первымъ Епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ. По набожной преданности своей Печерскому монастырю, онъ собиралъ всѣ объ немъ свѣдѣнія, желая сохранить ихъ отъ забвенія, и написалъ *Сказаніе о созданіи Печерской церкви* и *Житіе Антонія;* сверхъ того описалъ вкратцѣ житія нѣсколькихъ другихъ Угодниковъ Печерскихъ въ *Посланіи къ Поликарпу.* Скончался 1226 года; мощи его по завѣщанію перенесены въ Кіевскія пещеры.

18. *Поликарпъ,* монахъ Кіевопечерскій, сродникъ и ученикъ Симона, былъ нѣкоторое время съ нимъ во Владимірѣ, откуда около 1218 года написалъ *Посланіе* къ Печерскому Архимандриту Акиндину II, и при ономъ житія нѣсколькихъ Печерскихъ Угодниковъ, какъ слышалъ объ нихъ отъ Симона. Вскорѣ послѣ того онъ опять возвратился въ Печерскую Лавру, гдѣ и былъ, кажется, Архимандритомъ, послѣ Акиндина [6].

6) См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Кіевъ, 1831 г. (Митрополита Евгенія).

Изъ Грековъ Митрополитовъ Кіевскихъ въ семъ отдѣлѣ были два Писателя [7].

19. *Іоаннъ IV,* 17-й Митрополитъ (съ 1164 по 1166 г.), написалъ на Греческомъ языкѣ отвѣтное *Посланіе* къ Римскому Папѣ Александру III о различіи Западной Церкви отъ Восточной. Можетъ быть тогда же сдѣланъ былъ Словенскій переводъ сего Посланія, который извѣстенъ былъ у насъ въ старину.

20. *Кириллъ I,* 21-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1224 по 1233 г.), написалъ нѣсколько *поучительныхъ Словъ.*

Что касается до Русскаго Лѣтописанія, то и въ Кіевѣ и на Волыни и въ Суздалѣ [8] было нѣсколько *безъименныхъ Лѣ-*

7) Къ Писателямъ Греческимъ принадлежитъ нашъ второй Митрополитъ *Леонтій* (сконч. 1008 года), котораго Посланіе *къ Латинамъ объ опрѣснокахъ* находится въ числѣ Греческихъ рукописей Московской Синодальной или Патріаршей библіотеки.

8) Къ Суздальскимъ Лѣтописателямъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежитъ любознательный Князь *Константинъ Всеволодовичь,* который (по извѣстіямъ Татищева) имѣлъ у себя до *тысячи* Греческихъ книгъ.— Татищевъ полагаетъ, что Св. Симонъ продолжалъ Русское Лѣтописаніе въ Суздалѣ, а Св. Нифонтъ — на Волыни; но это только догадки.

тописателей, коихъ трудами продолжалась непрерывно Несторова Повѣсть временныхъ лѣтъ.

Изъ Новгородцевъ, между древними Русскими Писателями, извѣстны слѣдующіе.

21. *Кирикъ* или *Киріакъ,* родился 1110 г., былъ діакономъ при славномъ Новгородскомъ Епископѣ Св. Нифонтѣ (скончавшемся 1156 г.), потомъ долго еще оставался Священникомъ въ Новѣгородѣ, во время Аркадія и Иліи. На 23-мъ году своей жизни, Кирикъ составилъ *Числоученіе,* родъ Хронологіи; а потомъ велъ Записки своихъ бесѣдъ, съ Нифонтомъ и другими духовными лицами, о разныхъ церковныхъ предметахъ, извѣстныя подъ именемъ *Вопрошаній.*

22. *Андрею,* бывшему Игуменомъ Антоніевскаго монастыря (съ 1147 по 1157) приписано Митрополитомъ Евгеніемъ *Житіе Св. Антонія Римлянина,* учителя и предшественника Андреева; но П. Строевъ пишетъ (въ своемъ Хронологическомъ Указаніи), что сіе житіе составлено въ XVI вѣкѣ.

23. *Св. Іоаннъ,* уроженецъ и Священникъ Новгородскій, бывшій попомъ первымъ *Архіепископомъ* (съ 1165 г.), подъ именемъ *Иліи;* скончался 1186 г., принявъ схиму и прежнее имя Іоанна. Архіепископъ Илія написалъ (съ неизвѣстнымъ по имени Епископомъ Бѣлгородскимъ) *Правило* на два церковныхъ случая; а 28 отвѣтовъ его записаны въ Вопрошаніяхъ Кириковыхъ.

24. Въ половинѣ XII вѣка Новгородскимъ Лѣтописателемъ былъ *Священникъ,* поставленный Нифонтомъ 1144 года. Митрополитъ Евгеній доказывалъ, что это былъ Св. Іоаннъ.

25. *Антоній,* въ мірѣ именовавшійся *Добрынею Адренковичемъ,* былъ монахомъ Хутынскаго монастыря, а съ 1212 г. Архіепископомъ Новгородскимъ; скончался 1238 въ томъ же монастырѣ. Въ 1200 году Антоній ходилъ въ Царьгородъ и написалъ *Паломникъ.*

26. Изъ Новгородскихъ Лѣтописателей XIII-го вѣка извѣстенъ *Тимоѳей,* по-

номарь, упоминающій о себѣ подъ 1230-мъ годомъ[9].

Въ началѣ XIII вѣка, кажется, начата и Лѣтопись Псковская.

Къ сему же третьему отдѣлу древняго періода принадлежатъ слѣдующіе Грамоты и Уставы. 1) Грамота, жалованная Новгородскому Юрьевскому монастырю Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, 1128 г. 2) Грамота, жалованная Церкви Іоанна Предтечи Новг. Княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, около 1130 г. 3) Уставъ церковный Новг. Князя Святослава Ольговича Новгородскому Софійскому Собору, 1137 г. 4) Уставъ о мостѣхъ (мостовыхъ) Новгородскихъ, принадлежащій по всей вѣроятности Ярославу Владиміровичу II, бывшему Новгородскимъ Княземъ въ концѣ XII вѣка. Изъ сихъ Грамотъ только первая сохранилась *въ подлинникѣ*. 5) Отъ XIII вѣка осталась *въ подлинникѣ* Договорная Грамота Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1228 г. —

9) Въ другомъ позднѣйшемъ спискѣ Новгородской Лѣтописи, вмѣсто Тимоѳея, поставлено имя Священника Іоанна. —

Вотъ письменная Русская Словесность отъ кончины Мономаха до нашествія Татарскаго. Въ ней господствуетъ тоже поучительное и повѣствовательное направленіе. Но Христіанское поученіе уже достигло до истиннаго, роскошнаго витійства — въ Словахъ Кирилла Туровскаго; Лѣтописаніе Русское велось непрерывно; а пѣснотворческое повѣствованіе завершилось цѣлою, стройною Пѣснію о полку Игоревѣ, въ которой народная Словесность является въ образованіи письменномъ. —

И такъ въ древнемъ періодѣ Русской Словесности можно безъ сомнѣнія считать около 25 Писателей, сверхъ безъименныхъ Лѣтописцевъ, неизвѣстныхъ переводчиковъ Церковныхъ Книгъ и участниковъ въ составленіи памятниковъ законодательныхъ.

Изъ сего числа только четыре Митрополита были Греки, впрочемъ знавшіе Церковно-Словенскій языкъ и писавшіе наономъ, кромѣ Іоанна IV. Прочіе наши древніе Писатели безъ сомнѣ-

нія были Рускіе. Изъ всѣхъ ихъ только Мономахъ, Боянъ, Данило Заточникъ и Пѣвецъ Игоря были свѣтскіе; прочіе же принадлежали къ Духовенству [10]. Потому-то и наша древняя Словесность имѣетъ преимущественно направленіе *духовное,* даже у Мономаха и Данила Заточника.

Большая часть древнихъ Писателей нашихъ была изъ Южной Руси, вслѣдствіе большаго и полнѣйшаго раскрытія въ ней умственной дѣятельности и всей вообще внутренней жизни. Въ Новѣгородѣ, преданномъ болѣе внѣшней дѣятельности, и письменная Словесность началась позднѣе, была мѣльче въ своемъ развитіи и одностороннѣе *положительна* въ своемъ направленіи. При всемъ вліяніи Греческомъ на нашу письменную Словесность, она не была исключительно

10) Къ числу главныхъ сочиненій, въ которыхъ описана жизнь духовныхъ Писателей древняго времени, принадлежатъ Патерикъ Печерскій и Четь-Минеи.— Счетъ Кіевскихъ Митрополитовъ принятъ мною по *Кіевскому Синопсису*, изданному 1836 года Митрополитомъ Евгеніемъ, которому я слѣдовалъ и въ числѣ Русскихъ Епископствъ.—Замѣтимъ еще, что Новгородскіе Епископы Іоакимъ, Лука и Антоній принадлежатъ къ числу святыхъ Угодниковъ, чтимыхъ въ Новѣгородѣ.

подражательною, но имѣла много и своеобразнаго, — что становится виднымъ даже изъ сличенія писаннаго нашими Митрополитами Греками и природными Русскими Писателями.

Письменное образованіе древней Русской Словесности не остановило собою прежняго изустнаго ея развитія въ народѣ, — и народная жизнь продолжала выражать себя въ *пословицахъ* или *притчахъ,* въ *пѣсняхъ* и въ сказаніяхъ или *сказкахъ,* которыя распространялись и сохранялись изустнымъ преданіемъ. Собственно народная или изустная Словесность шла у насъ объ-руку съ Словесностію образованною или письменною. Народъ Русскій богатъ памятниками обѣихъ. И если сравнить древнюю Русскую Словесность съ современнымъ ей состояніемъ Словесности у Западныхъ народовъ, то конечно ни одинъ изъ нихъ не возметъ преимущества передъ нами; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ничего въ XI и XII вѣкѣ на Западно-Европейскихъ языкахъ, что превосходило-бы Лѣтописаніе Нестора, Слова Кирилла Туровскаго и Пѣснь о полку Игоревѣ. —

ГЛАВА IV.

О народномъ Русскомъ языкѣ и его видоизмѣненіяхъ.

Собственно *Русскимъ языкомъ* называется у насъ теперь языкъ Великороссіянъ, которые сами себя зовутъ и въ Малороссіи называются — собственно *Рускими*; народный же языкъ Южной Руси называется обыкновенно *Малороссійскимъ нарѣчіемъ*, также какъ народный языкъ Бѣлой Руси — *нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ*. Но въ Галиціи и по сю пору тамошній языкъ не переставалъ называться просто *языкомъ Русскимъ* — тѣмъ именемъ, которое и всей Южно-Русской рѣчи принадлежало изстари, которымъ называлась она первая, еще прежде чѣмъ усвоилось оно языку Великороссіянъ (какъ и самое имя *Руси* или *Русской земли* сперва принадлежало Кіевской землѣ или Украинѣ). Потому имя *Русскаго языка* въ обширномъ смыслѣ должно принимать какъ *родовое* имя, столько же принадлежащее языку всей Южной Руси, сколько и языку всей Сѣверной Руси; и въ такомъ общемъ значеніи Русскій

языкъ можно бы называть *Восточно-Словенскимъ*. Три вида сего языка, принадлежащіе тремъ видамъ Русскаго народа, столько между собою различны, что ихъ можно принимать не какъ три *нарѣчія*, но какъ три *особые однородные языка*, наравнѣ съ прочими Западно-Словенскими языками, и даже съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ языки Польскій, Сырбскій, Чешскій и Словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою, чѣмъ Южнорусскій съ Великорусскимъ и даже съ Бѣлорусскимъ. И такъ въ кругу языка Русскаго или Восточно-Словенскаго станемъ различать три особые языка:

1. *Языкъ Южнорусскій*, которымъ говорятъ во всей Южной Руси — Кіевской и Галицкой.

2. *Языкъ Великорусскій*, употребляемый всѣми Великороссіянами.

3. *Языкъ Бѣлорусскій* или точнѣе *Литовско-Русскій* [1], принадлежащій Бѣлорус-

1) Въ Малороссіи называютъ его просто *Литовскимъ*, а говорящихъ имъ — *Литвинами*; потому и Сѣверозападная часть Черниговской Губерніи — куда простирались заселенія Радимичей и гдѣ говорятъ по-Бѣлорусски — называется уже *Литвою*.

сіи и всей вообще Литовской или Сѣверо-западной Руси. —

Древнѣйшую и собственную основу сихъ трехъ языковъ составляетъ языкъ Восточныхъ Словенъ, которымъ говорили они до водворенія у нихъ Руссовъ и до той поры, какъ Церковно-Словенскій языкъ, сдѣлавшись Богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ Руси, началъ проникать и въ составъ народнаго языка ея. Измѣненія, происшедшія отъ сихъ двухъ главныхъ и еще отъ другихъ вліяній, при которыхъ совершалось дальнѣйшее развитіе языка Русскаго, относятся уже ко времени образованія Восточныхъ Словенъ въ Русь. Но какъ Восточные Словены еще за-долго до того состояли изъ многихъ особыхъ отраслей, въ разныхъ степеняхъ между собою родственныхъ; то безъ сомнѣнія и въ языкѣ сихъ отраслей уже издревле существовали свои бо́льшія или меньшія особенности, которыя и были коренною, внутреннею причиною мѣстныхъ разностей въ языкѣ Русскомъ.

Съ соединеніемъ Восточныхъ Словенъ въ разныя Русскія области возобновля-

лось и увеличивалось ихъ сближеніе, и внутренняя жизнь опять становилась одинаковѣе, развиваясь подъ вліяніемъ и по образцу господствующаго въ области города. Гдѣ были средоточія Русской жизни, и языкъ того мѣста становился главнымъ, образцовымъ для цѣлой области; распространяясь въ ней, онъ объединялъ собою мѣстныя разности, заимствуя и самъ отъ нихъ, и развивался въ *областныя нарѣчія*. Нѣкоторыя изъ сихъ нарѣчій, распространяясь и господствуя въ нѣсколькихъ областяхъ, придали имъ новое единство образованія, и такимъ образомъ составилась нынѣшняя особенность трехъ народныхъ языковъ Руси.

1. *Языкъ Южнорусскій.*

Народный Южнорусскій языкъ запечатлѣнъ наибольшимъ *единствомъ* образованія и состава въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ, такъ, что въ немъ можно различить, и то не очень рѣзко, только два нарѣчія: Восточное — *Украинское* или *Малороссійское*, и Западное — *Галицкое* или *Червонорусское*. — Сія печать

единства на языкѣ Южнорусскомъ служитъ ручательствомъ за древность его образованія, которое произошло, безъ сомнѣнія, не позднѣе древняго періода, а не въ среднія времена, какъ полагали нѣкоторые [2], напрасно производя Южнорусскій языкъ отъ смѣшенія Русскаго съ Польскимъ. Такую смѣсь дѣйствительно представляетъ книжный языкъ у многихъ Южнорусскихъ Писателей, особливо XVII вѣка, а еще болѣе и прежде у Писателей Литовско-Русскихъ. Но въ народномъ языкѣ Южной Руси Кіевской и Галицкой — своя особенная, собственная и притомъ древняя основа. Заимствованій отъ Польскаго языка

2) Такое мнѣніе находится даже и въ Пространной Грамматикѣ *Греча*, гдѣ изложена Исторія Русскаго языка. По словамъ его, Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ Юго-западной Россіи и даже можетъ назваться нарѣчіемъ Польскимъ. Но сіе можно сказать не болѣе какъ о нарѣчіи *Перемышльской* земли, въ которомъ дѣйствительно такъ много Польскаго. Въ среднія времена, по долговременному вліянію Польши на Галицію, и вліяніе Польскаго языка отразилось собственно на Галицкомъ нарѣчіи. Въ нарѣчіи же Украинскомъ только Волыно-Подольская разность по мѣстамъ отзывается иногда Полонизмами: но такія позднѣйшія заимствованія легко различаются отъ природныхъ свойствъ языка Южнорусскаго.

въ немъ не много и совсѣмъ нѣтъ въ немъ тѣхъ особенностей, которыми Польскій языкъ отличенъ отъ прочихъ Западно - Словенскихъ. Сими особенностями онъ сближается съ языкомъ Сѣверной Руси, а не съ Южнорусскимъ, у котораго гораздо больше сродства съ Чешскимъ и Словацкимъ, а съ другой стороны много общаго съ языками Словенъ Задунайскихъ.—Потому сродство Южнорусскаго языка съ Сѣверо-западными Словенскими показываетъ гораздо древнѣйшее ихъ общеніе, чѣмъ сближеніе Украины съ Польшею послѣ нашествія Татарскаго. Въ древнія времена Поморскіе Руссы, а еще прежде Волыняне, распространяясь въ Южной Руси, могли языку ея и съ своей стороны придать что нибудь Сѣверо-западнаго. Но въ среднія времена Южнорусскія области находились въ такихъ розныхъ обстоятельствахъ внутреннихъ и отношеніяхъ внѣшнихъ, что языкъ Южнорусскій необходимо образовался-бы въ нихъ гораздо болѣе *различнымъ,* если-бъ не былъ народнымъ языкомъ всей Южной Руси уже въ древнее время, когда въ ней происходило столь сильное преобразо-

ваніе развитіемъ одной общей жизни. Только тогда языкъ ея могъ образоваться съ такимъ единствомъ состава и духа на столь значительномъ пространствѣ. Образованіе Южнорусскаго языка сперва въ Украинѣ, потомъ въ Червоной Руси, происходило безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Кіевской или Поляно-Русской рѣчи. Потому и донынѣ *Кіево-Переясловская* рѣчь, распространенная по всему Запорожскому и Черноморскому краю, есть главная и образцовая разность Южнорусскаго языка, болѣе чистая, чѣмъ *Сѣверская, Слобожанская* и *Волыно-Подольская* разности нарѣчія Украинскаго [3].

3) Въ Червонорусскомъ или Галицкомъ нарѣчія, которое отъ Украинскаго или Малороссійскаго отдѣляется Днѣстромъ, есть свои мѣстныя разности. Онѣ обозначены слегка Вагилевичемъ въ письмѣ къ Погодину (см. Моск. Наблюд. 1836); но желательно, чтобы наши Галицкіе однородцы опредѣлили оныя со всею подробностію, обозначая съ тѣмъ вмѣстѣ и сродство ихъ съ окрестными языками Словенскими. Вообще наше языкознаніе ожидаетъ отъ нихъ значительной пользы; начальные труды ихъ по сей части заслуживаютъ вниманія и продолженія: пусть только сперва соберутъ и приведутъ въ извѣстность оставшійся запасъ своенароднаго языка—какъ онъ есть; а въ письменной его обработкѣ соображаются съ самороднымъ, чистымъ его выраженіемъ въ *народныхъ пѣсняхъ* Червонорусскихъ, а еще болѣе Украинскихъ.

Съ распространеніемъ Кіевлянъ въ Сѣверной Руси, и языкъ Южнорусскій конечно имѣлъ вліяніе на языкъ областей Сѣверорусскихъ, — какъ нынѣ во всѣхъ краяхъ Россіи обнаруживается вліяніе Великорусскаго языка, простирающееся и на народную рѣчь Украины.

2. *Языкъ Великорусскій.*

Соотвѣтственно образованію Сѣверовосточныхъ Словенъ въ Русь Московскую или Великую и въ Литовскую Русь, ихъ языкъ образовался также въ два вида: Восточный — *Великорусскій* и Западный — *Литовско-Русскій*. Въ общемъ образованіи своемъ они сходнѣе между собою, чѣмъ съ языкомъ Южнорусскимъ; но они различны другъ отъ друга болѣе, чѣмъ два Южнорусскія нарѣчія различны между собою; потому они и принимаются какъ два особые языка. —

Великорусскій языкъ, объемля собою нѣсколько особыхъ нарѣчій, отличается наибольшимъ *разнообразіемъ* своихъ мѣстныхъ разностей и сложнѣе въ своемъ составѣ, чѣмъ Южнорусскій и Бѣло-

русскій. Его главное образованіе началось съ нарѣчія Новгородскаго, а довершилось въ Москвѣ, изъ коей произошло и главнѣйшее развитіе всей Великорусской жизни. Нарѣчіе Московское, хотя младшее по времени, но старшее по степени образованія, есть образцовое и господствующее нынѣ въ цѣлой Россіи.—Разности языка Великорусскаго могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ нарѣчіямъ.

1. *Верхнерусское* или *Новгородское*, распространившееся изъ Новагорода по Сѣверной полосѣ Россіи — на область Псковскую и весь Русскій Сѣверовостокъ, въ такъ называвшихся *верхнихъ земляхъ*, составлявшихъ область Новгородскую.—Сіе нарѣчіе по времени образованія есть старшее, а по составу своему ближайшее къ Южнорусскому языку, что—по моему—не столько происходитъ отъ вліянія Кіева на Новгородъ въ древнемъ періодѣ, сколько показываетъ еще древнѣйшую близость Новгородскихъ Словенъ и Тверичей къ Словенамъ Южнорусскимъ и ихъ переселеніе съ Юга.

2. *Нижнерусское* или *Суздальское* нарѣчіе, образовавшееся въ области Суздальской, подъ вліяніемъ нарѣчія Новгородскаго и Украинскаго, и распространившееся въ *низовой* сторонѣ Россіи и вверхъ по Волгѣ, на Сѣверной сторонѣ Оки.

Сіи два нарѣчія Великорусскія распространились далеко на Востокъ, за Волгою и Ураломъ, по всей Сибири.

3. *Среднерусское* или *Рязанское* нарѣчіе, простирающееся въ *средней* полосѣ Россіи на Югъ отъ Оки, между Бѣлоруссіей и Волгою; кажется, оно преимущественно распространилось по Дону и въ землѣ Кавказской.

4. Среди сихъ нарѣчій образовалось изъ нихъ уже въ среднія времена въ Москвѣ нарѣчіе *Московское,* которое потомъ распространилось по цѣлой Россіи въ образованнѣйшихъ сословіяхъ, и служитъ образцемъ избраннаго, чистаго языка *Русскаго,* употребляемаго и въ современной Русской Словесности.

3. *Языкъ Бѣлорусскій.*

Бѣлорусскій или *Литовско-Русскій* языкъ получилъ свое главное образованіе, кажется, у Полочанъ и утвердился съ нѣкоторыми мѣстными разностями — у всѣхъ Сѣверо-западныхъ Руссовъ, постоянно составлявшихъ впослѣдствіи Княжество Литовское. По меньшему развитію здѣсь народной жизни, и здѣшній Русскій языкъ развитъ и образованъ менѣе, чѣмъ два первые. По своему общему образованію онъ ближе къ Великорусскому; но въ частныхъ примѣтахъ и словахъ онъ имѣетъ много общаго съ Южнорусскимъ, и занимаетъ между ними средину. Онъ совсѣмъ не имѣлъ книжнаго образованія и употребленія; почему несвойственно — Калайдовичъ[4] и другіе — называютъ именемъ *Бѣлорусскаго языка* тотъ книжный языкъ, который въ среднія времена употреблялся въ Литовской и вообще въ Западной Руси и который всего лучше можно называть *Западнорусскимъ* письменнымъ языкомъ,

4) Въ статьѣ *о Бѣлорусскомъ нарѣчіи*. (см. Труды Моск. Общ. Люб. Рос. Слов. 1822.)

въ отличіе отъ *Восточнорусскаго*, употреблявшагося тогда-же въ Государствѣ Московскомъ. —

Вотъ главные виды и нарѣчія народнаго Русскаго языка. Они опредѣляются по средоточнымъ, наиболѣе особеннымъ или далекимъ другъ отъ друга образованіямъ, а не по измѣненіямъ переходнымъ или пограничнымъ: ибо въ сихъ послѣднихъ каждый языкъ и каждое нарѣчіе обыкновенно теряетъ что нибудь отъ своихъ особенностей и заимствуется свойствами языка или нарѣчія сосѣдняго. Такое мѣстное измѣненіе, зависящее отъ давней смежности одного нарѣчія съ другимъ, Русскимъ-же или иноязычнымъ [5], умножается еще послѣ-

5) Такъ Южнорусскій языкъ въ *Сѣверской* разности своей, прикасаясь съ одной стороны къ Среднерусскому нарѣчію Великорусскаго языка, а съ другой къ языку Бѣлорусскому, сбивается уже на выговоръ того и другаго, напримѣръ въ произношеніи звука *о* на *а*, въ произношеніи буквы *ѣ* какъ *е* (потому многіе Сѣверцы говорятъ уже—Черневовъ, Нежинъ; и въ повелительномъ наклоненіи — возметь, ходемъ, идеть). Но въ Нижней Сянинѣ или землѣ Перемышльской Южнорусскій языкъ весьма перемѣшанъ съ языкомъ Польскимъ; а въ Карпатахъ онъ принялъ много словъ Словацкихъ и даже Венгерскихъ или Мадьярскихъ. — Такъ нарѣчіе Верхнерусское *Тверской* разности

дующими сближеніями нарѣчій, происходящими при переселеніи жителей изъ одной области въ другую [6].

Народный Русскій языкъ измѣняется также съ теченіемъ времени отъ вліянія письменной городской и разговорной рѣчи на языкъ сельскій: ибо у горожанъ и людей грамотныхъ языкъ наиболѣе подвергается измѣненіямъ; а отъ нихъ разныя новости языка постепенно переходятъ уже къ поселянамъ.

Такимъ образомъ, на обширномъ пространствѣ Россіи представляется чрез-

сбивается на произношеніе Бѣлорусское (напр. *е* обращаютъ въ *я*: *бясида*, *нявиста*); а въ глубинѣ Сѣверовостока приняло много Чудскихъ словъ.—

Среди собственныхъ природныхъ нарѣчій Русскаго языка, въ народѣ составляются еще условныя, искуственныя нарѣчія, частію по необходимости—какъ напримѣръ *Кяхтинскій* торговый языкъ, изъ смѣси Русскаго съ Китайскимъ (см. Моск. Телегр.); частію по произволу—какъ напримѣръ нарѣчіе *Ходебское* или *Офенское* (см. Труд. Моск. Общ. Л. Р. Сл. 1828), изъ коего нѣкоторыя слова перешли даже въ народныя Русскія нарѣчія на Волгѣ.

6) Такъ въ разныхъ уѣздахъ Московской Губерніи можно видѣть водвореніе почти всѣхъ нарѣчій Великорусскихъ.

вычайное разнообразіе Русскаго языка и происходятъ непрестанныя, хотя и медленныя, измѣненія его въ самомъ народѣ. Отъ того разныя мѣстныя нарѣчія по-немногу утрачиваютъ свои прежнія особенности, мало по-малу обновляются и обобщаются.

Простонародная рѣчь измѣняется гораздо медленнѣе, чѣмъ городская и письменная; потому она сохраняетъ въ себѣ коренныя свойства Русскаго языка болѣе и долѣе, чѣмъ избранная изъ нея-же рѣчь образованныхъ сословій, занимающая всегда средину между наиболѣе измѣнчивымъ языкомъ письменнымъ и наиболѣе постояннымъ языкомъ простонароднымъ. Потому въ семъ послѣднемъ заключается дополнительное, еще неисчерпанное богатство для письменнаго языка Русскаго.

ГЛАВА V.

О различіи главныхъ видовъ народнаго Русскаго языка.

Каждый видъ и каждое нарѣчіе Русскаго языка имѣетъ свои особенности;

и если бы опредѣлить съ точностію всѣ отличительныя примѣты ихъ, тогда можно бы яснѣе видѣть происхожденіе той многосложности и того разнообразія, какія представляетъ Русская рѣчь во многочисленномъ народѣ своемъ, — тогда можно бы отличать явственнѣе всѣ ея разности и оттѣнки, частію принадлежащія глубокой древности, частію происшедшія во времена послѣдовавшія. Подробное изслѣдованіе народнаго Русскаго языка съ сей точки зрѣнія весьма важно и необходимо, какъ для Исторіи, такъ и для Филологіи не одной Русской, но и всей Словенской рѣчи. Однако до сихъ поръ сдѣланы еще только отрывчатые начатки такого изслѣдованія Русскаго языка въ его собственныхъ видоизмѣненіяхъ и въ связи съ языками Западно-Словенскими[1].

Не предполагая составлять здѣсь полнаго опредѣленія трехъ видовъ Русскаго

1) Начатки сіи, состоящіе наиболѣе въ областныхъ словаряхъ, сдѣланы преимущественно въ прошломъ десятилѣтіи, стараніемъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ *Трудахъ* коего и помѣщены главные матеріалы по сей части.

языка, я ограничусь указаніемъ на главнѣйшія и замѣтнѣйшія особенности каждаго.

1. Особенности Южнорусскаго языка.

Южнорусскій языкъ отличается отъ Великорусскаго слѣдующими примѣтами:

1. Звукъ *о* не обращается въ *а* и не замѣняется имъ, но во многихъ случаяхъ удерживается какъ звукъ основный, коренной [2]. Потому а) окончаніе родительнаго падежа именъ прилагательныхъ

2) Вмѣсто звука *о* Южнорусскій языкъ скорѣе принимаетъ *е* и *у*, чѣмъ *а;* исключеніе изъ сего представляетъ слово богатый, которое въ Южнорусскомъ употребляется постоянно съ буквою *а*: багатый,—багато (много), багатырь (какъ бы въ отличіе отъ словъ: убогій, небога, збôжье). а) Южнорусскій языкъ удерживаетъ еще звукъ *о* въ нѣкоторыхъ такихъ словахъ, въ которыхъ Великороссіяне и многіе другіе Словены давно уже употребляютъ *е*, напр. чоло, чоловѣкъ, лобода, чотыри, попелъ—вм. чело, человѣкъ, лебеда, четыре, пепелъ.—Что во многихъ словахъ звукъ *о* былъ древнѣе чѣмъ *е*, сіе видно изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ; въ нихъ находимъ: одва, оже, гробля—вм. едва, еже-ли, гребля. Такъ вм. молоко, волоку, по Западно-Словенской формѣ—млеко, влеку; вм. озеро, одинъ, полынь, Волосъ—езеро, едепъ или единъ, пелынь или пелунь, Велесъ. б) Что касается до обращенія звука *о* въ *у*, то сіе особенно любитъ языкъ

принимаетъ *ого* и *ёго*, (іого); наприм. мого, чого, ёго, сёго, чорного, синёго; б) частица *ров* никогда не произносится *раз*, но лишь изрѣдка *риз* (рôз), наприм. рôзно (произносится *ривно*).

2. Звукъ *и* въ Южнорусскомъ языкѣ имѣетъ собственно только два измѣненія: острое и мягкое [3]. а) *Острое и*, общее всѣмъ языкамъ, употребляется всегда послѣ гласныхъ (—мои, твои), иногда же и послѣ согласныхъ (—кони, пани). б) *Мягкое и*, болѣе гортанное, переходящее къ звуку *е*, неразличаемое и неупотребляемое Великороссіянами, свой-

Польскій (въ коемъ ô произносится какъ у). Тоже бываетъ изрѣдка въ Южнорусскомъ произношеніи; но гораздо болѣе въ языкѣ Бѣлорусскомъ (кунь, вулъ, кутъ). Впрочемъ *о* и *у* замѣняютъ другъ друга въ разныхъ языкахъ; отсюда—Руссы и Россы, Куманы и Команы, Булгары и Болгары.

3) Въ произношеніи гласныхъ звуковъ мы различаемъ три степени: 1) *твердое*, каковы *а*, *э*, *ы*, *о*, *у*; 2) *острое*, образуемое какъ-бы прибавкою передъ каждымъ гласнымъ звукомъ *ь* или краткаго *й*: а—йа (я) е—йе, и—йи, о—йо (ё), у—йу (ю); 3) *мягкое* занимаетъ между ними средину: мягкія *а*, *о*—сходятся почти въ одинъ звукъ, равно какъ мягкія *е*, *и*—весьма сближаются другъ съ другомъ, почему въ разныхъ языкахъ и дѣйствительно употребляются одно вмѣсто другаго.

ственное вообще Словенамъ Южнымъ; — *твердаго и*, какъ Великорусское *ы* или Польскій *y*, совсѣмъ нѣтъ въ чистомъ Украинскомъ произношеніи [4].

3. Буква *ѣ* въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ произносится какъ *острое и*. Для выраженія сего звука Южные Руссы собственно и употребляли букву *ѣ* издревле [5]; наприм. Чернѣговъ, Воронѣжъ (произнося Черниговъ, Воронижъ); тоже и въ повелительномъ наклоненіи: ходѣмъ,

4) Такъ въ словахъ: иди, сюды, милый, мы ходили— по чистому Украинскому выговору ы, и, произносятся одинаково—мягко. Гдѣ должно писать *и*, *і*, *ы*, тому вообще указателемъ служитъ правописаніе Церковно-Словенское и Великорусское. Собственно *и* въ началѣ словъ Южнорусскій языкъ произноситъ всегда мягко: идемъ, иньшій; слѣдственно острое *и* въ началѣ словъ предполагаетъ букву *ѣ*: ѣхати, ѣсти.—Сокращенное *й* въ Южнорусскомъ языкѣ можетъ употребляться въ началѣ словъ и самостоятельно—какъ союзъ *й*: то и другое бываетъ обыкновенно тогда, когда предыдущее слово оканчивается гласною: ты йдешъ, да й вернешся.

5) Букву *ѣ* вм. *и* писали Южные Руссы издревле даже и въ такихъ случаяхъ, когда-бы неслѣдовало; наприм. въ Договорѣ Игоря (по Лаврентьевскому списку)— *мечѣ своѣ;* въ Грамотѣ Мстислава Владиміровича—*моѣ дѣти;* въ Грамотѣ Льва Даниловича 1292 г. писецъ Захарія Вихотъ писалъ—*вѣчнѣ, будучѣ, нашѣ* и проч. Подобное употребленіе буквы ѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ защищалъ и Смотрицкій.

идѣте, хвалѣте (вм. ходимъ, идите, хвалите), какъ было и въ древнемъ Церковно-Словенскомъ правописаніи. Употребленіе звука *и* вмѣсто *ѣ* принадлежитъ Южно-русскому языку съ древнѣйшихъ временъ; оно свойственно еще Словенамъ Новгородскимъ, нѣкоторымъ Задунайскимъ и отчасти Чехамъ [6]. Но у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ и другихъ Словенъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ употребляется обыкновенно звукъ *е*, иногда *я*.

4. Въ Южнорусскомъ языкѣ звукъ *о* и другіе гласные часто [7] произносятся

6) Изъ Сѣверо-Западныхъ Словенъ такое произношеніе встрѣчается только у Чеховъ, и лишь въ немногихъ словахъ оно принадлежало Словенамъ Заодерскимъ. Изъ Задунайскихъ Словенъ вмѣсто ѣ употребляютъ *и* Далматы и нѣкоторые другіе Иллирцы. А что произношеніе сіе принадлежало въ древнѣйшія времена Словенамъ Македонскимъ, то нѣкоторымъ образомъ видно изъ приводимаго Ѳеофиломъ (534 г.) имени Юстиніановой матери: *Бигленица* т. е. Бѣгленица.—Здѣсь кстати замѣтимъ, что знаменитый Греческій Императоръ-Законодатель былъ Словенинъ Македонскій, и что его славное имя есть только Латинскій переводъ его природнаго, Словенскаго имени *Вправда* или *Управда*; имя отца его было *Изтокъ*.

7) Въ такихъ случаяхъ (по правописанію, предложенному мною въ изданіи *Малороссійскихъ пѣсень*, М. 1827) коренная гласная буква удерживается и только отмѣчается паеркомъ. Правописаніе сіе необходимо, сколько при составленіи словаря, столько и для различенія

одинаково съ ѣ, т. е. какъ острое *и;* наприм. кра̂й (вскрай), ме̂жъ (между), за-му̂жъ, во̂шко̂ль, ко̂нь, — произносятъ крій, мижъ, за-мижъ, витkиль, кинь [8]. — Такое измѣненіе гласныхъ звуковъ едва-ли принадлежитъ Южнорусскому языку какъ его собственное [9], въ немъ самомъ про-

словъ одинаково произносимыхъ; напр. окрѣпъ и окро̂пъ (кипятокъ); не̂жъ (нежели), но̂жъ и нѣжъ; безо̂лье и бездѣлье.

Паерокъ въ старинномъ Церковно-Словенскомъ правописаніи ставился надъ словами вмѣсто *ь;* но у меня онъ принятъ знакомъ измѣненія гласной буквы въ *и*, подобно тому какъ *надстрочное двоеточіе* въ Русскомъ правописаніи означаетъ измѣненіе буквы е въ іо (и даже въ *о*, напр. шёлъ вм. шолъ). Такъ и въ Польскомъ буква о *крескуется* (ó) въ тѣхъ случаяхъ, когда произносится какъ у.

8) Въ рѣдкихъ случаяхъ по чистому Украинскому выговору, вмѣсто звука *о* и другихъ, употребляется только мягкое *ы;* такъ вм. чорнобровый обыкновенно говорится чорнобрывый; вм. дуброва иногда говорится дыброва. Замѣтимъ однакоже, что Южнорусскимъ языкомъ постоянно выдерживается мягкое *ы* во многихъ глаголахъ, въ которыхъ Великорусскій языкъ употребляетъ и *ы* и о; таковы: крыти—крыю, мыти—мыю, ныти—ныю, выти—выю.

9) Къ сей мысли приводитъ насъ 1) разнообразіе и произвольность, съ какими Южнорусскій языкъ измѣняетъ гласные звуки въ *и*. Ибо а) измѣненіе сіе простирается не на всѣ виды тогоже слова, но только на нѣкоторые; напр. комо̂ра, комо̂рка и комо̂рка; дубро̂ва, дубро̂вонька и дубро̂вонька; слово конь только въ двухъ падежахъ

исшедшее свойство; оно болѣе походитъ на подражательный обычай произношенія, который перешелъ въ Южную Русь — кажется — съ Запада, и именно съ Поморья Заодерскаго[10].

произносится съ *и*—кôнь, кôньми. б) Чаще измѣняются въ *и* тѣ гласные звуки, на которыхъ приходится удареніе, потому и окончаніе родительнаго падежа мн. ч. *овъ* произносится обыкновенно *ивъ* (въ Польскомъ *увъ*);-однако гласные звуки и съ удареніемъ часто остаются безъ измѣненія, между тѣмъ какъ нерѣдко измѣняются звуки, на коихъ не приходится ударенія, напр, пôдгôрье, вôвця, вôкнó. в) Но и въ сказанныхъ случаяхъ гласные звуки могутъ быть произносимы и нерѣдко произносятся въ самомъ народѣ *безъ измѣненія* въ *и*. г) Хотя въ Южнорусскомъ языкѣ господствуетъ вообще измѣненіе гласныхъ въ острое *и*; однако въ нѣкоторыхъ разностяхъ измѣненіе гласныхъ бываетъ въ мягкое *ы*, или же въ другіе слитно-сложные звуки. Особенное разнообразіе въ семъ отношеніи представляетъ *Сѣверская* разность (отдѣляемая отъ Кіево-Переясловской рѣкою Сеймомъ); въ разныхъ мѣстахъ оной, напр. слово кôнь произносится не чисто кинь, но куинь, куонь, даже по-Бѣлорусски—кунь, и просто конь.—2-е) Къ мысли, что такого измѣненія гласныхъ звуковъ у Южнорусскихъ Словенъ не было въ древнѣйшія времена, приводитъ насъ и то, что сіе измѣненіе чуждо Словенамъ Новгородскимъ и Тверичамъ, коихъ мы признаемъ переселенцами съ Юга и у коихъ буква ѣ имѣетъ Южнорусскій выговоръ.

10) Изъ записокъ Геннинга, Потоцкаго и другихъ Шафарикъ (Старож. Словен. стр. 925) составилъ любопытныя замѣчанія о языкѣ Эльбскихъ Деревлянъ, изъ коихъ видно, что сіи Словены также вмѣсто *роз* не говорили *раз*, но *риз* (напр. ризскокне, ризеделена); что

5. Звукъ *в* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ (потому и въ предлогѣ *въ*) произносится полугласно, какъ сокращенное *ў*; иногда же протягивается и въ полное *у*; наприм. вм. всѣ, вслѣдъ, весь, въ лѣсѣ, говорится — уси, услидъ, увесь, у лиси. Наоборотъ звукъ *у* иногда сокращается и потому какъ-бы обращается въ *в*, наприм. ўже, ўмеръ, ў ёго; пишутъ — вже, вмеръ, въ ёго. Такъ въ древнемъ Латинскомъ правописаніи *V* и *U* часто замѣняли другъ друга.

6. Полугласный звукъ *в* нерѣдко замѣняетъ собою звукъ *л*; напр. вовкъ, вов-

они вообще звукъ *о* часто произносили какъ *и*; наприм. riste, wirjal (орелъ), kist, sliwi, wicaj (очи), wicir, nic, pic. Соотвѣтственные примѣры таковаго произношенія представляетъ и Южнорусскій языкъ въ тѣхъ же словахъ: рôстъ, порôсъ, вôрлята, кôстка, слôвце, вôчи, вечêръ, нôчъ, пêчъ. Нѣтъ положительныхъ извѣстій, что такой обычай произношенія принадлежалъ всѣмъ Словенамъ Заодерскаго Поморья. Находя однако, что и у нихъ народныя имена *Волынов*ъ, *Волков*ъ, произносили — *Вилины*, *Вильки*, вм. Бодричи — *Бидричи*, и потому принимая въ соображеніе сказанное нами въ примѣч. 9-мъ, мы предполагаемъ, что такой обычай измѣненія гласныхъ звуковъ въ *и*, произошелъ у Словенъ Заодерскаго Поморья и уже оттуда перенесенъ ими въ Южную Русь. Въ Польскомъ языкѣ весьма немногія слова приняли такую замѣну, притомъ тѣ, въ коихъ не принялъ оной Южнорусскій языкъ, напр. wilk, milczeć, по Южнорусски — вовкъ, мовчати.

на, жовтый, повный, пôвтора — какъ-бы воўкъ, воўна и т. д. Отсюда переходъ къ Сербскому — вукъ, вуна. Такая замѣна сихъ двухъ звуковъ встрѣчается и въ другихъ языкахъ Словенскихъ: слобода и свобода, слово и свово, Витолдъ и Витовтъ.

7. Звукъ *г* произносится мягко, какъ Латинское *h*, что принадлежитъ также языкамъ Бѣлорусскому и большей части Западно-Словенскихъ. Твердое произношеніе звука *г*, какъ Латинское *g*, въ Южнорусскомъ рѣдко, и то болѣе въ словахъ заимствованныхъ (наприм. — кгрунтъ, кгвалтъ; но сіи-же слова выговариваются и просто — грунтъ, гвалтъ).

8. Звукъ *ц* въ окончательномъ слогѣ не принимаетъ твердыхъ звуковъ; потому (вмѣсто *а*, *о*, *у*, *ы*, *ъ*, употребляемыхъ языкомъ Великорусскимъ) требуетъ *я*, *е*, *ю*, *и*, *ь*, сходно съ древнимъ Словенскимъ; наприм. конець, коньця, коньцю, коньцемъ, коньци; вôвця, вôвци — вм. овца, овцы; лице, яйце, а не лицо, яйцо.

9. Южнорусскому языку свойственъ двоякій звательный падежъ въ именахъ

мужескаго рода. а) Оканчивающійся на *у* и *ю*, какъ дательный Великорусскаго. Сія форма, господствующая въ Южнорусскомъ языкѣ, особливо въ уменьшительныхъ именахъ, встрѣчается изрѣдка и въ языкахъ Западно-Словенскихъ, но почти какъ исключеніе; наприм. сыну! царю! б) Господствующее въ Церковно-Словенскомъ окончаніе звательнаго падежа на *е* употребительно и въ Южнорусскомъ; наприм. козаче, орле, брате, сыне; но въ уменьшительныхъ — козаченьку, орлоньку, братику, сынку [11].

10. Нѣкоторыми окончаніями прилагательныхъ Южнорусскій языкъ также отличается отъ Великорусскаго. а) Множественное число полной формы всѣхъ родовъ принимаетъ *и:* святыи, ясныи. б) Въ родительномъ падежѣ женскаго рода, вмѣсто сокращеннаго *ой, ей*, удерживается долгое *ои*, *ёи* (въ отличіе отъ дательнаго): святои, ясноѝ, синёи. в) Въ

11) Въ отличіе отъ сего дательный падежъ въ Южнорусскомъ имѣетъ окончаніе *ови* и *еви* (напр. козакови, мѣсяцеви), какъ во многихъ Западно-Словенскихъ; впрочемъ употребляется дательный падежъ на *у* и *ю*, какъ въ Великорусскомъ. Первая форма кажется собственнѣе Южнорусскому языку.

окончаніи родительнаго падежа мужескаго и средняго родовъ — *ого, ёго,* произносится всегда мягкое *г.*

11. Есть розница и въ окончаніяхъ глаголовъ. а) Въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе *ти* (господствующее въ большей части Словенскихъ языковъ) Южнорусскому языку собственнѣе, чѣмъ сокращенное Великорусское *ть.* б) Окончаніе третьяго лица обоихъ числъ, принимающее въ Великорусскомъ обыкновенно *тъ,* въ Южнорусскомъ обыкновенно имѣетъ *ть* (сходно съ древнимъ Церковно-Словенскимъ): хóдить, хóдять. Но въ единственномъ числѣ, когда звукъ *е* предшествуетъ окончанію *ть,* оно отбрасывается: бере, може, дыше; если же звуку *е* предшествуетъ *а* либо *я,* тогда и звукъ *е* можетъ отбрасываться: знае, спѣвае, гуляе, и — зна, спѣва, гуля [12]. Вмѣсто глагола *есть* обыкновенно говорится *е* [13].

12) Исключая немногіе глаголы, наприм. даю. Впрочемъ въ Слобожанской разности употребляется и полное окончаніе — *аеть, яеть.*

13) Эта форма очень древняя, ибо встрѣчается часто во Фрейзингенской рукописи (писанной въ X вѣкѣ на языкѣ Хорутанскомъ). — Вмѣсто *есть* говорится *е* и въ нарѣчіи Верхнерусскомъ. Въ Сѣверской разности говорятъ уже *ё, ёсть,* сходно съ Бѣлорусскимъ произношеніемъ *ё* и *ёсць.*

в) Окончаніе прошедшаго времени мужескаго рода (по 6-й примѣтѣ) вмѣсто *лъ* имѣетъ всегда полугласное *въ;* наприм. знавъ, давъ, какъ-бы — знаў, даў. Тоже и въ языкѣ Бѣлорусскомъ. Отсюда переходъ къ Сербскому окончанію прошедшаго времени на *о* — знао, дао. г) Окончаніе 1-го лица множ. числа *мъ* въ Южнорусскомъ чаще употребляется полногласно — *мо*: ходимо, дамо (дадимъ), ѣмо (ѣдимъ), будемо, есьмо. д) Въ единственомъ числѣ вторага лица Южнорусскій языкъ употребляетъ окончаніе *шъ*; но иногда сохраняетъ Церковно-Словенское окончаніе *си*: ѣси, даси, въ Великорусскомъ — ѣшь, дашь.

12. Будущее время въ Южнорусскомъ языкѣ образуется чрезъ придачу глагола *иму*, коего начальное *и* изчезаетъ въ семъже звукѣ неопредѣленнаго окончанія *ти*: знатиму, знатимешъ, знатиме, знатимемъ, знатимете, знатимуть.

13. Вспомогательный глаголъ *быть*, который въ прочихъ Словенскихъ языкахъ только въ будущемъ вмѣсто *бы* имѣетъ *бу* [14], въ Южнорусскомъ постоянно выдер-

14) Съ юсомъ; — въ Польскомъ *bę*. — Въ Глаголитскихъ рукописяхъ вм. *да бы* встрѣчается иногда *да бу*.

живаетъ сей послѣдній слогъ: бути, бувъ, бувавъ, бувай, бувши; равно и въ сложныхъ: прибути, добути, забути и т. д.

14. Изъ вышеприведенныхъ окончаній глаголовъ и изъ другихъ словъ видно, что Южнорусскій языкъ предпочитаетъ окончанія гласныя. Такъ наприм. вмѣсто Днѣпръ, бровь, морковь, хоругвь, церковь, — въ Южнорусскомъ говорится Днѣпро, брова́, морква, корогва, церква [15]. Но Великорусскій языкъ болѣе любитъ концы словъ усѣченные, обращеніемъ гласнаго звука въ *ъ* и *ь*: молва и *молвь*, земля и *земь*, тьма и *темь*, поди и *подь*.

15. Многія частицы въ Южнорусскомъ языкѣ употребляются отлично отъ Великорусскаго, наприм. *отъ*, *да*, *со*, и проч. [16].

Въ Санскритскомъ языкѣ *бу* значитъ *быть*. Это приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма сего глагола есть древнѣйшая.

15) Слово сіе въ древнѣйшемъ Польскомъ Псалтырѣ (Малгоржатиномъ) находится въ подобной формѣ — *церевка* (czyerekwa).

16) а) По Южнорусски *отъ* значитъ *вотъ*. Вмѣсто предлога *отъ* употребляется *одъ*, какъ въ Сербскомъ и большей части языковъ Словенскихъ; или же *вôтъ* (*wit*), какъ было у Словенъ Заодерскихъ. — б) Наоборотъ частица *да* произносится *та*; утвердительное *да* по Южнорусски *эге*. — в) Вмѣсто предлога *со*, *съ* — употребляются *зо*, *зъ*, *изъ*,

2. Особенности Великорусскаго языка.

Великорусскій языкъ составился разнообразнѣе, чѣмъ Южнорусскій. Въ отличіе отъ Южнорусскаго и отъ Бѣлорусскаго онъ имѣетъ слѣдующія примѣты, общія всѣмъ или по крайней мѣрѣ тремъ его нарѣчіямъ.

1. Твердое произношеніе звука *г* въ началѣ и срединѣ словъ, какъ Латинское *g*, сходно съ языками Польскимъ, Сербскимъ. Исключается нарѣчіе Среднерусское и отчасти Верхнерусское.

2. Произношеніе звука *в* какъ *ф*[17] передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ (фсё, фторой, рофъ), сходно съ языкомъ Польскимъ.

какъ сами по себѣ, такъ и въ сложности—зовсѣмъ, знову, изъѣвъ.—г.) Вм. придаточной частицы *то* употребляется иногда частица *се*, сокращенная въ *сь*: коли-сь (когда-то), де-сь (гдѣ-то, видно), счо-сь (что-то).

17) *В* произносилось какъ *ф* въ имени Тверь—*Тферь*, а въ Новгородской Лѣтописи даже *Тхверь*.—Здѣсь замѣтимъ, что Малороссіяне вм. *ф* говорятъ обыкновенно *хв*, на оборотъ вм. *хв*—*ф*. Такая обратность встрѣчается и въ Среднерусскомъ нарѣчіи; наприм. *Лифинъ* вм. *Лихвинъ*, *Стехванъ* вм. Стефанъ или Степанъ (звукъ *п* вм. *ф* въ именахъ собственныхъ употребляется Южнорусскимъ языкомъ: Степанъ, Пилипъ, Працузъ).

3. У именъ прилагательныхъ (и всѣхъ по ихъ формѣ склоняемыхъ словъ) въ окончаніи родительнаго падежа-*его,-ого*, звукъ *г* обращается въ *в*. Исключается нарѣчіе Нижнерусское (которое въ семъ случаѣ удерживаетъ твердое *г*) и отчасти Верхнерусское.

5. Въ окончаніи прошедшаго времени мужескаго рода употребляется *лъ*, а не *въ*. —

Что касается до взаимнаго различія Великорусскихъ нарѣчій, то ихъ — по отношенію къ звуку *о* — можно раздѣлить на двое:

6. Нарѣчія Верхнерусское и Нижнерусское отличаются употребленіемъ общаго для нихъ *твердаго о*, необращаемаго въ *а*. — Потому и въ окончаніи родительнаго падежа (*ого*) звукъ *о* произносится дважды. Потому и вмѣсто частицы *раз* сіи два нарѣчія употребляютъ *роз*.

7. Нарѣчію Среднерусскому, а отъ него и Московскому, принадлежитъ *мягкій* выговоръ *о* (когда на немъ не приходится удареніе); отъ сего звукъ *о* какъ-бы обращается въ *а*. Это составляетъ переходъ

отъ двухъ первыхъ нарѣчій къ языку Бѣлорусскому. Такой выговоръ на *а* посредствомъ Москвы распространился по Россіи и сдѣлался господствующимъ, образцовымъ Русскимъ выговоромъ. У говорящихъ первыми двумя нарѣчіями сей выговоръ на *а* называется *рѣчью высокою* или *съ высока*[18].

8. Нарѣчію Верхнерусскому, въ отличіе отъ всей Сѣверно-Русской рѣчи, свойственно произношеніе *ѣ* какъ острое *и*, по которому сіе нарѣчіе сближается съ языкомъ Южнорусскимъ, — равно какъ и по опущенію окончанія *тъ* въ единственномъ числѣ третьяго лица глаголовъ (наприм. возьме, люби, ходи). Замѣчательно, что въ разныхъ мѣстахъ сего нарѣчія опускаютъ *тъ* даже во множественномъ числѣ (возьму, любя, ходя, вм. возьмутъ, любятъ, ходятъ). Сему же нарѣчію преимущественно принадлежитъ употребленіе *ч* вмѣсто *ц*; наприм. чарь, отечь[19].

18) У нихъ есть насмѣшливая поговорка объ употребляющихъ Московскій выговоръ: „съ Масквы съ пасаду, съ *авошнава* ряду“.

19) Верхнерусскому нарѣчію принадлежитъ также замѣна прошедшаго времени дѣепричастіемъ, употребительная и въ Петербургѣ (напр. ушедши вм. ушелъ). — Родительный падежъ мѣстоименій — моёво, твоёво, своёво, вм. мово, твово, свово. — См. еще примѣч. 23.

9. Среднерусское нарѣчіе отъ прочихъ Великорусскихъ уклоняется къ языку Южнорусскому — мягкимъ произношеніемъ звука *г* и окончаніемъ третьяго лица глаголовъ на *ть* (вм. *тъ*). — Въ *Рязанской* разности сего нарѣчія весьма употребительно *ц* вмѣсто *ч* (наприм. цалавекъ, цудо, сцепка, вм. человѣкъ, чудо, щепка), что также, какъ и произношеніе на *а*, составляетъ переходъ къ языку Бѣлорусскому.

3. Особенности языка Бѣлорусскаго.

Литовскорусскій или Бѣлорусскій языкъ имѣетъ слѣдующія отличія отъ Великорусскаго и Южнорусскаго.

1. Частое употребленіе *твердаго а*, вмѣсто *о*.[20] Сіе свойство Бѣлорусскаго языка безъ сомнѣнія есть весьма древнее, незанятое и неутраченное имъ ни отъ прочихъ Русскихъ, ни отъ Польскихъ Сло-

20) Господство звука *а* въ языкѣ Бѣлорусскомъ обнаруживается и частымъ обращеніемъ звука *е* (безъ ударенія) въ *я*; наприм. яго, яму — вм. его, ему; цéпло (тепло) и цяплó (огонь). Въ томъ-же случаѣ и *ѣ*, обыкновенно произносимое какъ *е*, обращается въ *я*; напр. у лясу, на снягу. — Вмѣсто онъ, она, оно, говорится обыкновенно ёнъ, ена (и яна), ено (и яно).

венъ; но сближающее его съ языкомъ Сербовъ [21].

2. Употребленіе сложнаго звука *дз* вмѣсто *д*, какъ въ Польскомъ [22].

3. Употребленіе звука *ц* вмѣсто *т*, какъ въ Польскомъ. Звукъ *ч* также довольно часто замѣняется звукомъ *ц*.— По свойству сему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, вм. Великорусскаго окончанія *ть*, Бѣлорусскій имѣетъ *ць*, какъ въ Польскомъ [23].

21) Поляки болѣе всѣхъ Словенъ Сѣверозападнаго разряда употребляютъ *о и у* (ó) вмѣсто *а;* напр. млодый, мрузъ, вм. младый, мразъ.—Къ звуку *а* болѣе всѣхъ Западныхъ Словенъ пристрастны Сербы, бывшіе до переселенія своего за Дунай Западными сосѣдями Словенъ Бѣлорусскихъ. Но всего болѣе звукъ *а* любимъ языкомъ Санскритскимъ (baga — богъ, sata — сто).

22) Это употребленіе звука *дз* Малороссіяне называютъ *дзеканьемъ.*—Въ языкѣ Южнорусскомъ изрѣдка употребляется *дз* вм. *з* (наприм. дзвôнъ); чаще употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Руси Кіевской и Галицкой *дж* вм. *ж* наприм. сиджу, ходжу). Такая приставка звука *д* къ *з* и *ж* въ Южнорусскомъ языкѣ по всей вѣроятности есть уже подражательная.

23) Замѣчательно, что какъ сіе Бѣлорусское и Польское окончаніе глаголовъ на *ць*, такъ и звукъ *дз* вм. *д*— отзываются и въ нѣкоторыхъ разностяхъ Велико-

Въ слѣдствіе сихъ особенностей Бѣлорусскаго языка, въ немъ говорится: хадзиць, дзяцелъ — вм. ходить, дятелъ; дзядзька, цяперъ, цеста — вм. Южнорусскихъ — дядько, теперъ, тисто (тѣсто).

Въ отношеніи къ звукамъ *г* и *в* Бѣлорусскій языкъ сходствуетъ съ Южнорусскимъ; потому и глагольное окончаніе прошедшаго времени имѣетъ не *лъ*, но *въ*; наприм. хадзивъ вм. ходилъ.

ГЛАВА VI.

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЗАПАДНО-СЛОВЕНСКИМЪ.

Языкъ Русскій всѣхъ трехъ видовъ, по своему древнѣйшему происхожденію и коренной основѣ, и по главнымъ вліяніямъ другихъ языковъ на его послѣдую-

русскаго языка, именно — въ Нижнерусскомъ нарѣчіи (въ губерніяхъ Симбирской и Нижегородской); отчасти въ Тверской разности Верхнерусскаго нарѣчія. За частое употребленіе звука *ц*, Тверичи прозываются въ народѣ *цуканами*. Это употребленіе было распространено прежде и между Новгородцами, какъ видно изъ многихъ Новгородскихъ деревень и изъ Новгородской Лѣтописи: встрѣчаемое въ ней окончаніе именъ *ицъ* вм. *ичъ* не вывелось и понынѣ.

щее образованіе — есть языкъ *Словенскій,* и вмѣстѣ съ прочими соплеменными языками, принадлежитъ къ одному Общесловенскому кругу.

Добровскій, на основаніи своихъ десяти примѣтъ,[1] поставляетъ Русскій языкъ въ

1) Общесловенскій кругъ языковъ Добровскій раздѣляетъ на два разряда, принимая въ каждомъ по 5-ти нарѣчій:

Разрядъ первый.	*Разрядъ второй.*
Нарѣчія:	
1. Русское,	1. Словацкое.
2. Старо-Словенское.	2. Чешское или Богемское.
3. Иллирійское или Сербское.	3. Верхне-Лужицкое.
4. Хорватское или Кроатское.	4. Нижне-Лужицкое.
5. Виндское или Хорутанское.	5. Польское.

Примѣты:

1. раз: разум	роз: розум
2. из: издат	вы: выдати
3. вставочное л	
корабль	кораб
земля	земя
поставлен	поставен
4.	вставочное д
сало, крило	садло, кридло
правило	правидло
молитися	модлитисе
5. пеци, моци	пеци, моци
пещ, мощ	пец, моц
(печ, моч	
6. звѣзда, цвѣт	гвѣзда, квѣт
7. тъ (той)	тен
8. пепел	попел
9. птица	птак
студенец	студница
10. десница	правица

одинъ разрядъ съ языками Словенъ Задунайскихъ, въ отличіе отъ прочихъ Словенскихъ. Но изъ подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго [2] оказывается, что примѣты сіи противорѣчатъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими, и что въ трехъ видахъ языка Русскаго находятся всѣ главнѣйшія примѣты, принадлежащія языкамъ обоихъ Западныхъ разрядовъ, только не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними. Потому Русскій или Восточно-Словенскій языкъ не только не долженъ быть поставляемъ наравнѣ съ языками Юго-западнаго разряда и не принадлежитъ къ нему, даже по примѣтамъ Добровскаго, — не только можетъ быть принимаемъ за особый, *третій разрядъ,* наравнѣ съ Юго-западнымъ и Сѣверо-западнымъ [3]; но представляетъ собою цѣ-

2) Подробное *сравнительное разсмотрѣніе Русскаго языка* по примѣтамъ Добровскаго составляетъ вторую главу моего *Критико-Историческаго изслѣдованія о Русскомъ языкѣ* и напечатано въ Журн. Мин. Н. Пр. 1838. № 3. — Въ третьей главѣ сего изслѣдованія разсматривается полногласіе Русскаго языка нѣсколько подробнѣе, чѣмъ здѣсь.

3) Уже *Востоковъ* (1820) замѣтилъ, что Русскій языкъ составляетъ средину между двумя Западными разрядами Словенскихъ языковъ; но оставилъ его въ од-

лую *Восточную половину* всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтствуетъ двумъ разрядамъ *Западно-Словенскимъ* въ ихъ совокупности, и можетъ быть раздѣлена также на два разряда: *Сѣверный* и *Южный*.

Потому Общесловенскій кругъ и въ отношеніи къ языку мы раздѣляемъ на двѣ половины и четыре разряда.

I. ВОСТОЧНО-СЛОВЕНСКАЯ ИЛИ РУССКАЯ ПОЛОВИНА.

1-й разрядъ—*Южнорусскій* или *Юго-восточный*.

1. Языкъ *Южнорусскій*, съ двумя главными видоизмѣненіями — *Украинскимъ* или *Малороссійскимъ* и *Червонорусскимъ*.

2-й разрядъ — *Сѣвернорусскій* или *Сѣверо-восточный*.

2. Языкъ *Великорусскій*, съ 4-мя нарѣчіями — *Верхнерусскимъ*, *Нижнерусскимъ*, *Среднерусскимъ* и *Московскимъ*.

3. Языкъ *Бѣлорусскій* или *Литовско-русскій*.

номъ разрядѣ съ Задунайскими. Въ послѣднее время однако начали отдѣлять Русскій языкъ въ особый третій разрядъ; наприм. *Надеждинъ* — въ статьѣ *Евро-*

II. ЗАПАДНО-СЛОВЕНСКАЯ ПОЛОВИНА.

3-й разрядъ—*Юго-западный* или *Задунайскій*.

4) Языкъ *Церковно-Словенскій* преимущественно предъ всѣми называемый *Словенскимъ* или *Славянскимъ*.

5) Языкъ *Болгарскій*, съ нѣсколькими разностями.

6) Языкъ *Сербскій*, съ нѣсколькими нарѣчіями.

7) Языкъ *Хорватскій*.

8) *Хорутанскій* или *Виндскій*, называемый и *Краинскимъ*, съ двумя нарѣчіями.

4-й разрядъ—*Сѣверо-западный*.

9) Языкъ *Польскій*, съ нѣсколькими нарѣчіями, къ числу которыхъ принадлежалъ и языкъ Поморянъ.

10) Языкъ *Лужицкій* или *Сырбскій*, называемый также *Сорабскимъ* и *Вендскимъ*, съ двумя нарѣчіями: *Верхнелужицкимъ* и *Нижнелужицкимъ*; послѣднее ближе къ Польскому, а первое къ Чешскому.

пеизмъ и народность, см. Телескопъ 1836, № 1; также въ статьѣ *Великая Россія*, см. Энциклоп. Лексик. IX. 1837. Такое отдѣленіе впервыя сдѣлано Чехомъ *Палацкимъ*.

11) Языкъ *Чешскій*, къ которому принадлежитъ и *Моравскій*, какъ нарѣчіе.

12) Языкъ *Словацкій*.

Къ сему же разряду принадлежалъ и языкъ Словенъ Заодерскихъ или Полабскихъ, уже забытый въ своемъ обнѣмечившемся народѣ.

О полногласіи Русскаго языка.

Что касается до общаго отличія Восточно-Словенской или Русской рѣчи отъ Западно-Словенской, то здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманіе — *полногласіе* и происходящая отъ него протяженность Русскихъ словъ, — между тѣмъ какъ языки Западно-Словенскіе вообще любятъ *сокращенность* словъ, происходящую отъ опущенія или заглушенія нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ *среди* коренныхъ согласныхъ.

Полногласныя формы словъ языка Русскаго считаются обыкновенно явленіемъ позднѣйшимъ; а сокращенныя формы тѣхъже словъ, принадлежащія Западно-Словенскимъ языкамъ, считаются древнѣйшими, коренными, слѣдственно и въ Русскомъ

языкѣ первоначальными. Имѣя въ виду полногласіе только Великорусскаго языка, приписываютъ оное — одни вліянію Сѣвернаго климата, другіе — смѣшенію Русскаго языка съ Чудскимъ.[4] Но такое-же, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ[5] еще большее полногласіе принадлежитъ и Южнорусскому языку, — не происходя въ немъ ни отъ вліянія Сѣверной природы, ни отъ смѣшенія съ Чудскою рѣчью, но составляя и въ немъ природное, *исконное* свойство. Ибо въ языкѣ всѣхъ Русскихъ Словенъ полногласныя формы словъ большею частію *древнѣе* и *народнѣе*, чѣмъ сокращенныя формы тѣхъ-же словъ. — Сіе очевидно изъ того, во 1-хъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Русскихъ находятся уже полногласныя, на-

4) Раствореніе Русскихъ словъ гласными звуками приписывалъ вліянію Чудскаго языка Добровскій, чему слѣдуетъ и теперь еще Давыдовъ. Востоковъ, по справедливости опровергая такое мнѣніе, полногласіе Русскаго языка приписываетъ вліянію климата. Надеждинъ также приписываетъ это вліянію Сѣвера.

5) *Для* примѣра приведемъ Южнорусское слово *доло́ня*, въ Верхнерусскомъ нарѣчіи *долонь;* Западными Словенами оно сокращено въ *длань* и *длонь*, а Московскимъ нарѣчіемъ обращено въ *ладонь.* Укажемъ еще на формы словъ употребительныя въ Южнорусскомъ языкѣ: солодкій, борошно (мука́), бервено, мережка, теренъ, деренъ и т. п.

родныя формы словъ; во 2-хъ, что въ сихъ памятникахъ, также въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ, употребительны такія полногласныя формы словъ, которыя почти вышли уже изъ общепринятаго разговорнаго языка и сохраняются еще только въ глуши мѣстныхъ нарѣчій, или-же употребляются и въ общепринятомъ Русскомъ языкѣ, но въ ограниченномъ смыслѣ. Въ 3-хъ, въ нашемъ языкѣ множество производныхъ словъ употребляются только въ полногласной формѣ, слѣдственно предполагаютъ и корень полногласный; ибо есть другія производныя слова, видимо образованныя въ нашемъ языкѣ уже въ послѣдствіи изъ формъ сокращенныхъ, или же принятыя — сначала въ письменный, а потомъ перешедшія и въ народный языкъ Русскій — изъ Западно-Словенскихъ языковъ, преимущественно изъ Церковно-Словенскаго.

Для примѣра укажемъ на слово *прахъ:* это форма Западно-Словенская, по-Польски *прохъ;* народная же Русская форма — *порохъ,* по Московскому и Среднерусскому выговору — *порахъ.* Сія форма и употреб-

лялась у насъ прежде, какъ видно изъ пѣсни Игорю [6] и старинной Украинской пѣсни, и изъ Великорусской поговорки — „какъ *порохъ* въ глазу;“ также изъ производныхъ отъ нея словъ — *порошокъ*, *пороша*, *порошитъ* и проч. Но когда въ нашъ языкъ перешла изъ Церковно-Словенскаго сокращенная форма *прахъ* и замѣнила собою полногласную народную форму *порохъ*, тогда сія послѣдняя ограничилась въ своемъ значеніи и усвоилась только *пороху* огнестрѣльному, который еще въ концѣ XVII-го вѣка назывался у насъ *зеліемъ*. Въ Санскритскомъ языкѣ слово *прахъ* еще полногласнѣе чѣмъ въ Русскомъ — *paraga*. — Такимъ-же образомъ Русское слово *птаха* или *птахъ* первообразнѣе и древнѣе чѣмъ Сѣверо-западное *птакъ*; ибо тамъ-же уменьшительныя и производныя имѣютъ звукъ *ш* отъ *х*, а не *ч* отъ *к*; въ Санскритскомъ языкѣ оно еще полногласнѣе *pataga* или *pataka* [7]. — Собственныя имена

6) Въ пѣсни Игорю: »*пороси*, поля прикрываютъ«. Въ Украинской пѣсни: «Да ўже-жъ його постѣлонька *порохомъ* припала.» По Польской формѣ (прохъ) наше простонародье употребляетъ слово *прошка* — табачный порошекъ.

7) Отсюда же и другая, весьма древняя Русская форма сего слова — нынѣ употребляемая въ Верхнерусскомъ

лицъ въ древнiя времена употреблялись у насъ полногласно; наприм. *Володи*мiръ, *Воло*даръ, *Перед*слава. — Такимъ-же образомъ имена мѣстныя: *Бере*стово — а не Брестово, *Пере*мышль — а не Премышль, *Перея*славль — а не Преславъ, Днѣпровскiе *пороги* — а не праги. Такъ въ отдаленнѣйшiе вѣка рѣки *Прутъ*, *Днѣпръ* — именовались *Пората*, *Данаприсъ*. — Подобно сему и другими примѣрами можно показать, что полногласныя формы словъ въ языкѣ Русскомъ не только народныя, но и древнѣйшiя[8]. Укажемъ еще

нарѣчiи — *потка*, въ уменьшительной формѣ *по́точка* и *птица* (вм. *потица*): потому напримѣръ въ Шестодневѣ Iоанна Экзарха и писалось *пьтица*, — точно по той формѣ, какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора пишется *лъжица* и *лжица* вм. ложица (ложка), — какъ въ Осташковѣ вм. *золовка* говорятъ *золвица*, а по Южнорусски *зовиця*.

8) Такимъ же образомъ можно утвердительно сказать, что слова: хоробрый и хорабрый, володѣти, волость, смородъ, соромъ, морокъ, морочно, морозъ, вологa, ворогъ, шеломъ — не только народнѣе, но и древнѣе въ нашемъ языкѣ, чѣмъ — храбрый, владѣть, власть, смрадъ, срамъ, мракъ, мрачно, мразъ, влага, врагъ, шлемъ — формы, принятыя въ языкъ нашъ изъ Церковно-Словенскаго. Сюда же принадлежатъ предлоги и другiя частицы, употребляемыя съ гласными звуками преимущественно въ языкѣ Русскомъ: *изо*, *возо*, *разо*, *ото*, *пере* и пр. Вмѣсто *для* прежде употребляли *дѣля* (оттуда Богодѣльня.)

на слово *комонь* [9], которое въ древности принадлежало и Русскимъ и Сѣверо-западнымъ Словенамъ; а потомъ замѣнилось сокращенною формою — *конь*.

Находя же, что нѣкоторыя слова, общія Словенскимъ языкамъ и Санскритскому, въ семъ послѣднемъ иногда еще полногласнѣе чѣмъ въ Русскомъ [10], — что языкъ Санскритскій отличается вообще обиліемъ гласныхъ звуковъ, — что и въ Греческомъ языкѣ протяженныя формы словъ древнѣе, чѣмъ сокращенныя, — можемъ принять, кажется безошибочно, что *полногласію* Русскаго языка приличнѣе называться *Восточнымъ* нежели Сѣвернымъ свойствомъ, что оно есть признакъ глубочайшей древности народнаго Русскаго языка и сохранилось въ немъ, какъ перво-

9) Слово *комонь*, постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, теперь уже забыто въ народѣ нашемъ, который вспоминаетъ сіе слово только въ старинныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, напримѣръ:

«Дворъ *комоней* изуставлено;
Сѣни плетей изувѣшано.»

10) Tama — тьма, pata — путь, nasa — нось, vidava — вдова, въ Южнорусскомъ *удова́*; — tschatour — четыре, по-Южнорусски *чотыри*, въ Польскомъ — cztéry; katara — который, по Южнорусски *котрый*, по-Польски — który, по Чешски — ktery; сравни Греческое *ἑκάτερος*.

бытная, исконная и нѣкогда Общесловенская принадлежность рѣчи, утраченная сперва Западно-Словенскими языками, а вслѣдъ за ними убавившаяся и въ народномъ языкѣ Русскомъ, при его новомъ образованіи подъ вліяніемъ языка письменнаго. — Такимъ образомъ не языкъ Русскій представляетъ своимъ полногласіемъ отдаленіе отъ Церковно-Словенскаго; но наоборотъ — языки Западно-Словенскіе сокращеніемъ словъ представляютъ отступленіе отъ Русскаго. Умноженіе же сокращенныхъ формъ въ языкѣ Русскомъ принадлежитъ позднѣйшей порѣ его образованія и составляетъ его новое сближеніе съ Церковно-Словенскимъ и другими Западно-Словенскими языками.[11]

Неизвѣстно когда и отъ чего они усвоили себѣ эту сокращенность словъ; но она доходитъ у нихъ иногда до безгласія. Такъ напримѣръ имя *Грека* сокращено въ *Грка;* имя *Сербовъ,* которое встарину у насъ произносилось полногла-

11) Сообразно полногласію своего языка, Рускіе растворяли иногда гласными звуками слова заимствованныя. Такъ у Нестора читаемъ: *Понотъ* вм. Понтъ, *моромориану* вм. мраморну.

сно — *Серебь* (у Нестора), оттуда *Серебожь, серебщина,* — сокращено въ *Срба* и *Српа*; Русское названіе Кумановъ *Половцѣми* сокращено въ *Плавцовъ*; Греческое слово *монахъ* въ *мниха:* Латинскія слова Vigilia, Missa, въ — *Вилія, мша;* Цесарь — въ *Царь*. Такъ у разныхъ Западныхъ Словенъ обоихъ разрядовъ, вм. *полонъ* или *полнъ* — говорятъ *плн*, вм. волкъ или вовкъ — *влк*, вм. *толкъ*, *столпъ* — *тлк, стлп,* вм. *корча* или *корчь, торгъ, кровь, смерть* — *крч, крв, трг, смрт.* Такія безгласныя, нѣмыя слова нельзя признать первообразными. Одно уже столь частое употребленіе въ древнемъ Словенскомъ правописаніи *ъ* и *ь* въ срединѣ словъ обличаетъ не первоначальное отсутствіе гласныхъ звуковъ, но только заглушеніе или сокращеніе оныхъ до полугласнаго состоянія, которое потомъ могло и совсѣмъ изглаживаться — частію только для письма, частію же и для слуха. Для чего-бы Задунайскимъ Словенамъ въ древнія времена писать, напримѣръ, не просто — *смрть, что, кто, днсь, мнѣ;* но *съмърьть, чъто, къто, дьньсь, мьнѣ,* — еслибъ и въ сихъ словахъ не отзывалось имъ никакого гласнаго звука, — еслибъ и въ

сихъ словахъ ь и ъ не означали собою заглушенныхъ или сокращенныхъ гласныхъ звуковъ *е* и *о*?[12] — Переходомъ къ такому опущенію или заглушенію гласныхъ звуковъ — *коренныхъ*, а не вставочныхъ — былъ разнообразный и перемѣнчивый способъ ихъ произношенія, состоящій то въ замѣнѣ одного звука другимъ, то въ различной мѣрѣ ихъ протяженія, то въ различномъ напряженіи голоса. Отъ того большое представляется разнообразіе въ самомъ заглушеніи гласныхъ звуковъ. — Къ числу Западно-Словенскихъ измѣненій гласныхъ звуковъ принадлежитъ произношеніе нѣкоторыхъ съ прибавкою *носоваго* или Французскаго *n*. Такое употребленіе звуковъ *on*, *en* (*ą*, *ę*) вмѣсто чистыхъ звуковъ *у* и *я*, нѣкогда распространилось было между Словенами обоихъ Западныхъ разрядовъ; но

12) Не говоря о словахъ, гдѣ очевидна замѣна гласныхъ полугласными, я указалъ на слова, требующія изъясненія. а) Вм. *дьньсь* дѣйствительно у насъ въ древности писали иногда *денсь* (т. е. день сей), у Иллирцевъ *данась*; по той же формѣ въ Великорусскомъ народномъ языкѣ употребляются нарѣчія—почесь, зимось, осенесь, лонись. б) Слово *съмьрть*, видимо составленное изъ *се-мереть*, съ такимъ полногласіемъ осталось въ Верхнерусскомъ нарѣчіи въ уменьшенной формѣ — *семерётка*, *семерёточка*; а въ Глаголитскихъ рукописяхъ встрѣчается *семерт*. в) Вм. *мьнѣ*, гдѣ явнымъ образомъ опущено *е*, Южные Руссы говорятъ *менѣ*. г) Слово *чьто* составлено изъ кореннаго

удержалось только у Поляковъ, да и у нихъ уже, въ образованнѣйшемъ выговорѣ, носовой *н* въ концѣ словъ исключается. Многія Словенскія слова съ такимъ произношеніемъ сохраняются еще въ языкѣ Румынскомъ (Волошскомъ) и Мадьярскомъ (Венгерскомъ). Въ Русскомъ языкѣ не было и нѣтъ такого произношенія; и появленіе онаго у Западныхъ Словенъ, по всей вѣроятности, было пришлое отъ иноплеменныхъ языковъ Европейскихъ.

Отношеніе Русскаго языка къ Западно-Словенскимъ.

Предложенное мною изслѣдованіе о полногласіи Русскаго языка Сѣвернаго и Южнаго даетъ поводъ заключить, что право старшинства скорѣе можно усвоить Ве-

чо, съ прибавкою отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ частицы *то*, вмѣсто которой въ Южнорусскомъ и Верхнерусскомъ прибавляется впереди *сь* (сокращ. *се*— см. гл. V, пр. 16.), и такимъ образомъ говорится *сь-чо* или *счо*. Словаки и отчасти Галицкіе Руссы понынѣ вм. *что* говорятъ *чо*; Поляки и Чехи измѣнили сію частицу въ *цо*, удерживая въ косвенныхъ падежахъ звукъ *ч*; но въ Рязанской разности Среднерусскаго нарѣчія звукъ *ц* выдержанъ постоянно — *цо*, *цего*, *цему*; по Бѣлорусски также *цаго*, *цаму*. д) Такимъ же образомъ составилось и слово *къто* изъ кореннаго *ко* (откуда *кой*) и частицы *то*, отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ; Иллирцы прибав-

ликорусскому и Южнорусскому, чѣмъ языкамъ Задунайскимъ, такъ какъ и самое образованіе народовъ Словенскихъ за Дунаемъ гораздо моложе, чѣмъ осѣдлая самобытность Словенъ на землѣ Русской, бывшей разсадникомъ Словенъ для Южной Европы.

По крайней мѣрѣ это гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ производство Русскаго языка отъ Церковно-Словенскаго, чѣмъ родоначальство и старшинство сего послѣдняго въ Общесловенскомъ кругу. Всѣ извѣстные языки сего круга, нося на себѣ печать общаго происхожденія, составляютъ семейство родныхъ языковъ, какъ вѣтви отъ одного корня произросшія, и представляютъ собою только видоизмѣненія одного родоваго языка, по имени коего всѣ они называются *Словенскими* или *Славянскими*.

Языкъ образуется и живетъ вмѣстѣ съ народомъ. И если расплемененіе родо-

ляютъ ее, впереди, сократя въ *тъ*, и говорятъ *тко*. Полногласное употребленіе слова *кто* было у Словенъ Заодерскихъ, какъ видно изъ Люнебургской пѣсни: «*като* нинька бейтъ» (т. е. кто невѣста будетъ); существуетъ и теперь въ словѣ *кото*рый, по Польски któгу; сравни Эолійское *κοτος*.

начальныхъ Словенъ на многія отросли принадлежитъ глубокой древности; то безъ сомнѣнія и коренной, родовой языкъ Словенскій разошелся во многія вѣтви или виды задолго еще до IX-го вѣка. Племенная жизнь Словенская, развиваясь болѣе или менѣе особенно въ каждой отросли, отдалялась отъ своего первообраза и становилась различною. Съ тѣмъ вмѣстѣ и доставшійся каждой отросли наслѣдственный запасъ родоваго языка развивался въ каждомъ поколѣніи болѣе или менѣе *особенно:* то образуя изъ собственныхъ стихій и по собственнымъ ихъ законамъ новыя слова и обороты, для выраженія разныхъ понятій, чувствъ и предметовъ внѣшнихъ; то принимая отъ соплеменныхъ языковъ ихъ особенности и пріобрѣтенія; то заимствуя стихіи иноплеменныя, — смотря потому съ кѣмъ и въ какую пору своей жизни тотъ народъ сообщался и какое отъ кого могъ получать вліяніе на свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Такимъ образомъ *родовой* языкъ постепенно разнообразился и обращался во многія особыя *разности* и *виды*, въ которыхъ удѣльное родовое достояніе, составляя главную о-

снову, измѣнялось и умножалось новыми приращеніями. —

Происхожденіе первоначальныхъ разностей и видовъ Словенскаго языка, изъ которыхъ образовались нынѣшніе его виды, принадлежитъ *древнѣйшему* времени, котораго почти невозможно опредѣлить исторически, такъ же, какъ и подробная непрерывная родословная одноплеменныхъ народовъ, есть задача неразрѣшенная для Исторіи. Ибо коренныя племена Исторія застаетъ уже раздѣленными, и первоначальное ихъ расплемененіе представляетъ большею частію только въ общихъ чертахъ, и свое знаніе объ нихъ по-неволѣ дополняетъ гаданіями. —

Такимъ образомъ, кажется, ни одинъ изъ извѣстныхъ Словенскихъ языковъ нельзя признать родоначальнымъ для прочихъ; ибо всѣ они отошли уже отъ Перво-Словенскаго — одни въ одномъ, другіе въ другомъ, одни болѣе, другіе менѣе. Первобытный Словенскій языкъ остался не въ одномъ какомъ - либо изъ нихъ, но существуетъ во всѣхъ ихъ — своими первобытными свойствами, въ нихъ разсѣян-

ными и перемѣшанными — такъ, что кромѣ словъ, оборотовъ и свойствъ общихъ всѣмъ имъ, родовыхъ, въ каждомъ изъ нихъ уцѣлѣло еще что-нибудь такое отъ родоваго языка, чего не досталось или не сохранилось въ другихъ.

Коренной, Первословенскій языкъ, — или лучше сказать первоначальныя, родовыя свойства языковъ Словенскихъ, — познаются и извлекаются только посредствомъ совокупнаго и сравнительнаго познанія всѣхъ ихъ, отъ котораго зависитъ также и дальнѣйшее всѣхъ ихъ обогащеніе или *восполненіе*. Въ семъ отношеніи языкъ Русскихъ Словенъ долженъ занять первое мѣсто, какъ языкъ наиболѣе сохранившій коренныхъ первообразныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. — Южнорусскій языкъ, вслѣдствіе средоточнаго положенія народа своего между народами Словенскими, составляетъ — мнѣ кажется — общій узелъ соединенія всѣхъ языковъ Словенскихъ.[13] Посредствомъ него всѣ

13) Потому одни считаютъ его нарѣчіемъ *Русскаго* языка, но наиболѣе отъ него уклонившимся; другіе сближаютъ его съ Сѣверо-западнымъ разрядомъ и даже считаютъ нарѣчіемъ языка *Польскаго;* нѣкоторые же полагаютъ, что онъ близокъ съ языками Словенъ Задунайскихъ болѣе, чѣмъ Великорусскій.

Западно-Словенскіе языки примыкаютъ къ *Великорусскому* — сему представителю *Русской* рѣчи, который по всей справедливости теперь почитается главнымъ и въ цѣломъ кругу Общесловенскомъ. —

ГЛАВА VII.

О ЯЗЫКѢ ЦЕРКОВНО-СЛОВЕНСКОМЪ И ЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЯХЪ.

Прежде всѣхъ Словенскихъ языковъ книжное образованіе получилъ языкъ собственно-*Словенскимъ* или *Церковно-Словенскимъ* называемый, при переводѣ на него Священнаго Писанія и Богослужебныхъ Книгъ. Съ распространеніемъ Богослуженія на семъ языкѣ, онъ содѣлался и у насъ языкомъ церковнымъ и книжнымъ, и чрезъ то болѣе всѣхъ имѣлъ вліяніе на языкъ Русскій — не только *письменный*, который и развился изъ него, но и на языкъ *народный*. Потому въ Исторіи Русской Словесности онъ имѣетъ почти такую же значительность, какъ и нашъ собственный.

Но прежде, чѣмъ опредѣлимъ его происхожденіе, воспомянемъ о тѣхъ мужахъ, коимъ принадлежитъ его письменное образованіе и составленіе особой, ему свойственной Словенской азбуки.

О Кириллѣ и Меѳодіѣ.

Переводъ Священнаго Писанія съ Греческаго языка на Словенскій принадлежитъ къ Апостольскимъ подвигамъ двухъ братьевъ — *Константина Философа*, въ схимѣ нареченнаго *Кирилломъ*, и *Меѳодія*. Блаженные мужи сіи, во второй половинѣ IX вѣка ознаменовали свою жизнь великими подвигами распространенія Христовой Вѣры, особливо между народами Словенскими, и по справедливости почтены именемъ *Учителей Словенскихъ*. — Они были уроженцы Македонскаго города Солуня, гдѣ и провели свою первую молодость [1]. Меѳодій слу-

1) Подробностей о первой половинѣ жизни Кирилла и Меѳодія, до ихъ учительства въ Болгаріи, болѣе всего находится въ Четь-Минеѣ Св. Димитрія; они (какъ тамъ же показано) взяты сокращенно изъ харатейныхъ Миней. Неизвѣстны намъ сіи источники; но Добровскій напрасно отвергалъ свѣдѣнія, изъ нихъ почерпнутыя. — По симъ свѣдѣніямъ Меѳодій былъ старшій братъ; отецъ ихъ, по имени *Левъ*, былъ знатнаго рода и имѣлъ санъ Сотника. По нѣкоторымъ Греческимъ извѣстіямъ онъ былъ Грекъ.

жилъ сначала въ военной службѣ; потомъ постригся въ монахи на горѣ Олимпійской. Констанпинъ-же отъ юности своей ,,воспитанъ былъ въ ученіи книжномъ и въ исканіи любомудрія". Окончательное образованіе свое получилъ онъ, вмѣстѣ съ Царемъ Михаиломъ, при Дворѣ Царьгородскомъ. Оттуда удалясь на *Узкое* или Мраморное море, онъ постригся тамъ въ монахи, и по возвращеніи въ Царьгородъ былъ библіотекаремъ при Софійскомъ Соборѣ. Царь Михаилъ, такъ много ревновавшій о распространеніи Христовой Вѣры, для проповѣданія оной посылалъ Константина къ Сарацынамъ на Ефратъ; послѣ того Константинъ и Меѳодій были посыланы въ Крымъ, для обращенія Козаровъ.

Въ 855-мъ году Константинъ составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ въ Царѣгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семъ языкѣ ученіе и служеніе Христовой Вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меѳодію принадлежитъ обращеніе въ Христіанство Болгарскаго Царя Бориса и его

Бояръ, свершенное 861-го года, посредствомъ картины Страшнаго Суда [2].

Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кириллъ и Меѳодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкѣ Словенскомъ. По сему поводу они вызваны были 867-го года въ Римъ Папою Николаемъ, и прибыли туда въ концѣ того же года, уже при Папѣ Адріанѣ, который принялъ ихъ съ великою честію, благословилъ труды ихъ и утвердилъ Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, на которомъ Святые Учители наши и совершали Литургію посреди Рима.

Константинъ, отказавшись отъ Епископства, принялъ схиму съ именемъ *Ки-*

2) Изслѣдованіе о дальнѣйшей жизни и подвигахъ Кирилла и Меѳодія, основанное преимущественно на Латинскихъ Буллахъ и Легендахъ и на Греческомъ жизнеописаніи Св. Климента, — Добровскій издалъ въ особомъ сочиненіи, которое на Русскомъ языкѣ, съ разными прибавленіями, издалъ Погодинъ, подъ именемъ *Кириллъ и Меѳодій*. М. 1825 г. — Подвиги Словенскихъ Учителей въ Болгаріи и Моравіи переслѣдованы вновь Шафарикомъ, въ его сочиненіи — *Старожитности Словенскія*, въ главахъ о Словенахъ Болгарскихъ и Моравскихъ. —

рилла, и чрезъ 40 или 50 дней скончался 868 года въ Римѣ, и погребенъ въ церкви Св. Климента, гдѣ положена и часть мощей сего Святаго Папы, принесенная въ Римъ Константиномъ [3].

Меѳодій, тогда же поставленный отъ Папы Адріана Архіепископомъ Моравскимъ и Паннонскимъ, возвратился въ Моравію. Тамъ онъ доканчивалъ переводъ Библіи, и съ помощію сподвижниковъ своихъ [4] распространялъ крещеніе у разныхъ Словенскихъ народовъ, охраняя твердо и успѣшно Богослуженіе Словенское отъ противодѣйствія Священниковъ Нѣмецкихъ.

3) Константинъ представилъ въ даръ Адріану часть своей драгоцѣнной Корсунской находки — мощей Св. Климента Папы Римскаго, замученнаго 102 г. въ Корсунѣ. Тамъ и оставлена была Константиномъ глава Климентова, перенесенная уже Св. Владиміромъ въ Кіевъ и хранившаяся въ Десятинной Церкви. Сею главою Соборъ Русскихъ Епископовъ, въ 1147 г. посвятилъ Клима Смолятича въ Митрополиты Кіевскіе, по примѣру тому, какъ Восточные Патріархи посвящаемы были рукою мощей Св. Іоанна Крестителя.

4) Главнѣйшими сподвижниками Меѳодія были *Климентъ, Горараздъ, Наумъ, Ангеляръ, Савва*. Нѣкоторые изъ нихъ безъ сомнѣнія были участниками и въ переводѣ Библіи.

Скончался около 885 года[5], въ Моравской столицѣ Велеградѣ или Градицѣ, на рѣкѣ Моравѣ, гдѣ и погребенъ въ церкви Св. Богородицы.

Память сихъ Преподобныхъ мужей, наша Православная Церковь празднуетъ 11-го Мая. —

О Церковно-Словенскомъ языкѣ.

И такъ письменное образованіе Церковно-Словенскаго языка было предпринято Святыми мужами для выраженія на немъ Слова Божія и для Богослуженія Христіанскаго. Потому предпріятіе сіе совершилось и распространилось подъ особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ. — О началѣ великаго дѣла сего Св. Димитрій Ростовскій повѣствуетъ слѣдующее[6]. „Онъ же (Кон-

5) Сопротивленіе и происки Нѣмецкаго Духовенства были причиною разныхъ гоненій на Меѳодія, его учениковъ, и на Богослуженіе Словенское; для оправданія онаго Меѳодій въ 879 году и былъ вызываемъ въ Римъ Папою Іоанномъ VIII, который призналъ Меѳодія справедливымъ и вновь подтвердилъ дозволеніе Словенскаго Богослуженія. См. примѣч.

6) Въ Четь-Минеѣ. Сходно съ симъ и Греческій жизнеописатель Св. Климента Епископа Болгарскаго говоритъ о началѣ труда Кириллова. „Поелику народъ *Словен-*

стантинъ) первѣе постися четыредесять дней, и споспѣшествующей ему благодати Святаго Духа, изобрѣте азбуку Славенскую, имущую въ себѣ тридесять и осмь письменъ, во еже бы преложити книги Греческія на языкъ Славенскій, въ чесомъ съ помощію Божіею помогаше ему и блаженный Меѳодій; и въ началѣ прелагати начаша Святое Евангеліе отъ Іоанна: Въ началѣ бѣ Слово, и прочая. И показаша то Царю и Патріарху и всему Собору, и вси о томъ съ радостію прославиша Бога."

Въ самомъ Первосвященникѣ Римскомъ находило защиту Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, когда Нѣмецкіе Епископы и Священники начали преслѣдовать и хулить оное — „глаголюще: яко не достоитъ никоторому языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по

скій или *Болгарскій* не понималъ писанія, на Греческомъ языкѣ предложеннаго, то Святые (Константинъ и Меѳодій) почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова происходитъ, ниспослать имъ способность къ изобрѣтенію письменъ, соотвѣтственныхъ грубости *языка Болгарскаго;* молитва ихъ была услышана и они изобрѣли *Словенскія буквы*, перевели Богомъ дарованныя писанія съ Греческаго языка на Болгарскій."

Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ Папежь Римьский (Іоаннъ VIII) похули тѣхъ, иже ропьщуть на Книги Словѣньския, река: да ся исполнить Книжное слово, *яко въсхвалять Бога вси языци;* другое же: *вси въвъглаголють языки величья Божья, яко же дасть имъ Святый Духъ отвѣщевати.* Да аще хто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ Церкве, дондеже ся исправять" [7].

Но особенную, священную важность Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ для народовъ Словенскихъ, какъ Богослужебный и вмѣстѣ *соплеменный* ихъ языкъ, на которомъ распространялась Православная Вѣра, не только у всѣхъ Задунайскихъ, Моравскихъ и Русскихъ Словенъ, но так-

7) Такъ повѣствуетъ Несторъ въ своей Лѣтописи; и это совершенно согласно съ подлинными словами Папы Іоанна VIII въ его посланіи къ Князю Святополку (880 г.) «Litteras denique Sclavonicas, a Constantino quodam Philosopho repertas, quibus Deo laudes debitæ resonent, jure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri præconia et opera ut enarrentur jubemus. Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare, auctoritate sacra monemur, quæ præcipit dicens: laudate Dominum omnes gentes . . . » и т. д.

же у Чеховъ и Поляковъ [8], — на которомъ Христіанское Богослуженіе доступно было разумѣнію и простаго народа. „Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ,“ — говоритъ Преподобный Несторъ. —

Изъ какого-же именно Словенскаго нарѣчія Кириллъ и Меѳодій образовали Богослужебный языкъ нашъ, на которомъ Слово Божіе отозвалось съ такою величественною простотою, силою и красотою?

Вопросъ сей рѣшаютъ различно. — Калайдовичъ назвалъ [9] его языкомъ *Моравскимъ* и доказывалъ, что сей Моравскій

8) Чешскій Князь *Буривой* принялъ крещеніе отъ Меѳодія въ Моравской столицѣ Велеградѣ, 871 года; послѣ того и въ народѣ распространилось Словенское Богослуженіе; хотя еще въ 845 г. введено было Нѣмцами Латинское Богослуженіе у Чеховъ. Но Поляки — по словамъ Хроники Пѣсецкаго — „не хотѣли принимать Христіанской Вѣры отъ Нѣмцевъ и приняли ее сперва отъ Восточныхъ Грековъ Кирилла и Меѳодія.“ — Изъ Нарушевича и другихъ извѣстно, что въ Краковѣ еще въ началѣ X вѣка (слѣдственно прежде крещенія Мечиславова, 965 г.) была Христіанская церковь, и служба отправлялась на языкѣ Словенскомъ, что продолжалось еще и въ исходѣ XV вѣка, во время Длугоша (ум. 1480).

9) Въ *Іоан. Екз. Болг.* стр. 8, 67 – Тоже въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл.* 1822.

языкъ есть тотъ древній или коренной, который нѣкогда, и даже еще въ половинѣ IX-го вѣка, былъ однимъ *общимъ* языкомъ у Моравовъ, Болгаръ, Русскихъ и другихъ соплеменныхъ народовъ и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ Русскаго. Утвержденіе свое Калайдовичъ основывалъ на Несторовой Лѣтописи, особливо на словахъ ея: „Словѣнескъ языкъ и Русскій едино есть,“ и говорилъ, что Несторъ называетъ Словенскій и Русскій языкъ однимъ и тѣмъ-же справедливо. — На томъ же основаніи и Давыдовъ[10] говоритъ, что Священное Писаніе переведено на *древній Русскій* языкъ, что сей языкъ у Нестора зовется безъ различія Словенскимъ и Русскимъ, и что отъ него произошелъ нынѣшній языкъ Руси Южной и Сѣверной.

Но у Нестора не говорится, чтобы Русскій языкъ не рознился отъ Церковно-Словенскаго въ IX-мъ вѣкѣ; у него даже не названъ и по имени *Русскій языкъ*, какъ рѣчь; а въ вышеприведенныхъ сло-

10) Въ лекціи о древней Русской Словесности (см. Учен. Запис. Моск. Унив. 1834 г. № 8).

вахъ его: „Словѣнескъ и Русскій языкъ едино есть" подъ именемъ языка разумѣется не рѣчь, а родъ или племя. Въ томъ мѣстѣ, откуда взяты слова сіи, Несторъ доказываетъ наше однородство съ древнѣйшими Дунайскими Словенами, наше — если угодно — безразличіе съ ними въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда Апостолъ Павелъ былъ въ Иллирикѣ, — и говоритъ, что мы, хотя зовемся Русью и назывались Полянами, но сперва были Словенами и у насъ „Словѣньска рѣчь бѣ." Болѣе сего уже не говоритъ Несторъ объ Русскомъ языкѣ, какъ рѣчи. Въ такомъ-же общемъ, родовомъ смыслѣ у него полагается и названіе Словенской грамоты, по имени Словенъ родоначальныхъ: „тако разидеся Словѣньскій языкъ: тѣмже и грамота прозвася Словѣньская." Изъ Несторовой Лѣтописи нельзя извлечь ничего *частнаго* ни о Русскомъ, ни о Церковно-Словенскомъ языкахъ; ибо Несторъ упоминаетъ объ нихъ почти мимоходомъ и какъ-бы для того только, чтобы назвать ихъ *Словенскими*, въ томъ племенномъ смыслѣ, въ какомъ и теперь каждый одноплеменный намъ народъ называетъ и себя и языкъ свой — *Словенскимъ*. Такимъ-же

образомъ не слѣдуетъ изъ Нестора, что-бы коренной Словенскій языкъ былъ нераздѣльнымъ еще и въ IX вѣкѣ. Примѣняясь къ основной Несторовой мысли о расплемененіи *единаго Словенскаго языка* или рода на многіе народы, скорѣе можно выводить изъ нея противоположное заключеніе и допускать раздѣленіе *единой Словенской рѣчи* на разныя нарѣчія уже въ глубокой древности. —

Правда, что языкъ Церковно-Словенскій со второй половины IX вѣка вошелъ было въ общее употребленіе почти у всѣхъ народовъ Словенскихъ. Но это употребленіе было у нихъ *книжное*, какъ языка *Богослужебнаго*, который обыкновенно становится дѣловымъ и вообще письменнымъ языкомъ. Чрезъ такое употребленіе Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ различной степени вліяніе на большую часть прочихъ Словенскихъ языковъ и произвелъ въ нихъ новое обобщеніе, котораго не должно смѣшивать съ ихъ первоначальною, родовою близостью. И такъ Церковно-Словенскій языкъ только по книжному или письменному употребленію можетъ считаться *Общесловенскимъ*, и въ

семъ отношеніи онъ можетъ называться столько же — *древнимъ Русскимъ*, сколько и *древнимъ Сербскимъ*, *древнимъ Моравскимъ*, *древнимъ Паннонскимъ*[11]. — Только потому, что сей языкъ прежде всѣхъ Словенскихъ получилъ книжное образованіе, онъ можетъ называться *Старо-Словенскимъ*. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, что бы онъ былъ памятникомъ древнѣйшихъ, коренныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. Ибо онъ представляетъ собою древнія (IX-го вѣка) свойства только того языка, на который переведены Богослужебныя книги, но который — по своему образованію въ народѣ — могъ быть и — кажется — дѣйствительно былъ новѣе нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ. Своимъ вліяніемъ на нихъ онъ придалъ имъ нѣсколько своихъ принадлежностей, которыхъ они не имѣли прежде и которыя изъ книжнаго употребленія болѣе или менѣе переходили постепенно въ употребленіе народное.

11) Копитаръ, въ сочиненіи своемъ Glagolita, 1836 г., старается доказать, что Церковно-Словенскій языкъ есть *древній Паннонскій*, отъ котораго — по его мнѣнію — произошелъ и къ нему ближе всѣхъ нынѣшній языкъ Хорутанскій.

Изъ него развился книжный или письменный языкъ Русскій, такъ же какъ и книжный Сербскій. Но онъ отличенъ отъ народнаго Русскаго языка; отличенъ и отъ народнаго языка Моравскаго или Чешскаго; также отъ языковъ Сербскаго, Хорутанскаго и даже отъ народнаго Болгарскаго. Потому въ Общесловенскомъ кругу онъ можетъ считаться особымъ языкомъ, который — и по своему происхожденію, и по своимъ признакамъ — принадлежитъ къ разряду Юго-западному или Задунайскому. —

У какихъ же именно Задунайскихъ Словенъ онъ былъ языкомъ народнымъ?

Многіе изъ нашихъ писателей — напримѣръ Каченовскій, Гречь, Полевой — принимаютъ, что это *древній Сербскій языкъ*, какъ полагалъ сначала Добровскій, по именитости коего и распространилось сіе мнѣніе. Но уже выше замѣчено, что названіе древняго Сербскаго, столько же идетъ къ сему языку, какъ и названіе древняго Русскаго. Языкъ Сербскій въ древнѣйшихъ памятникахъ своихъ уже представляется различнымъ отъ Церков-

но-Словенскаго, такъ что (по словамъ Востокова) трудно повѣрить непосредственному происхожденію Сербскаго языка отъ Церковно-Словенскаго.

Что касается до Македонскаго города Солуня, — изъ коего родомъ были Кириллъ и Меѳодій, и будто отъ жившихъ тамъ Сербовъ заимствовали ихъ языкъ для перевода Богослужебныхъ книгъ [12], — то съ такимъ-же правомъ Шлецеръ доказывалъ, что языкъ Кирилловскій могъ быть заимствованъ отъ Солунскихъ Болгаръ и былъ *языкъ Болгарскій* [13]. Вспомнимъ еще, что и самъ Добровскій оставилъ

12) На семъ основаніи тожество Сербскаго языка съ Церковно-Словенскимъ доказывалъ Каченовскій, въ своемъ Разсужденіи *о Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ* (см. Труды Общ. Люб. Рос. Слов. Ч. VII. 1817). Еще прежде Добровскаго Церковный языкъ считали Сербскимъ — Рагузинецъ *Дольчи* (1754 г.) и *Мѣховита*.

13) См. его сочиненіе *Несторъ*, Ч. II. — Еще прежде Шлецера такъ думалъ Христоф. *Іорданъ*, полагавшій, что Кириллъ научился Болгарскому языку въ Царѣгородѣ. — Въ Четь-Минеѣ говорится, что Козарскому языку Кириллъ изучился *добрѣ* въ Корсунѣ или Херсонѣ, приготовляясь къ обращенію въ Христіанство Козаровъ: „бесѣдоваху же Козари языкомъ Славенскимъ". (Въ находящемся тамъ же примѣчаніи о *Козарахъ*, Св. Димитрій называетъ ихъ народомъ Скиѳскимъ, *языка Славенскаго или Россійскаго*.)

прежнее свое мнѣніе и призналъ Церковно-Словенскій языкъ за *древнее, еще несмѣшанное Сербо-Болгаро-Македонское нарѣчіе*.

Обращаясь къ тому мнѣнію, что Богослужебныя книги переведены на *языкъ Болгарскій*, замѣтимъ, что сіе мнѣніе, принимаемое теперь Востоковымъ, Шафарикомъ и другими [14], гораздо древнѣе, чѣмъ всѣ вышеприведенныя. Ибо, кромѣ собственнаго и древнѣйшаго названія сего языка „*Словѣньскимъ*" [15], его и встарину еще

14) Такое мнѣніе Востокова сказано въ *Собр. Словен. памятник.* издан. Кеппеномъ, 1827, стр. 27.—Того-же мнѣнія былъ и Митрополитъ *Евгеній*, какъ извѣстно мнѣ изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ.—*Венелинъ* Церковно-Словенскій языкъ считаетъ природнымъ *Болгарскимъ*; ибо онъ и Дунайскихъ и Волжскихъ Болгаръ, равно Аваровъ, Козаровъ и даже Гунновъ, признаетъ за нашихъ соплеменниковъ (См. его *Древніе и нынѣшн. Болгаре*, 1829 г.).—То-же мнѣніе о Церковно-Словенскомъ языкѣ принимаетъ *Новицкій* (въ *Разсужд.* о первонач. перев. Свящ. Пис. на Слав. языкъ. 1836),—полагая въ основу этого мнѣнія слова Четь-Минеи (см. примѣч. 13).—

15) Въ древнее время, какъ видно изъ рукописей Болгарскихъ, Русскихъ и Сербскихъ, сіе слово писали съ буквою *ѣ*: *Словѣне*, *Словѣнинъ*, *Словѣньскій*; но по различному выговору буквы *ѣ*, безъ сомнѣнія и самое слово произносили различно: *Словины* — по выговору Южнорусскому, Македонскому, Иллирскому и отчасти Хорутанскому; *Словены* и *Славены* — по выго-

называли — *Болгарскимъ*. Такъ именуетъ его Греческій жизнеописатель Болгарскаго Архіепископа Климента; подобно тому, какъ Градищенскій монахъ XII-го вѣка называетъ *Болгарскими* письмена Кирилловскія. Въ Переяславскомъ Евангеліи [16] XVI-го вѣка также говорится, что оно переведено „изъ языка *Българскаго* на мовоу Роускоую“. —

Останавливаясь на семъ древнѣйшемъ мнѣніи, и на томъ общепринятомъ мнѣніи, что родина Кирилла и Меѳодія была родиною и Церковно-Словенскаго языка, мы — послѣдуя Шафарику — сей языкъ почитаемъ народнымъ языкомъ собственно такъ называемыхъ *Словенъ* Македонскихъ, по имени коихъ не только Сѣверная Македонія (гдѣ въ IX-мъ вѣкѣ главнымъ торговымъ городомъ былъ Солунь), но и Ми-

вору Сербскому, Бѣлорусскому, Великорусскому, и т. д. Въ слѣдствіе разнообразнаго выговора, измѣнили потомъ сіе слово и на письмѣ: въ среднія времена писали *Словене*; а въ XVII-мъ вѣкѣ начали уже писать *Славене* и *Славяне*.

16) Въ Переяславскомъ монастырѣ хранится харатейное Евангеліе, переведенное въ Галиціи, на *Западно-Русскій* письменный языкъ (изъ соединенія Южнорусскаго съ Церковнословенскимъ состоящій), и списанное 1556-61 г. «Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ Протопопы Заноцкаго.»

зія называлась *Словиніей,* а у Грековъ *Склавиніей.* Въ послѣдствіи, — когда покорена была Болгарами Мизія въ 678 году, потомъ въ 861 году и Македонія и Фракійское *Загорье,* — именемъ Болгаръ покрылось прежнее, собственное имя Словенъ, какъ у насъ имя Руссовъ простерлось на всѣ Восточно - Словенскія отросли. Потому-то оба имена, и *Словенское* и *Болгарское,* нерѣдко встрѣчаются за-одно и вмѣстѣ; напримѣръ, въ рукописномъ Словарѣ Кирилла Александрійскаго — „Склавинія, т. е. Булгарія;“ въ жизнеописаніи Св. Климента — „народъ Словенскій или Болгарскій — языкъ Болгарскій — письмена Словенскія“ [6].

И такъ названіе нашего Церковнаго языка и письменъ *Словенскими,* есть собственное, народное и безъ сомнѣнія первоначальное, самимъ Кирилломъ данное, по имени своихъ ближнихъ *Словенъ* Македонскихъ. Но *Болгарскимъ* сей языкъ назвался уже по имени Болгаріи, гдѣ произошло первоначальное распространеніе сего языка, гдѣ скоро процвѣла на немъ довольно богатая духовная Словесность, прежде чѣмъ у другихъ народовъ Словен-

скихъ, и откуда перешла къ нимъ Словенская грамота и распространились многія книги на семъ языкѣ. —

У каждаго Словенскаго народа языкъ сей, входя въ Богослужебное и письменное употребленіе, легко могъ приняться и усвоиться, какъ языкъ соплеменный, и потомъ считаться *своимъ*, особенно въ Духовенствѣ. Потому-то и у насъ встарину иногда писали, что Константинъ „Греческую грамоту въ Русскую преложи“. Но по первенству его письменнаго употребленія и процвѣтанія у народа Болгарскаго, онъ можетъ называться *Старо-Болгарскимъ* съ бо́льшимъ правомъ, нежели древнимъ Сербскимъ или древнимъ Русскимъ; и Болгарскому Экзарху Іоанну всего ближе было называть его „*своимъ*“, — хотя онъ вообще называетъ его „Словѣньскимъ.“

Что въ основѣ языка сего была стихія чисто-Словенская, однородная, это не подлежитъ сомнѣнію. Но при переводѣ Богослужебныхъ книгъ съ Греческаго, Словенскій языкъ неизбѣжно принималъ *Греческія формы,* не только въ устроеніи цѣлой рѣчи или словосочиненіи, но и въ

составленіи отдѣльныхъ словъ самими переводчиками; многія Греческія слова вносимы были подлинникомъ. Потому древняя Словенская рѣчь невполнѣ является здѣсь въ собственномъ видѣ; но уже измѣненная и преображенная, преимущественно по *языку Греческому*[17]. Могло статься и то, что еще въ первоначальный переводъ Библіи и Богослужебныхъ книгъ, вошли нѣкоторыя заимствованія отъ Словенъ собственно Болгарскихъ, а потомъ и отъ Моравскихъ. При всемъ томъ языкъ *Кирилловскій* имѣетъ въ основѣ своей всю однородность живой рѣчи и не представляется такимъ искусственно-составнымъ, какъ напримѣръ Италіанскій языкъ Дантовъ. —

Разные Словенскіе народы, принявъ и усвоивъ себѣ Церковно-Словенскій языкъ, болѣе или менѣе измѣняли его, по языку своенародному. Такимъ образомъ, въ

17) Потому-то *Полевой,* хотя и принимаетъ Сербское нарѣчіе за основаніе Церковно-Словенскаго языка; но вмѣстѣ съ тѣмъ почитаетъ сей языкъ особымъ *книжнымъ* языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Словенъ не принадлежащимъ (см. Ист. Р. Нар. Т. I. приб. 6., и въ Труд. Общ. Л. Р. С. Ч. IV. 1824).

продолженіе столѣтій, онъ постепенно разнообразился и отходилъ отъ своего первоначальнаго вида [18]. — Его употребленіе и развитіе сначала было въ Болгаріи, потому и его первоначальное измѣненіе вѣроятно было по языку Болгарскому. Но въ послѣдствіи наибольшее распространеніе, а вмѣстѣ и измѣненіе, онъ получилъ въ Россіи, сдѣлавшись какъ-бы собственностію нашего народа. И наши Сѣверные переписчики Церковныхъ книгъ въ среднія времена даже оговаривались, что въ оныя книги „многи пословицы привходили Новгородскіе" [19]. Между тѣмъ Новгородскимъ-же переписчикамъ обязаны Словены за сохраненіе древнѣйшаго изъ извѣстныхъ памятниковъ Словенскаго языка и письма, по которому судить можно и о древнѣйшемъ видѣ языка сего: это *Евангеліе Остромирово*, списанное 1056—57 г.

18) Востоковъ, слѣдуя за постепеннымъ ходомъ и измѣненіемъ сего языка, раздѣлилъ его 1-е) на *древній*, заключающійся въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе; 2-е) *средній* XV и XVI столѣтій; 3-е) *новый* языкъ печатныхъ Церковныхъ книгъ (см. его *Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ*, въ Труд. Общ. Л. Р. С. Ч. XVII. 1820. Тамъ разобраны и главнѣйшія особенности языка древняго).

19) Такая оговорка находится въ Новгородскомъ Евангеліи, списанномъ 1506 г.

Объ Іоаннѣ Экзархѣ и другихъ древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ.—Начало Словенской Грамматики.

Письменное употребленіе Словенскаго языка въ Россіи мы разсмотримъ особо, въ слѣдующей главѣ; а здѣсь упомянемъ еще о древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ, писавшихъ на семъ языкѣ въ концѣ IX-го и первой половинѣ X-го вѣка.

Симеонъ, воинственный и ученый Болгарскій Царь (890—927), сынъ Бориса, прозванный *Книголюбцемъ.* Онъ переводилъ самъ съ Греческаго на Словенскій, и побуждалъ къ тому же другихъ, напримѣръ Епископа *Константина,* ученика Меѳодіева (806), и монаха *Григорія.*

Болгарскій Епископъ *Климентъ*, ученикъ и сподвижникъ Кирилла и Меѳодія, написавшій нѣкоторыя Словенскія книги, по возвращеніи своемъ въ Македонію; скончался 916 г.

Но особенное вниманіе на себя обращаетъ *Іоаннъ* Пресвитеръ Экзархъ Болгарскій, современникъ Царя Симеона. Сей

ученый мужъ перевелъ изъ Дамаскина *Богословіе*, которое у насъ было извѣстно подъ названіемъ *Книга Небеса*, — и *Философію, по Словенскому языку Любомудріе*. Самъ написалъ *Шестоденье* или Шестодневъ, выбранный имъ изъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Северіана, Аристотеля и другихъ. Ему приписывается и *Слово на Вшестіе* (Вознесеніе). Сему же Болгарскому писателю обязана Словесность наша и за переводъ *книги о восьми частяхъ слова*. Въ древнѣйшемъ спискѣ сей книги [20], она приписана Іоанну Дамаскину, хотя въ подлинникѣ и неизвѣстно его Греческой Грамматики. Тѣмъ болѣе замѣчателенъ трудъ Іоанна Экзарха, составляющій первое начало Грамматики Словенской, въ которомъ устанавливается уже терминологія сей науки. Части рѣчи Іоаннъ переводитъ такъ: 1) *имя*, 2) *рѣчь* (глаголъ), 3) *причастіе*, 4) *развличіе* (членъ), 5) *мѣстоимене*, 6) *предлогъ*, 7) *нарѣчіе*, 8) *съузъ* (союзъ). „Имя же въ сихъ яко основаніе;

20) Въ Сборникѣ, писанномъ рукою Московскаго Митрополита Данііла (ум. 1559 г.). — Вторую статью сего Сборника составляетъ: «Книга Святаго Ивана Дамаскина философскаа о осмихъ частехъ слова; преведе же еа Иванъ Презвитеръ Ексархъ Болгарскій, отъ Еллинскаго языка въ Словенскій.»

прочая бо части оглаголанія суть имена." Имя различается по роду тройственное: *мужеское, женское и среднее; падений* (падежей) пять: *правый* (именительный), *родный, виновный, дателный, звателный;* чиселъ три: *единствено, двойствено, множествено*, и т. д. — Сочиненія Іоанновы были весьма уважаемы у насъ въ среднія времена; всѣ они собраны и изданы К. Калайдовичемъ, въ особомъ весьма важномъ его изслѣдованіи — *Іоаннъ Ексархъ Болгарскій*. М. 1824. —

Здѣсь замѣтимъ еще о нѣсколько позднѣйшемъ Болгарскомъ писателѣ — монахѣ *Храбрѣ*, жившемъ (по мнѣнію Шафарика) въ X или XI вѣкѣ. Онъ извѣстенъ небольшимъ сочиненіемъ *о письменахъ*, которое составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источникомъ для первоначальной Исторіи Словенской письменности [21].

21) Оно дошло къ намъ во множествѣ списковъ; древнѣйщій изъ нихъ находится въ Сборникѣ, который написанъ 1348 г. (на хлопчатой бумагѣ) для Болгарскаго Царя Іоанна Александра, монахомъ Лаврентіемъ, и хранится въ Моск. Синод. Библіотекѣ. По списку сему напечаталъ Калайдовичь въ Іоан. Екс. стр. 189 — »О писменехъ, чрьноризца Храбра.« Но еще прежде сочиненіе сіе было напечатано въ Азбукѣ или *Грамматикѣ*, изданной въ Вильнѣ 1621, и въ *Азбукѣ* Бурцова, изданной въ Москвѣ 1637.

ГЛАВА VIII.

О письменномъ употребленіи церковно-словенскаго языка въ древней руси, и о вліяніи сего языка на народный русскій.

Церковно-Словенскій языкъ, освященный употребленіемъ Богослужебнымъ, опредѣленный образованіемъ книжнымъ и соплеменный языку Русскому, легко сдѣлался нашимъ *письменнымъ* языкомъ, мало по малу усвоился намъ какъ-бы родной нашъ языкъ, и составилъ собою *основу* всего письменнаго языка Руси. Но сія же соплеменность Церковно-Словенскаго языка нашему, равно и то, что ему научались только изъ употребленія, — были причиною, что онъ и у насъ, также какъ и у другихъ Словенскихъ народовъ, не сохранился въ первоначальныхъ, *Кирилловскихъ* формахъ. Рускіе, писавшіе на немъ, различно его измѣняли, особенно въ тѣхъ писаніяхъ, которыя выходили изъ Церковнаго круга и относились къ предметамъ жизни мірской.

Болѣе чистымъ сохранялся Церковно-Словенскій языкъ преимущественно въ сочиненіяхъ Церковнаго содержанія и въ переводахъ съ языка Греческаго. Но въ памятникахъ законодательныхъ, въ лѣтописяхъ и пѣснотвореніяхъ свѣтскихъ, нашъ древній письменный языкъ представляетъ частыя отступленія отъ Церковно-Словенскаго.

Большая часть сихъ отступленій состояла въ примѣси своенароднаго, разговорнаго Русскаго языка, непрестанно и невольно входившаго въ составъ принятаго книжнаго языка. Отступленія сіи весьма замѣчательны; ибо въ нихъ заключаются отрывчатые письменные памятники тогдашняго народнаго языка Руси, служащіе свидѣтельствомъ, что онъ въ древнемъ періодѣ былъ различенъ отъ Церковно-Словенскаго, и что глубокую древность имѣютъ тѣ народно-Русскія формы словъ, которыя и по-нынѣ сохранились еще въ народѣ, бывъ не рѣдко уже исключены изъ образованной или общепринятой рѣчи.

Такимъ образомъ въ письменномъ языкѣ древней Руси — отъ договора Олегова

и до послѣднихъ памятниковъ древняго періода (вышесказаннаго содержанія) — встрѣчаются чисто-Русскія формы [1] языка, отличныя отъ формъ, собственныхъ языку Церковно-Словенскому.

А какъ самые первые и большая часть послѣдующихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности писаны были преимущественно Южными Руссами; то древній письменный языкъ нашъ представляетъ въ себѣ преимущественно присоединеніе Южнорусскаго языка къ Церковно-Словенскому. Отъ того въ древнихъ Русскихъ памятникахъ встрѣчаются иногда такія

(1) Чисто-Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно Словенскихъ, находимъ въ договорѣ Олеговомъ; таковы — *полоняникъ* (вм. плѣнникъ), *отполонени* (въ Сборникѣ 1073 также — *полоненъ*); *боронсніе, возборонитись; ж* вм. *жд*: — *межи* и *меже* (между), *утвержсніе, по нужи*; — Въ договорѣ Игоревомъ. *преже, межю, осуженье; ч* вм. *щ* — *хочемъ, обычіи* сли; *городовъ* вм. градовъ; «да не *имѣють волости* купити паволокъ *лише* по ҃н *золотникъ*». — Въ Русской Правдѣ (по Новг. спис. XIII в.): *бологo* (вм. благо), *молоко, волога, хоронили, перегородить, перевѣсище; оже; межю, чужь, усрячетъ*; — Въ грамотѣ Мстиславовой (1128): *который, серебра*. — Подобные примѣры встрѣчаются и въ последующихъ древнихъ памятникахъ. Сюда-же принадлежатъ Русскія формы именъ *Володимиръ, Володиславъ, Передслава*, о которыхъ говорено въ VI Главѣ, на стр. 137.

слова и ихъ виды, которые по сю пору существуютъ въ Южнорусскомъ языкѣ и непосредственно изъ него объясняются[2]. — Между тѣмъ въ писаніяхъ Новгородскихъ замѣчаются такія особенности, которыя по-нынѣ существуютъ въ нарѣчіи Верхнерусскомъ и изъясняются непосредственно изъ него.[3] — Отъ такого

2) Южнорусскій языкъ по-нынѣ сохраняетъ много слóвъ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, въ томъ-же самомъ, либо нѣсколько измѣненномъ значеніи, и почти чуждыхъ теперь языку Великорусскому; наприм. въ Лавр. спис. Несторовой Лѣтописи — *стрѣха*, *хапаюся*; *гробля* (по нынѣшнему *гребля*). — Въ Поученіи Мономаха — *лагодити*, *лѣпощи*, *пуща*, *дивуемся*, *лѣпшій*. — Въ Пѣсни Игорю: *яруга*, *смага*, (жаръ), *туга* (тожь и въ Новг. Лѣтоп.), *болонье*, *вереженый*, *цвѣлити* (отъ слова *цвѣль* — плѣсень), *конець* (въ видѣ предлога); тамъ-же по Южнорусскому выговору — *гримлють*, *помолодити* (вм. помолодѣти). Сообразно Южнорусскому выговору звука *в*, въ древности писали часто *у* вм. *в* (*Ноугородци*, *оуй* вм. вуй; въ Сборникѣ 1073 г. *уселеную* вселенную). — Подобно сему нѣкоторые мѣста Русской Правды, Кіевской Лѣтописи изъясняются прямо изъ языка Южнорусскаго — формами словъ, по-нынѣ въ немъ употребительными. Впрочемъ изъ сихъ же древнихъ Русскихъ памятниковъ оказывается, что въ Южной Руси были употребительны въ древности многія слова, кои въ продолженіе среднихъ вѣковъ забыты языкомъ Южнорусскимъ. Подробнѣе о семъ будетъ сказано въ 3-й книгѣ нашей Исторіи.

3) Въ Новгородской Лѣтописи встрѣчаемъ, сходно съ Верхнерусскимъ нарѣчіемъ: *пѣту* (и *пѣтуть* — у Кирика и въ концѣ Новг. спис. Русской Правды; между тѣмъ

присоединенія народнаго Русскаго языка къ Церковно-Словенскому, въ нашемъ письменномъ древнемъ языкѣ часто встрѣчается въ одномъ и томъ же памятникѣ *двоякое* употребленіе одного и того же слова, по формѣ обоихъ языковъ [4]. Иногда къ Церковно-Словенскимъ формамъ примѣшивались новыя формы, самими писавшими составленныя: таково, кажется, оконча-

въ посланіи Никифоровомъ — вм. нѣтъ — *ни*, по-Южнорусски); *домовъ* [a] (какъ и теперь говорятъ Осташковцы)— вм. домой; звукъ *ч* вм. *ц*—*Половчи*, *Новгородчемъ*, *въ пятничю*, *отча*; наоборотъ, *ц* вм. *ч*, — *хоцю*, *сьця*, *посадницить*, и въ именахъ по отчеству *ицъ* вм. *ичъ*.— Все это показываетъ, что Новгородское нарѣчіе уже въ древнія времена объособилось на Сѣверѣ отъ языка Южнорусскихъ Словенъ, отдѣленное отъ нихъ Бѣлорусскими и Среднерусскими Словенами. Отъ нихъ-то, вѣроятно, Словены Новгородскіе и особливо Тверичи заняли употребленіе звука *ц* вм. *ч*. —

*) О взаимной замѣнѣ окончаній *овъ* и *ой* замѣтимъ, что въ Червонорусскомъ нарѣчіи употребляютъ иногда *овъ* вм. *ой*; наприм. *со мновъ* вм. со мной. Такъ и Өеодоръ Грамматикъ, Сербъ, въ послѣсловіи первой половины Шестоднева писалъ (въ XIII в.): »съ великовъ печалію и съ великовъ нищетовъ". На оборотъ, въ Верхнерусскомъ нарѣчіи кое-гдѣ (напр. отъ Устюжны къ Бѣлозерску) говорятъ *ой* вм. *овъ*; напр. *мужикой* вм. мужиковъ. Отсюда переходъ къ употребленію *ы* вм. *овь*: *церкы* вм. церковь; *любы* вм. любовь, И здѣсь *ы* находится въ соотвѣтствіи съ *ой;* а у Заодерскихъ Словенъ *ы* произносилось двоегласно: *ой*, *ай*.

4) Двоякое употребленіе того-же слова, по формѣ Русской и Церковно-Словенской, примѣтно начинается въ Дого-

ніе 3-го лица прошедшаго времени съ прибавкою *ть,* изрѣдка встрѣчаемое у нашихъ древнихъ писателей, особливо въ Пѣсни Игорю (наприм. *бяшеть, бяхуть*).

Тоже было и съ правописаніемъ Церковно-Словенскимъ. Вначалѣ оно было весьма *опредѣленное*, и въ такомъ видѣ перешло къ намъ, какъ видно изъ Евангелія Остромирова. Но Руские, также какъ и другіе Словены, скоро начали измѣнять оное сообразно своему языку. — Такъ, въ слѣдствіе полногласія, свойственнаго нашему языку, вставочныя полугласныя *ъ* и *ь* стали у насъ замѣнять коренными гласными; или же совсѣмъ исключать ихъ [5], когда на ихъ

ворѣ Игоревомъ: *золотникъ* и *златникъ*; — не имать *волости*, — не *имѣють* власти, — *ци* аще — аще *ли*. —

Въ Грамотѣ Мстиславовой (1128): въ самомъ началѣ — «се *азъ* Мстиславъ Володимирь сынъ»; потъмъ — «*азъ* далъ»; подъ конецъ — «а се *я* Всеволодъ.» — Въ Лавр. сп. Нестора: *комони* и *кони*; *тереба* и *треба* (жертва); *середа* и *среда; сли* и *посли; нравы, норовы* и *норивы* (по Южнорус. произношенію). — Въ Поученіи Мономаха: *волость* и *власть*; *пакы* и *опять*; *тобѣ* и *тебѣ*. — Въ Пѣсни Игорю: *хоробрый* (форма употреблявшаяся въ Украинскихъ пѣсняхъ XVI и XVII в.) и *храбрый*; *забороло* (тожь въ Кіев. лѣт.) и *забрало; соловій* и *славій; голосъ* и *гласъ*; *берегъ* и *брегъ*.

5) Полугласныя буквы *ъ* и *ь* ставились въ срединѣ словъ вмѣсто сокращенныхъ гласныхъ: *ъ* преимущественно вм. *о*; *ь* — вм. *е* (также вм. *и, ѣ, я.*), — притомъ

мѣстѣ, по нашему языку, не приходились гласные звуки. — При стеченіи звуковъ *жд*, столь свойственномъ языку Болгарскому, Рускіе, пока не привыкли къ сему стеченію, отбрасывали *д* и писали только *ж* [6]. — Такъ, какъ Русскому языку противно носовое измѣненіе звуковъ *у* и *я*, для котораго у Болгаръ были особыя буквы; то Рускимъ и трудно и напрасно было различать случаи, гдѣ должно писать оныя буквы; и они обыкно-

онѣ ставились на самомъ мѣстѣ гласныхъ (*дългы, гърдъ, жьзлъ, чьсть* — долги, гордъ, жезлъ, честь), или-же послѣ слѣдующей согласной (*влъкъ* вм. *вълкъ*). Впрочемъ иногда ставили *ь* вм. *ъ* (*чьто*) и наоборотъ (*мънѣ*). — Вообще-жъ какъ въ нашихъ, такъ и въ Задунайскихъ рукописяхъ, представляется большое разнообразіе и неопредѣленность. Иногда встрѣчаемъ *ъ* тамъ, гдѣ уже вовсе не находимъ соотвѣтственной гласной: *дъвѣ, кънигы, сълъньце* и *сълньце*; иногда писали съ *ъ*-омъ и безъ него: *лъжица, лжица*; *дългы* и *длъгы*. Употребленіе *ъ* и *ь* въ подражаніе Болгарскому правописанію, при полногласіи Русскаго языка, необходимо должно было производить сбивчивость.

6) Въ Евангеліи Остромировомъ, гдѣ соблюдено правописаніе Болгарское, написано: «*даждь* намъ *дьньсь*». Но въ прочихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII в., писано уже: «*дажь* намъ днесь (*дьньсь* и *дньсь*)»; а въ пяти Русскихъ спискахъ Евангелія XIV в. измѣнено еще болѣе по Русски: «*дай же* намъ днесь.» — Болгарскій звукъ *жд* столь не свойственъ казался Русскому слуху, что въ древнѣйшемъ (XII в.) спискѣ Богословія Іоанна Экзарха вездѣ выскоблена буква *д* въ словахъ *даж. ь, ноуж. а, вож. ю*, и тому подобныхъ (по наблюденію К. Калайдовича).

венно исключали *юсъ* (Ж) и писали *оникъ* (оу) либо *укъ* (ѹ), и смѣшали ѧ съ ꙗ [7]. — Но и сіе дѣлалось непостоянно и неопредѣленно: то держались древняго Болгарскаго правописанія, то слѣдовали своенародному выговору; отъ того и здѣсь произошла такая-же двоякость или лучше сказать *смѣшеніе*. Вообще же Церковно-Словенское правописаніе послужило главнымъ основаніемъ для правописанія какъ Южно-русскаго, такъ и Великорусскаго языка, хотя оно во многомъ не соотвѣтствуетъ выговору обоихъ. Не смотря на то, оно такъ утвердилось у Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ, съ нѣкоторыми измѣне-

7) Въ тѣхъ случаяхъ, когда звуки *у* и *я* оставались чистыми и неизмѣненными въ языкѣ Болгарскомъ, они изображались буквами, ѹ, оу и ꙗ (въ Польскомъ *u*, *ja*); напр. въ словахъ *ухо*, *яко*. Но когда оные звуки измѣнялись *особеннымъ* (носовымъ) произношеніемъ, тогда — по древне-Болгарскому правописанію — они изображались буквами Ж и ѧ; въ такихъ случаяхъ у Поляковъ употребляются ą, ę (on, en); напр. въ словахъ *мужъ*, *буду*, *языкъ*, *пять*; по Польс. mąż, będę, język, pięć. (См. о семъ подробное наблюденіе Востокова, въ его *Разсужд. о Слав. яз.*) — Съ утратою носоваго произношенія у Болгаръ еще въ древнее время, и они стали сбиваться въ употребленіи *юса*; и въ XIV вѣкѣ писали оный уже вмѣсто *а*, *о*, *у*, *ю*, *я*. —

Изъ Фрейзингенской рукописи, писанной во второй половинѣ X вѣка Латинскими буквами, видны еще остатки носоваго произношенія въ Хорутанскомъ языкѣ; ибо въ оной рукописи вмѣсто *юсоваго у* писано или про-

ніями и приспособленіями къ ихъ произношенію, что въ настоящее время писаніе сообразно одному только выговору имѣетъ видъ *безграмотности*.

Въ правописаніи, какъ и теперь, весьма большое участіе имѣлъ личный произволъ, являвшійся въ неопредѣленности правописанія [8], или же придумывавшій свои нерѣдко излишнія тонкости. — Достойно замѣчанія разнообразное начертаніе Спа-

сто *и*, или *о*; изрѣдка *on* и даже *un;* наприм. bodo—*буду*; poroso и poronso — *поручу*, по Польс. poręczę; sunt *суть*, по Польс. są; vuerun — *вѣру*, по Польс. wiarą. Вмѣсто ѧ во Фрейзингенской рукописи писано *е*; напр. ime — *имя*, по Польс. imię; и въ одномъ только случаѣ *en*: vuensich — *вящшихъ*, по Польс. większych. — Теперь у Хорутанъ вмѣсто *юсоваго у* употребляется долгое *о*; а вмѣсто носоваго ѧ долгое *е*. И это измѣненіе было переходомъ отъ чистаго или Русскаго произношенія звуковъ *у* и *я*, къ ихъ дальнѣйшему носовому произношенію, теперь только у Поляковъ оставшемуся. — Языку Русскихъ Словенъ болѣе свойственна обратная замѣна сихъ звуковъ, т. е. измѣненіе *о* въ *у*, *е* въ *я*. Нѣсколько примѣровъ тому показано въ V главѣ; а Великорусскій и Червонорусскій выговоръ звука *я* какъ *е* составляетъ исключеніе, неопровергающее общаго правила. Такимъ образомъ въ Русскомъ языкѣ не было даже перехода къ чуждому для него носовому измѣненію звуковъ *у* и *я* (см. Гл. VI, стр. 142).

8) Примѣровъ такого разнообразія и произвола въ правописаніи можно представить очень много. Такъ Іоаннъ дьякъ, въ Сборникѣ 1073 г., почти не употреблялъ буквы

сителева имени, потому, что оно было поводомъ къ жаркимъ о томъ преніямъ въ XVII в., съ нашими Старообрядцами. На Владиміровомъ *златѣ* написано: ИСУСЪ; но въ Евангеліи Остромировомъ ИІСУСЪ, ИІС, ІС; въ Сборникѣ Святославовскомъ ИИСОУСЪ, ИІС, ІСЪ, ІС. Разнообразное начертаніе сіе первоначально было по примѣру Грековъ, которые также писали Спасителево имя и полнымъ складомъ, и сокращенно — ΙΗΣΟΥΣ, ΙΣ. и т. д.

Такъ какъ Южнорусское произношеніе иногда сходилось съ древнимъ Церковно-Словенскимъ правописаніемъ, то въ такихъ случаяхъ древнее правописаніе оставалось неизмѣннымъ. Таково окончаніе гла-

щ, но *шт* (по выговору Болгарскому): *аште, еште, запрештаю*; въ буквѣ *еры* писалъ и *еръ — ъі* (по древнѣйшему ея начертанію, сохраненному еще Кипріаномъ въ Служебникѣ), и *ерь — ы* (какъ нынѣ употребляютъ). Такъ въ Евангеліи 1144 г., употребляется часто *і* вм. *и* (єдінъ, кніжнікъ, исконі, амінь); тоже и во второй половинѣ Новгородской харатейной Лѣтописи (і биша і, іли). — Не меньшее разнообразіе встрѣчается и въ надстрочныхъ знакахъ. —

Впрочемъ не у Русскихъ только, но и у другихъ Словенъ, встрѣчается такая же неопредѣленность и разнообразіе правописанія. Многіе тому примѣры можно видѣть изъ Богословія (по Болг. спис. XII в.,) и Шестоднева (по Серб. спис. 1263 г.,) Іоанна Экзарха, въ изданіи К.-Калайдовича. —

головъ 3-го лица обоихъ чиселъ на *тъ*, и употребленіе буквы *ѣ* вмѣсто *и* въ повелительномъ наклоненіи; напримѣръ *будетъ, будутъ, хвалѣте*. Сюда же принадлежитъ употребленіе буквы *ы* послѣ *к, х, г*. —

И такъ письменный Русскій языкъ начался употребленіемъ Церковно-Словенскаго, и развивался изъ него чрезъ постепенное присоединеніе къ нему нашего народнаго Русскаго языка. Потому справедливо письменный языкъ нашъ, особливо старинный, называютъ *Словено-Русскимъ*.

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше онъ *русѣлъ* и сближался съ нашею народною рѣчью; ибо народная рѣчь входила въ него, и сливалась съ Церковно-Словенскою въ одинъ живой составъ.

Вліяніе Церковно-Словенскаго языка на народный Русскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у Духовенства, которое привыкало къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удоб-

ніе было Церковно-Словенскому языку смѣшиваться съ народною Русскою рѣчью, и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало помалу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которыя приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

И такъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и право-

писаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя-бы и соплеменной. Живою силою своею она скорѣе воспринятымъ стихіямъ дастъ собственный образъ, передѣлаетъ ихъ на свой ладъ.

Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико.

Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ — о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ

прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — злато, мракъ, прахъ, млеко и проч.

По мѣрѣ того, какъ усвоялись намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получали другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы изъ нашего языка словами Церковно-Словенскими. — Нерѣдко и сами Рускіе, какъ-бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку, измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ слово *крестить*, — по древнему правописанію *крьстить*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится — *кстить*. [9]

Такимъ-то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ, — не только обще-

9) Такъ и въ Украинѣ говорятъ *схне*, *ссе* (сохнетъ, сосетъ) — безъ сомнѣнія уже заимствованно отъ Словенъ Задунайскихъ.

принятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла таже *двоякость,* какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ, — тоже смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и тоже слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто-Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того-же корня, одни образованы по чисто-Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской [10].

При такой двоякости формъ одного и того-же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенной тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно-книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ

10) Въ древній письменный или Церковно-Словенскій нашъ языкъ входили формы языка Русскаго, какъ нашего природнаго языка; теперь за-одно съ Русскими формами употребляются Церковно-Словенскія уже по привычкѣ къ симъ послѣднимъ. —

уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*..

Правда, что принятіе нами Церковно-Словенскаго языка въ употребленіе письменное замедлило собою раскрытіе нашего народнаго языка, и не дало ему развиться въ своеобразной чистотѣ. Но за то присвоеніе онаго языка Русскому, и особливо нарѣчію Московскому (образовавшемуся изъ древнихъ стихій, но уже подъ вліяніемъ Церковно-Словенскимъ),—дало ту богатую сложность, при которой Русскій языкъ въ состояніи теперь отвѣчать вѣрными отголосками Русской мысли и Русскому чувству, для ихъ выраженія въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ.

Богатый развитіемъ собственнымъ и обогащенный языкомъ Церковно-Словенскимъ, языкъ Русскій, при настоящемъ стремленіи къ своенародности, безъ сомнѣнія взойдетъ на высокую степень образованія; хотя и теперь уже онъ — по выраженію Карамзина — „будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ.“ —

ГЛАВА IX.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА КЪ ИНОПЛЕМЕННЫМЪ, И ИХЪ ВЛІЯНІИ НА НЕГО ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

При сообщеніи нашихъ предковъ съ разными иноплеменниками, происходили разныя заимствованія въ нашъ языкъ отъ языковъ иноплеменныхъ, и наоборотъ. Первоначальная Исторія сихъ заимствованій находится въ тѣсной связи съ Исторіей образованія родоваго Словенскаго языка во многіе виды, и также какъ она трудна для изъясненія, также мало еще изъяснена положительными, подробными изысканіями.

Встрѣчая слова, общія намъ и народамъ иноплеменнымъ, иногда можно съ довольною вѣроятностію соображать: Русью, или отъ Руси они заимствованы, и въ какой періодъ времени? Но часто нельзя еще опредѣлить того съ точностію. Потому-то большое уже представляется

разногласіе въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, и очень мало еще несомнѣнныхъ изслѣдованій нашего языка съ сей стороны. Будущему языкознанію предлежитъ проникнуть глубже въ темноту прошедшаго, и представить яснѣе древнюю Исторію нашего языка. При нынѣшнемъ же состояніи нашего сравнительнаго языкознанія [1], ограничимся хотя слѣдующимъ обозрѣніемъ.

Древнѣйшее отношеніе Русскаго языка къ иноплеменнымъ.

Древнѣйшимъ, *родовымъ* достояніемъ Русскаго языка можно вообще полагать такія слова, которыя принадлежатъ и прочимъ языкамъ Словенскимъ, —особли-

1) Сравненіе Русскаго языка съ иноплеменными было разработываемо доселѣ преимущественно въ *Словарномъ* отношеніи. Не исчисляя всѣхъ трудовъ по сей части, замѣтимъ, что первое и важнѣйшее начало онымъ положено Екатериною Великою: это *Сравнительный Словарь*, ея десницею собранный, изданный *Палласомъ* въ 4 частяхъ, въ Спб. 1787 — 89. Словарь сей со многими дополненіями вторично изданъ въ 4 ч. Спб. 1790-91 г. — Особое сравненіе Русскаго языка съ Греческимъ представлено *Константиномъ Экономидомъ*, — въ его *Опытѣ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ*. 3 части, Спб. 1828. — Что касается до сравненія Русскаго языка съ иноплеменными въ отношеніи *Грамматическомъ*, то оно составляетъ пред-

во тѣ изъ нихъ, которыя повторяются и въ другихъ Европейскихъ языкахъ, также въ Санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ Азіатскихъ [2]. Большая часть таковыхъ словъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ нашему языку *искони;* равно и другимъ Европейскимъ языкамъ она принадлежитъ со времени первоначальнаго, родоваго ихъ образованія еще въ Азіи — сей общей колыбели народовъ Европейскихъ. Тамъ, по всей вѣроятности, произошли всѣ ихъ родовые языки, и составляли нѣкогда съ племеннымъ языкомъ Индійскимъ одинъ родственный кругъ, называемый *Индо-Европейскимъ.* — Въ слѣдствіе сего *первобытнаго* сродства Европейскихъ языковъ еще въ Азіи, и послѣдовавшаго *древнѣйшаго*

метъ едва початой. Первые опыты такого сравненія, въ отношеніи этимологическомъ, представлены *Гречемъ* — въ *Пространной Грамматикѣ*. Въ *основаніяхъ Словесности Глаголева* находятся также разныя замѣчанія по сему предмету.

2) *Санскритскимъ* языкомъ называется священно-книжный, уже мертвый языкъ Индіи, на которомъ существуетъ весьма богатая древне-Индійская Словесность. Онъ старше всѣхъ соплеменныхъ ему языковъ Индійскихъ. — Кромѣ сихъ языковъ, къ Индо-Европейскому кругу принадлежитъ еще кругъ языковъ Персидскихъ, средоточіемъ коего считаютъ древній *Зендскій* языкъ, какъ Санскритскій въ кругу Индійскомъ.

образованія ихъ уже въ Европѣ, находится много общаго у всѣхъ Словенскихъ языковъ съ языками Грековъ, Латиновъ, Нѣмцевъ, Кельтовъ и Литовцевъ, и у всѣхъ ихъ много общаго съ языкомъ Санскритскимъ. Всѣ сіи языки, и по словамъ и по грамматическому устройству своему, ближе другъ къ другу нежели къ прочимъ. Кромѣ того, одни слова или свойства того же языка повторяются въ одномъ, другія встрѣчаются въ другомъ языкѣ сего же круга, будучи такъ сказать разсѣяны и перемѣшаны въ нихъ. Наконецъ въ каждомъ языкѣ есть слова и обороты ему собственно принадлежащіе, изрѣдка отзывающіеся въ другихъ, иногда отдаленнѣйшихъ языкахъ, непринадлежащихъ къ Индо-Европейскому кругу.

По такому распредѣленію стихій и свойствъ въ родовыхъ языкахъ Европейскихъ, и по взаимному ихъ сродству между собою и съ Санскритскимъ, всѣ они представляются только *однородными;* но ни одинъ изъ нихъ не долженъ считаться ни родоначальнымъ для другихъ, ни производнымъ отъ другаго. Родовой языкъ *Перво-Словенскій* есть столько же самобытный и

коренной, какъ и родовой Нѣмецкій, родовой Греческій, родовой Индійскій. Они *старше* другъ друга не временемъ происхожденія, но только временемъ развитія и образованія, такъ, какъ по степени своего обрязованія и развитія одинъ *выше* другаго. — Изъ сказаннаго о коренномъ языкѣ Словенскомъ слѣдуетъ, что языка Русскаго не должно производить ни отъ Санскритскаго, ни отъ Греческаго, ни отъ Скандинавскаго. Онъ есть языкъ *Словенскій*, какъ по своей первобытной, коренной основѣ, такъ и по главнѣйшему вліянію на его образованіе, бывшему отъ Церковно-Словенскаго. Русскій языкъ составляетъ собою главнѣйшую, старшую, болѣе другихъ развитую и самостоятельную вѣтвь своего кореннаго, Перво-Словенскаго языка. Изъ всѣхъ нарѣчій онаго языка „Русское нарѣчіе болѣе всѣхъ другихъ образованное и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами". Таково мнѣніе Карамзина [3] объ языкѣ Русскомъ; и оно вѣрно опредѣляетъ его *самостоятельность* въ отношеніи къ иноплеменнымъ языкамъ, и устраняетъ ту излишнюю *пріимчивость*, которую стали

3) Ист. Госуд. Рос. Т. I. стр. 105.

приписывать ему нѣкоторые съ недавняго времени. —

Вліяніе иноплеменныхъ языковъ на Восточно-Словенскій было и въ древнѣйшее время; но оно, по всей вѣроятности, было весьма ограниченное, состоявшее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя заходили въ языкъ нашихъ предковъ путемъ *житейскаго сообщенія*. Слова сіи не могли своимъ количествомъ измѣнить чистоты племенной стихіи нашего родоваго языка; тѣмъ менѣе они могли дѣйствовать на измѣненіе его духа, и произвести значительный переворотъ въ его образованіи. Такое измѣненіе и преобразованіе въ языкѣ происходитъ обыкновенно *путемъ просвѣщенія*, посредствомъ языка болѣе и выше образованнаго, — отъ народа, производящаго рѣшительное измѣненіе духа и жизни въ какомъ нибудь другомъ народѣ, своимъ сильнымъ и продолжительнымъ дѣйствіемъ на самое средоточіе его жизни. Притомъ, такіе рѣшительные перевороты бываютъ только въ извѣстныя и рѣдкія эпохи народной жизни. А въ жизни Восточныхъ Словенъ до начатія древняго періода не было, кажется, такого все-

общаго и рѣшительнаго переворота внутренняго. Жизнь ихъ или пребывала неизмѣнною въ удѣльномъ кругѣ своего наслѣдственнаго, родоваго достоянія; или же развивалась самостоятельно, по собственнымъ законамъ, безъ особенной пріемлемости чужихъ стихій, — не смотря на внѣшнее волнованіе, происходившее отъ напора полудикихъ иноплеменниковъ. Потому и языкъ нашъ менѣе другихъ Словенскихъ отошелъ отъ своего кореннаго первообраза.

а) Вліяніе съ Сѣвера.

Словены Сѣверорусскіе съ незапамятныхъ временъ были въ тѣсномъ и постоянномъ прикосновеніи съ разными отраслями многочисленнаго племени *Чудскаго* или *Финскаго*. Потому всего болѣе можно бы предполагать заимствованій отъ языка Чудскаго. Но въ самомъ дѣлѣ оказывается, что отъ него обогатился только нашъ географическій языкъ, усвоивъ себѣ имена мѣстъ, наслѣдованныхъ нами отъ Чудскихъ народовъ, какъ первыхъ насельниковъ Сѣверо-восточной Европы.

Можетъ быть слова *волхвъ* (wölho), *кумиръ* и нѣсколько подобныхъ, перешли къ намъ въ древнѣйшія времена отъ Чуди, славившейся своимъ волхвованіемъ. Въ мѣстныхъ разностяхъ нашего языка, особливо на Сѣверо-востокѣ, употребляются нѣкоторыя слова очевидно Чудскія; наприм. *лойва* (судно). Но такія слова какъ *хлѣбъ*, *самъ*, *море*, и т. п., не должны считаться перешедшими къ намъ отъ Чуди. Одни изъ такихъ словъ могли быть первобытными и въ языкѣ Чудскомъ; но большая часть словъ, повторяющихся въ нашемъ и Чудскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія заимствована отъ насъ еще въ древнѣйшія времена, такъ-же, какъ и въ послѣдствіи въ Чудской языкъ перешло множество Русскихъ словъ, относящихся къ гражданскому и домашнему быту. — Такъ одноплеменники ихъ Мадьяры или Угры, переселясь на Западъ, заимствовали въ свой языкъ отъ Западныхъ Словенъ много словъ, особливо относящихся къ земледѣлію, сохраняя и понынѣ нѣкоторыя слова, видимо занятыя еще у нашихъ Словенъ; наприм. *берекъ* (берегъ), *калашъ* (колосъ). — Добровскій полагалъ, будто, и полногласіе Русскаго языка произошло отъ вліянія Чуд-

скаго; но неосновательность такой догадки уже показана выше (Гл. VI). —

Не большее вліяніе могло быть отъ племени *Литовскаго*, коего отраслями Сѣвернорусскіе Словены окружены были съ Сѣверо-запада. Ни до начала древняго періода, ни въ древнее время, Литва не представляла такого развитія, чтобы могла имѣть сильное вліяніе на языкъ Сѣверо-западной Руси; въ среднія же времена, при всемъ расширеніи Литвы, господствующимъ языкомъ у нея былъ Русскій. — Впрочемъ Литовскій языкъ, какъ и самое племя, принадлежитъ къ задачамъ еще нерѣшеннымъ окончательно. По составу и образованію своему, онъ ближе къ Словенскимъ и вообще Европейскимъ языкамъ, нежели языкъ Чудской; но его отношеніе къ Бѣлорусскому еще не опредѣлено. — Тѣмъ менѣе сказать можно о томъ, остался ли какой слѣдъ въ Бѣлорусскомъ языкѣ отъ *Ятвяговъ*.

6) Вліяніе съ Юга.

Словены Южнорусскіе подвергались болѣе различнымъ вліяніямъ иноплеменныхъ

народовъ, частію Азіатскихъ, частію Европейскихъ.

Орды Азіатцевъ выходили изъ за-Волги и отъ Кавказа. О вліяніи отъ нихъ на языкъ нашихъ предковъ ничего нельзя сказать въ частности; тѣмъ болѣе, что Историки еще не согласились окончательно, какого именно племени былъ каждый изъ оныхъ народовъ. — Въ ближайшее къ древнему періоду время Южнорусскіе и Среднерусскіе Словены были обложены Козарами, вышедшими изъ за устья Волги въ половинѣ VII-го вѣка, и завладѣвшими Крымомъ въ концѣ VIII-го вѣка. Прежде того находили на Русь отъ Юго-востока *Гунны*, *Авары* или *Обры*, *Болгары* и другіе. Въ этомъ смѣшеніи народовъ предполагаются всего болѣе отросли Чудскаго и Турецкаго племенъ; Гунны относятся къ племени Монгольскому; вѣроятно, что въ томъ числѣ были и другія племена, напримѣръ Кавказскія, отличныя своимъ языкомъ отъ Турецкаго. Съ каждымъ изъ нихъ наши предки могли обмѣняться нѣсколькими словами; и вѣроятно уже съ оныхъ древнѣйшихъ временъ ведутся въ нашемъ языкѣ нѣкоторыя слова,

частію повторяющіяся въ извѣстныхъ Азіатскихъ языкахъ, частію неизвѣстнаго происхожденія. — Если въ составѣ исчисленныхъ народовъ были Словены (чего никоимъ образомъ нельзя отвергнуть); то они, вѣроятно, были отрывки нашихъ-же Словенъ, и ихъ языкъ представлялъ только видоизмѣненіе Восточно-Словенскаго.

Но еще прежде, чѣмъ помянутые Азіатцы замѣстили собою Скиѳовъ, наши Южные Словены были въ сношеніяхъ съ племенами Европейскими, какъ то, съ Греками и Ѳракійцами; потомъ съ Римлянами, въ славные *Трояновы вѣка*, долго памятные въ Южной Руси; наконецъ съ Готами, господствовавшими на нашемъ Южномъ Поморьи, между Днѣстромъ и Дономъ, съ 182 по 376 годъ. Со всѣми ими наши предки также могли обмѣняться и понятіями и словами [4]; слѣдственно, уже въ древнѣйшее время могли перейти не-

4) Въ примѣръ древнѣйшаго употребленія нашихъ словъ Ѳракійцами, приведемъ слово *Mori-maruza*, которымъ Кимвры называли Сѣверное или Ледовитое море (см. Плинія Втораго Hist. mund. lib. IV). Слово сіе очевидно есть *море-мороза*. По употребленію звуковъ *а* и *у* вм. о, въ словѣ *марузъ*, и по его полногласной формѣ, можно полагать, что оно заимствовано у Словенъ Бѣлорусскихъ. (По-Польски морозъ — *мрузъ*.)

посредственно въ языкъ нашихъ предковъ нѣкоторыя слова Греческія, Ѳракійскія, Латинскія и Нѣмецкія. Но гораздо большее вліяніе сказанные народы имѣли на нашихъ Западныхъ соплеменниковъ; а потому сильнѣе дѣйствовали на измѣненіе ихъ языка, и бо̀льшее количество своихъ словъ имъ сообщили.

О вліяніи иноплеменныхъ языковъ на Русскій въ древнемъ періодѣ.

Болѣе сильное вліяніе на языкъ нашъ отъ Греческаго и Нѣмецкаго могло произойти съ начатіемъ древняго періода, когда и отъ Варяговъ и отъ Грековъ, дѣйствовавшихъ въ нѣдрахъ нашего отечества, произошло рѣшительное вліяніе на судьбу и жизнь Восточныхъ Словенъ, и преобразовало ихъ въ одинъ Русскій, Христіанскій народъ. Сіе преобразованіе нашей прадѣдовской жизни даетъ поводъ заключать и о составленіи какъ-бы вновь языка Русскаго, подъ вліяніемъ Скандинавскаго и Греческаго.

а) Вліяніе Греческое.

Но непосредственное вліяніе Греческаго языка на Русскій было ограничено и пред-

упреждено языкомъ Церковно-Словенскимъ: оно было уже второстепенное и, такъ сказать, обращенное въ Словенскій видъ, — какъ въ устроеніи цѣлой рѣчи, такъ и въ образованіи особыхъ словъ, переведенныхъ съ Греческаго на Словенскій. —

Впрочемъ у насъ было и *непосредственное* вліяніе Греческаго языка, коего знаніе и изученіе значительно было распространено у насъ въ древнее время. Съ одной стороны сіе вліяніе простиралось на устроеніе письменной рѣчи, при переводѣ разныхъ Греческихъ книгъ Рускими; съ другой стороны оно состояло въ сообщеніи нашему языку многихъ Греческихъ словъ. Такъ, съ принятіемъ и распространеніемъ Христіанства, вошли въ языкъ нашъ Греческія личныя имена, имена разныхъ предметовъ церковныхъ, равно относящихся къ искуствамъ, и вообще къ просвѣщенной жизни; наприм. *грамота, мусія, харатья*. Торговыя сношенія съ Греками также вводили у насъ въ употребленіе Греческія слова; наприм. *драхма, литра* (гривна), — *оксамитъ, ортма*. — Въ письменномъ языкѣ

древнихъ нашихъ писателей встрѣчаются иногда Греческія слова безъ перевода; наприм. у Кирилла Туровскаго — *породный* (райскій) и проч[5].

б) Вліяніе Варяго-Русское.

Но прежде, чѣмъ распространилось у насъ вліяніе стихіи Греко-Словенской, обновленіе жизни нашихъ предковъ произошло отъ Варяговъ и Руссовъ.

Варяги-*Руссы*, признаваемые нами за Словенъ Поморскихъ, сообщили языку нашему названіе *Русскаго языка*, которое изъ Кіевскихъ предѣловъ распространилось и на всю Восточно-Словенскую рѣчь. Распространяясь и водворяясь преимущественно между Словенами Днѣпровскими, Руссы конечно имѣли вліяніе и

5) Кромѣ Обще-Русскихъ словъ, сходныхъ съ Греческими, многія принадлежатъ еще Южнорусскому языку особо. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, весьма давно заняты нашими Южными Словенами у Эллиновъ, — какъ полагалъ Гнѣдичъ (см. Простонар. Пѣсни нынѣш. Грековъ. Спб. 1825); наприм. *криница* — *κρηνὸς*, *глекъ* или *глечикъ* — *γλάγος*, *бугай* — *βουγάϊος*, *хáлепа* — *χαλεπὰ*, и друг. — Замѣтимъ, что и слово *паполома* (покровъ), встрѣчаемое въ Пѣсни Игорю, по Ново-Гречески *πάπλωμα*. — И въ Велико-Русскомъ простонародьи, — вм. рука, рукавицы, говорятъ (по Нижнерусскому нарѣчію) *хирга*, *нахирёги*, съ Греч. *χεὶρ*.

на языкъ Полянскій. Но въ чемъ оно состояло, того нельзя опредѣлить положительно, по неизвѣстности языка Руссовъ. Можемъ сказать только вообще, что если Руссы были Словены изъ Заодерскаго Поморья, то вѣроятно они умножили въ языкѣ своихъ Днѣпровскихъ соплеменниковъ существующее въ немъ сродство съ Сѣверо-Западнымъ разрядомъ Словенскимъ, — сообщили имъ нѣкоторыя своенародныя и даже Германскія [7] слова, особливо относящіяся къ предметамъ воинской и гражданской жизни, — и имѣли вліяніе на произношеніе словъ и звуковъ. Можетъ быть изъ подражанія Руссамъ, ввелось въ Южнорусскомъ языкѣ обращеніе гласныхъ звуковъ въ *и*; ибо такого произношенія, мнѣ кажется, не было въ древнѣйшія времена у Словенъ Южнорусскихъ; а между тѣмъ оно было весьма употребительно у Эльбскихъ и другихъ Заодерскихъ Словенъ [8].

7) Такъ слово *вира*, чуждое Скандинавскому законодательству, по всей вѣроятности, заимствовано у Нѣмцевъ Германскихъ, и перенесено къ намъ Поморскими Руссами, вмѣстѣ съ самими узаконеніями о вирѣ за *головничество*.

8) См. Гл. V. Примѣч. 9 и 10.

Что касается до собственно такъ называемыхъ *Варяговъ* или Нормановъ Скандинавскихъ; то — въ слѣдствіе господствующаго историческаго мнѣнія, что они были Руссы — отъ нихъ производятъ обыкновенно и названіе нашего языка *Русскимъ*. Такъ Калайдовичъ, неразличавшій народнаго языка нашихъ предковъ отъ Церковно-Словенскаго, полагалъ, что съ этимъ языкомъ слился языкъ Скандинавскихъ Руссовъ, и отъ того произошелъ *Русскій* языкъ, который всѣмъ одолженъ Словенскому; а отъ Руссовъ ничего несохранилось въ немъ, кромѣ *нѣкотораго* количества словъ [9]. — Сенковскій и Сабининъ оборотили сіе мнѣніе въ противную сторону: вліянію Скандинавскому они придали такую силу, что — по ихъ понятію — Русскій языкъ есть Скандинавскій, только смѣшавшійся съ Словенскимъ; и почти каждое Русское слово, сколько нибудь похожее на Скандинавское, считается нашимъ заимствованіемъ у Скандинавовъ [10]. — Но большая часть этихъ мнимо-

9) Въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл.* Ч. III. 1823.

10) Сенковскій изложилъ свое мнѣніе въ Разсужденіи *о Скандинавскихъ Сагахъ* (см. Библ. для Чтен. 1834 Т. I.) — Мнѣніе Сабинина изложено въ статьѣ *О происхожденіи слова Бояринъ* (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 № 10).

Скандинавскихъ словъ нашего языка принадлежитъ и другимъ языкамъ Словенскимъ; слѣдственно, существуетъ въ нашемъ языкѣ съ древнѣйшихъ временъ, а не отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ перешла къ намъ [11]. — Съ водвореніемъ у насъ Скандинавовъ, конечно входили въ употребленіе у насъ нѣкоторые ихъ обычаи и слова, — частію уже забытыя, частію и по-нынѣ остающіяся въ языкѣ Русскомъ. Но число такихъ заимствованій было не велико, еще меньшее, чѣмъ оно

11) По мнѣнію Сабинина даже слова: *мать*, *сестра*, *братъ*, *море*, *вода*, *хлѣбъ*, *медъ* (напитокъ), *изба*, *плетень*, *рядъ*, *ленъ*, *сѣно*, *ночь*, *котъ*, *мышь* и множество подобныхъ, считаются передѣлкою нашею изъ Скандинавскихъ или Исландскихъ словъ: modir, systir, brodir, mar, vatn, hleifr, mjodr, hussbae, pletten, röd, lin, sina, nott, köttr, mús; даже *озеро* производится отъ *siór*!... Но эти же слова есть и въ другихъ Словенскихъ языкахъ; многія изъ нихъ существуютъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Санскритскомъ, Персидскомъ, и притомъ въ формахъ болѣе близкихъ къ Русскимъ; нѣкоторыя-же встрѣчаются въ нарѣчіяхъ Симитическихъ, Монгольскихъ, Чудскихъ. Почему-же всѣ эти слова въ нашемъ языкѣ считать Скандинавскими; и ни одного изъ нихъ въ Скандинавскомъ языкѣ не считать отъ насъ заимствованнымъ? Положимъ, что Скандинавы ввели у насъ напитокъ *брагу*, въ честь своего бога Брагія; но питье *сладкаго мёду* они конечно узнали отъ нашихъ предковъ.... У Сабинина до такой крайности усилено вліяніе Скандинавское, что даже Кирилловская или Словенская азбука—есть не иное что, какъ передѣлка алфавита Руническаго...!

было отъ Татаръ, въ темное время ихъ владычества надъ Русью.

Вѣроятно, что слова *брага*, *гридня*, *меринъ*, *сталь* и нѣкоторыя другія заимствованы нами у Варяговъ Скандинавскихъ. Но и они, возвращаясь изъ Руси въ Скандинавію, могли переносить туда нѣкоторыя наши понятія, обычаи и слова.

Подобно тому, какъ Норманы, водворявшіеся у побѣжденныхъ ими народовъ Западно-Европейскихъ, принимали обыкновенно языкъ своего новаго отечества, — и наши первые Варяжскіе Князья, безъ сомнѣнія, учились языку Русскому. Если же употребляли они между собою и съ своею дружиною языкъ Скандинавскій, то изъ сего не было еще никакихъ слѣдствій на измѣненіе Русскаго языка въ народѣ. Примѣръ тому — Французскій языкъ, долго употреблявшійся въ нашихъ обществахъ, и такъ мало отозвавшійся въ народѣ. — Холостая дружина Варяговъ, составлявшая у насъ наемное войско и несовсѣмъ любимая въ народѣ нашемъ, тѣмъ менѣе могла дѣйствовать на измѣненіе его языка. Тѣ изъ нихъ, которые водво-

рялись у насъ и вступали въ семейный союзъ съ Словенками, безъ сомнѣнія, выучивались нашему языку, и онъ становился природнымъ для дѣтей ихъ, какъ языкъ материнскій.

в) Влiянiе Азiатское.

Южная Русь въ древнемъ періодѣ была еще въ непрестанныхъ столкновеніяхъ съ разными Азіатскими народами, частію Турецкаго племени — какъ Печенѣги и Половцы или Куманы, частію же Кавказскаго племени — какъ Осетины или *Ясы*, и Черкесы или *Косоги*. Сюда же принадлежатъ толпы Торковъ и Берендѣевъ, распространявшихся въ Южной Руси.

Отъ всѣхъ этихъ народовъ Русскій языкъ въ древнее время могъ занять нѣсколько словъ Турецкихъ и Кавказскихъ, относящихся къ наименованію разныхъ вещей; а отъ себя передать имъ нѣсколько Русскихъ словъ.

Вотъ что говоритъ о семъ Карамзинъ. „Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ; но ихъ находимъ и въ дру-

гихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ. Напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ"[12].

Карамзинъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ приводитъ три Восточныя слова: *лошадь, сайгатъ, унеинъ*. Но ихъ можно привести еще нѣсколько. Не говоря о словахъ *Каганъ, Ханъ* или *Хинъ, Салтанъ*, которыя могли быть у насъ извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ,— укажемъ на Турецкое слово *каралукъ* (сталь)—въ Пѣсни Игорю *харалугъ, харалужный;* на Персидское слово *сурна* (труба), встрѣчаемое въ нашихъ лѣтописяхъ, а въ старинныхъ Украинскихъ пѣсняхъ *сурма, суремка, сурмити*.

Изъ языка Половецкаго[13] мы могли заимствовать еще въ древнее время слѣ-

12) Ист. Г. Р. Т. V. стр. 386, и Примѣч. 401.—

13) См. небольшой *Латино-Персидско-Половецкій Словарь*, написанный 1303 г. (какимъ нибудь Италіанскимъ купцемъ), изданный Клапротомъ, въ 3-мъ Томѣ его *Mémoires relatifs à l'Asie*. Paris, 1828.

дующія слова (изъ коихъ нѣкоторыя встрѣчаются въ языкахъ Турецкомъ и Татарскомъ, а иныя въ Арабскомъ и Персидскомъ): *туманъ*, *башмакъ*, *синдукъ* (сундукъ), *балукъ* или *балыкъ* (рыба), *каванъ*, *чумичъ*, *бакча* (по-Южнорусски *баштанъ*, съ Персид.), *майданъ*, *базаръ*, *сарай*, *килимъ* (коверъ), *каунъ* (въ Южнорусскомъ значитъ арбузъ), и еще нѣкоторыя. Наоборотъ, между Половецкими словами встрѣчаются Русскія: *изба*, *печь*, *самола* (смола), *нагтъ* (деньга; сокращено изъ *ногата*).—

Приведенные примѣры показываютъ, что многія слова одинакія съ Татарскими могли быть въ нашемъ языкѣ еще до нашествія Батыева, и что существованіе такихъ словъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ не должно быть предлогомъ для сомнѣнія въ древности сихъ послѣднихъ [14].

14) Такъ *Бѣликовъ* опровергалъ древность Пѣсни Игорю даже находящимся въ ней словомъ *болванъ* („*Тьмутораканьскый бълванъ*"), называя оное *Татарскимъ*. Но Сабининъ кажется вѣрнѣе считаетъ сіе слово перешедшимъ еще изъ *Скандинавіи* (bölwan)—и тѣмъ вѣрнѣе, что оно было и въ языкѣ *Кельтовъ* (pelvan), отъ коихъ и заимствовано Западными Словенами, по мнѣнію Шафарика.—

ГЛАВА X.

О ПИСЬМЕННОСТИ СЛОВЕНСКОЙ ВООБЩЕ, И О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

„Словены сначала не имѣли книгъ; но бывъ язычниками, *читали и гадали по чертамъ и рѣзамъ;* по принятіи же Христіанства обходились письменами Греческими и Латинскими; и Словенская рѣчь долго была безъ устроенія.“ Такъ говоритъ Болгарскій монахъ Храбръ, въ началѣ своего краткаго сочиненія *о письменахъ*[1]. — Его сказаніе подтверждается свидѣтельствомъ другихъ древнихъ писателей и нѣкоторыхъ памятниковъ; хотя тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, осталось мало. — *Черты* и *рѣзы,* эти первыя письмена Словенскаго племени, по самому названію своему однозначительны съ *рунами* Нѣмецкихъ народовъ; а гаданіе по нимъ показываетъ, что и Словены письменамъ своимъ также прида-

1) См. Глава VII, стр. 170.

вали таинственное значеніе. Кромѣ сего можно еще замѣтить, что они употребляли свои рѣзы въ случаяхъ, относившихся къ богослуженію и законодательству, также въ памятныхъ надписаніяхъ на скалахъ, на могильныхъ камняхъ и столпахъ.

Но какіе именно были сіи рѣзы?

Что касается до Словенъ Прибалтійскихъ, то они — какъ извѣстно уже изъ Дитмарова[2] сказанія о Ретрскомъ капищѣ — имѣли обычай вырѣзывать на своихъ кумирахъ имена ихъ. Для этого нѣкоторые изъ нихъ употребляли руны Нѣмецкія, — что можно заключить по надписи на двухъ каменныхъ изваяніяхъ Чернобога въ Бамбергѣ, которая по Шафарикову переложенію Латинскими буквами читается: *Carni bu*, т. е. *Царны бугъ*[3] (Черный богъ). — Изъ сего однако не должно

2) Межиборскій или Мерзебургскій Епископъ Дитмаръ писалъ свою *Хронику* въ началѣ XI вѣка (сконч. 1018 г.). — Такъ называемые Оботритскіе или Ретрскіе кумиры, хранящіеся въ Нейстрелицѣ, — по доказательствамъ Левецова и Шафарика, — подложны, и руническія письмена на нихъ принадлежатъ позднѣйшимъ Нѣмецкимъ антикваріямъ.

3) По выговору тѣхъ Поморскихъ Словенъ, у коихъ Св. Оттонъ проповѣдывалъ Христову Вѣру и, по всей

заключать, чтобы Нѣмецкія руны были единственными письменами всѣхъ Словенъ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляли для письма другіе знаки.

Отличный отъ руническаго начертанія видъ имѣло древне-Русское письмо, образецъ коего сохранился у Арабскаго писателя (X в.) Ибнъ-эль-Недима: это снимокъ небольшой древне-Русской надписи, которая нарѣзана была на кускѣ бѣлаго дерева, вывезенномъ изъ Руси на Востокъ въ X вѣкѣ. Френъ, отыскавшій у Недима сію надпись, сравниваетъ ея черты зъ древними Синайскими письменами [4].

вѣроятности, отобравъ у нихъ кумиры Чернобога, поставилъ ихъ на фронтисписѣ Бамбергскаго храма, гдѣ и открыты они въ 1835 г. Колляромъ. Очеркъ Чернобога, представленнаго въ видѣ лежащаго льва, и снимокъ надписи можно видѣть въ статьѣ Шафарика: *Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ* (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1838, № 5, и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I. М. 1837).

4) См. статью Френа *о письменахъ древнихъ Руссовъ*, въ Mém. de l'Acad. des sciences de St. Pétersbourg, 1836 — и въ Библ. для Чт. 1836. № 4. — Можетъ быть сіи же рѣзы употреблялись тѣми Руссами, которыхъ Ибнъ-Фоцланъ видѣлъ на берегахъ Волги въ началѣ X вѣка, которые, по словамъ его, умѣли писать, и на могильномъ столпѣ надписывали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ царствующаго Князя.

Вѣроятно къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ начертаній, находящихся на скалахъ Кирпатскихъ; но та надпись, которая находится въ ущельи Разгирчинскомъ, представляетъ уже Кирилловскія буквы, весьма древняго почерка, съ примѣсью другихъ знаковъ [5]. — Можетъ быть къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежитъ и надпись на камнѣ, найденномъ Ѳ. Глинкою въ Тверской Губерніи [6] (въ деревнѣ Кузнецовой Бѣжецкаго уѣзда).

Впрочемъ сіи надписи подлежатъ еще дальнѣйшему объясненію, для Исторіи первоначальной Словенской письменности [7].

5) Снимки съ этихъ надписей сдѣланы Вагилевичемъ и помѣщены въ Моск. Наблюд. 1836. № 6. (въ письмѣ Вагилевича къ Погодину.)

6) См. его статью *О древностяхъ Тверской Кареліи.* Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1836. Кн. 3., и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I. М. 1837.

7) Въ дополненіе сказаннаго можно привести еще мѣсто изъ *Суда Любуши* (древней Чешской поэмы, коея древность была опровергаема Добровскимъ, но признана вновь учеными Чехами), гдѣ на судилищѣ представляются двѣ вѣщія дѣвы: у *одной доски правдодатныя.* По этимъ правдодатнымъ (законодательнымъ) доскамъ можно предполагать о существованіи на нихъ и начертанія закона или *правды, принесенной дѣдами нашими* (по выраженію той-же Чешской поэмы). Нѣкоторые Ученые думаютъ, что вмѣстѣ съ закономъ были принесены Словенами въ Богемію и *письмена,* истребленныя уже во времена Христіанства.

О письменахъ Кирилловскихъ.

Новую и важнѣйшую эпоху въ Исторіи Словенской письменности составляетъ изобрѣтеніе собственно такъ называемой *Словенской азбуки*. Что изобрѣтателемъ оной былъ нашъ Первоучитель Кириллъ, это не подлежитъ сомнѣнію, по единогласному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей, [8] и по самому названію азбуки *Кирилловскою* или *Кириллицею* [9]. — Временемъ ея составленія, — у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ, — положительно означается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е. *855 годъ* отъ Р. Х.; слѣдственно

8) Наприм. Іоанна Экз. Болгарскаго, Храбра, Нестора, Священника Діоклейскаго (XII в.). Нѣкоторые изъ нихъ изобрѣтеніе письменъ приписываютъ не одному Кириллу, но и Меѳодію. Такъ у Нестора сказано - ,,сима же пришедъшема, начаста съставливати письмена азъбуковьная Словѣньски.“ Но это произошло отъ того, что Меѳодій вообще былъ сподвижникомъ и продолжателемъ трудовъ своего брата.—

9) *Письменами Кирилловскими* называется она, между прочимъ, и въ буллѣ Папы Іоанна VIII (см. Гл. VII. прим. 7); *Кириллицею* же она называется у Далматовъ, въ отличіе отъ ихъ *Буквицы*; но у древнѣйшихъ писателей— Іоанна Болг., Храбра, Нестора—Кириловскія письмена называются просто *Словенскими*; у Градищенскаго Монаха (XII в.)—*Болгарскими*.

8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе Учители отправлялись въ Моравію (около 863 г.). — Въ основаніе Словенской азбуки принята Кирилломъ азбука Греческая, по тому начертанію, какое имѣла она въ половинѣ IX вѣка [10]. Но какъ 24-хъ буквъ Греческаго алфавита недоставало для изображенія всѣхъ звуковъ Словенской рѣчи, то Кириллъ прибавилъ еще другія буквы, частію составленныя изъ тѣхъ-же Греческихъ буквъ, [11] частію изобрѣ-

10) Чѣмъ древнѣе Словенская рукопись, тѣмъ замѣтнѣе сіе сходство Кирилловскихъ письменъ съ Греческими; между тѣмъ, какъ съ руническими письменами такъ мало сходства, что никоимъ образомъ нельзя отъ оныхъ вести начало алфавита Словенскаго (см. Гл. IX пр. 11.). Древнее начертаніе Словенской азбуки, коимъ написано въ Новѣгородѣ Остромирово Евангеліе, можно видѣть *въ Собраніи Словенскихъ памятниковъ*, издан. Кеппеномъ. Спб. 1827.

11) Такъ буквы Ꙗ, Ѥ, Ю, Ѿ, видимо составлены изъ принятыхъ Греческихъ буквъ; равно и буква *укъ* (Ѹ, ȣ) или *оникъ* (ОѴ) есть не иное что, какъ двоегласная Греческая *ου* или *ȣ*. — Такимъ же образомъ и буква ЪІ представляющая сокращеніе звуковъ *οι*, соотвѣтствуетъ двоегласной Греческой *οι*. — Еще въ XI вѣкѣ Рускіе стали иногда писать вмѣсто ОѴ одинъ *икъ* (Ѵ), и Ы вмѣсто ЪІ.

Подобно сему, составлена буква Ѣ — (по Русскому начертанію, встрѣчаемому уже въ Сборникѣ 1073 г. — ІѢ) изъ соединенія *І* съ *Ь*-емъ. Что касается до буквы Б, то ея начертаніе представляетъ только ущербленіе буквы В; равно полугласныя Ъ и Ь представляютъ даль-

тенныя имъ самимъ, или же заимствованныя изъ другихъ иноплеменныхъ азбукъ [12]. Такимъ образомъ онъ устано-

нѣйшее видоизмѣненіе сего же знака; что же касается до заимствованія сихъ четырехъ буквъ изъ иноплеменныхъ азбукъ, то оно подлежитъ еще новому изслѣдованію.

Для изображенія носовыхъ звуковъ *у* и *я*, употреблена вставка буквы І внутрь гласной: такъ *юсъ* *(Ж)* составленъ изъ опрокинутаго ука (Ꙋ), съ прибавкою внутри І; равнымъ образомъ и Ѧ состоитъ изъ А съ буквою І внутри.

12) Кириллъ, знавшій многіе языки иностранные, конечно имѣлъ въ виду и ихъ азбуки, при составленіи своей; однако заимствовалъ изъ нихъ не много. Такъ буква Ш и по начертанію и по выговору видимо сходствуетъ съ Еврейскою *шинъ*, и заимствована изъ азбуки Еврейской. Но буква Щ составлена уже изъ Ш, чрезъ присоединеніе къ ней буквы Т, для выраженія звука *шт* (ибо такъ выговаривается у Задунайскихъ Словенъ буква *Щ*, вмѣсто коей нерѣдко и писали они *шт*).— Буква Ц имѣетъ сходство съ Армянскою *цо* строчнаго начертанія, и вѣроятно взята съ нея; употребленіе полугласныхъ Ъ и Ь въ концѣ словъ также могло быть подражаніемъ древнему Армянскому правописанію. Буква *Щ*, только по новому ея начертанію сходствуетъ съ Коптскою *щей*; равно какъ и нынѣшнее курсивное начертаніе *глаголя* (*г*) сходно съ Коптскою *гори*. Заимствована ли откуда буква *червь*, неизвѣстно; собственный и древнѣйшій видъ ея Ү; но въ строчномъ начертаніи она по скорости письма иногда была писана не вполнѣ, а односторонно: оттуда произошелъ нынѣшній видъ ея—Ч, въ которомъ лишь случайное сходство съ Коптскою буквою *фей*.—Что касается до Рунической азбуки, то одна только руна *гагалъ* своимъ начертаніемъ могла послужить къ составленію буквы Ж; но своимъ значеніемъ она соотвѣтсвуетъ буквѣ *Г*.

вилъ 38 Словенскихъ письменъ,[13] давъ имъ Словенскія имена[14], и удержавъ почти тоже числительное значеніе при Греческихъ буквахъ, какое онѣ имѣли тогда у Грековъ[15].

13). Число сіе показано у Храбра, и отчасти подтверждается тѣмъ же числомъ особыхъ названій буквамъ Словенской азбуки. Впрочемъ нельзя утвердительно сказать; какія именно 38 буквъ составляли *первоначально* азбуку Кирилловскую; ибо число знаковъ ея въ послѣдствіи было размножаемо. Добровскій всѣ Словенскія буквы приводитъ къ 39; тоже число и по неизвѣстному *Греку* (изданному Бандуріемъ), который приводитъ 35 наименованій Русскимъ или Словенскимъ буквамъ, не включая въ то число 4 послѣднихъ Греческихъ буквъ. Копитаръ различаетъ 44 буквы, прибавляя еще 7 особыхъ буквъ, употребляемыхъ Сербами.—

14) Большая часть сихъ названій суть Словенскія слова, начинающіяся съ той же буквы, подобно тому какъ и въ азбукахъ Греческой, Еврейской, Рунической. Можетъ быть сіи названія расположены были такъ, что иногда представляли рядъ изреченій, для легчайшаго удержанія въ памяти; наприм. и, како, люди, мыслите;— рцы, слово, твердо.

15) Изъ нововведенныхъ буквъ только Ч и *Ц* получили числительное значеніе: первый 90, второй 900 (встарину сіе число означалось и буквою Ѧ).— Употребленіе Словенскихъ буквъ вмѣсто числъ продолжалось у насъ до введенія Арабскихъ цыфръ, при Петрѣ Великомъ (1703).—Единицы, десятки, сотни считались въ обыкновенномъ порядкѣ; однакожъ Востоковъ нашелъ много примѣровъ *обратнаго* порядка, т. е. начиная съ единицъ (см. о семъ у Калайдовича, въ *Іоан. Екс. Болг.* на стр. 218.)

Число буквъ въ послѣдствіи измѣнялось: одинъ и тотъ же звукъ, смотря по мѣсту своему въ словѣ, изображался различно, частію по произволу писцовъ, частію для означенія тонкостей въ правописаніи. Вообще же къ Греческимъ буквамъ въ Словенской азбукѣ прибавлены слѣдующія:

б, ж, ц, ч, ш, щ, ъ, ъі, ь, ѣ, ѥ, ю, ѫ, ѩ, ѧ, ѭ, ѩ.[16] —

Вмѣстѣ съ Словенскимъ переводомъ Богослужебныхъ книгъ и письмена Кирилловскія изъ Царягорода распространились сначала въ Болгаріи, а вскорѣ потомъ и у Моравовъ съ Словаками, у Чеховъ, Поляковъ, Руссовъ, Сербовъ и прочихъ Словенъ Задунайскихъ, и послужили

16) Въ Остромировомъ Евангеліи употреблено 50 буквъ различныхъ по своему начертанію. Такъ напр. *ижица* — ѵ и ѵ; *есть* — є, є, ѥ; *зѣло* ѕ и ѕ; *земля* — пишется только чрезъ ꙁ. — Въ Сборникѣ Святославовскомъ *еры* — ъі и ьі; *ять* ѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ — ѥ, именно въ усугубленіяхъ сейже буквы, напр. *о свойтьнѣьмъ*, и въ словахъ что либо снѣдное означающихъ, напр. *ѣсть;* а въ 3 лицѣ глагола есмь — *ѥсть*, є. — Такую же тонкость правописанія и вмѣстѣ примѣръ *слитныхъ* буквъ представляетъ, — въ семъ же Сборникѣ и въ Евангеліи Мстиславовомъ, — замѣчательное присоединеніе буквы *Г* къ *Л* и *Н*, передъ гласными и передъ *Ь*·мъ, сообразно Греческому выговору Словенскихъ звуковъ. — (См. Іоан. Екс. Болг. стр. 214.)

великимъ средствомъ къ просвѣщенію Словенскаго міра. —

Когда и откуда именно вошли Кирилловскія письмена въ Россію, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Изъ Игорева договора заключить можно, что въ Кіевѣ въ половинѣ X вѣка давали *грамоты* отправляющимся въ Царьградъ. Сіи грамоты могли быть писаны уже буквами Словенскими. Ибо, — принимая въ соображеніе, что Кирилловскія письмена и писанныя ими Богослужебныя книги существовали уже до крещенія Руси въ 866 году, и что они имѣли быстрый успѣхъ у Словенъ Дунайскихъ, — можемъ допустить съ полною вѣроятностію, что Греческіе Патріархи Фотій и Игнатій, посылая въ Русь своихъ Священнослужителей, отправляли съ ними людей свѣдущихъ въ грамотѣ Словенской, и что употребленіе Словенскихъ письменъ вошло къ намъ вслѣдъ за Христіанствомъ, еще при Оскольдѣ и Дирѣ, изъ Царяграда. Василій Македонянинъ, будучи самъ Словенинъ, и содѣйствуя распространенію Словенскаго Богослуженія у Сербовъ, конечно не упустилъ случая сдѣлать тоже и въ

отношеніи къ Россіи, для собственныхъ же выгодъ [17].

Къ дальнѣйшему распространенію у насъ Словенской грамоты могли способствовать сношенія, бывшія у Руси съ Болгаріей, гдѣ въ IX и X вѣкѣ уже была значительна Словенская письменность, откуда и въ послѣдующіе вѣка Россія не переставала заимствовать книжные способы къ своему просвѣщенію. —

Впрочемъ первые у насъ успѣхи Словенской письменности, какъ и самаго Христіанства, конечно были незначительны до временъ Владиміра, и ограничивались только грамотностію нѣкоторыхъ лицъ. Но со времени Владиміра и распространеніе Словенской грамоты перешло въ народъ; и Словенская азбука, хотя мало по малу измѣнялась въ своемъ видѣ, но была

17) Есть даже извѣстіе о введеніи въ Россію Кирилловскихъ письменъ при *Царѣ Василіѣ Македонянинѣ*, — въ сказаніи безъименнаго Грека (изданнаго Бандуріемъ); но къ сожалѣнію въ сказаніи семъ перемѣшаны событія разновременныя, какъ то: посланничество отъ Владиміра въ Римъ и Царьгородъ; вмѣсто Кирилла и Меѳодія, посыланныхъ Михаиломъ въ Крымъ, изобрѣтателями буквъ являются *Кириллъ* и *Аѳанасій* при Епископѣ, посланномъ въ Русь отъ Царя Василія!...

у насъ въ общемъ употребленіи до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго ея преобразованія Петромъ Великимъ въ нынѣ употребительную азбуку *Русскую* или *гражданскую*. Послѣ того Кирилловскую азбуку стали отличать у насъ именемъ *Славянской* или *церковной*; ибо употребленіе оной ограничилось книгами преимущественно Церковнаго содержанія. — Въ такомъ употребленіи сихъ двухъ азбукъ послѣдовали намъ Сербы и еще нѣкоторые Словены; но Галицкіе Руссы и Румыны донынѣ употребляютъ въ печати только Кирилловскую азбуку. — Что касается до ея судьбы у прочихъ Словенъ, то ея сильное распространеніе у нихъ скоро подвергло ее всякаго рода гоненіямъ со стороны Нѣмецкаго Духовенства, такъ что она была уже воспрещаема и отъ Папъ. Вслѣдствіе того, многіе изъ Словенъ, уже употреблявшихъ Кирилловскую азбуку — какъ напримѣръ Чехи, Моравы, Словаки — стали обращаться опять къ письменамъ Нѣмецкимъ и Латинскимъ. Въ наше время Латинскими буквами пишутъ Поляки, Чехи, Словаки, Хорутаны, и большая часть Иллирцевъ; Нѣмецкія же буквы удержались только у Лужи-

чей. Каждый изъ сихъ народовъ, для выраженія звуковъ своего языка, употребляетъ Латинскія буквы различно.

О Глаголитской азбукѣ или Буквицѣ.

Во время гоненій на Кирилловскія письмена, появилась въ Далмаціи новая Словенская азбука, извѣстная подъ именемъ *Глаголитской* или *Буквицы*. Въ ней удержаны Кирилловскія названія буквъ; но ихъ начертаніе большею частію замѣнено другими, болѣе затѣйливыми и кудрявыми знаками, отчасти заимствованными изъ заглавныхъ фигурныхъ буквъ Кирилловской азбуки [18]; сдѣлано также нѣкоторое измѣненіе въ ихъ порядкѣ и числительномъ значеніи. Изобрѣтеніе сіе относится, по мнѣнію Добровскаго, къ началу XIII вѣка. Оно принадлежитъ Далматскимъ Священникамъ или Глаголитамъ, которые, желая удержать Словенское Богослуженіе, выдумали сію азбуку, а для большей важности приписали ее Св. Іерониму и назвали *Іеронимовскою,* — хотя сей мужъ, живщій въ IV вѣкѣ, столько же былъ изо-

(18) Такъ букви *Ф*, *Ш*, *Щ*, Ѧ — видимо взяты изъ строчныхъ Кирилловскихъ. Въ Толковой Псалтири XI-го вѣка (см. Прим. 22) нѣкоторыя начальныя буквы имѣютъ видъ Глаголитскихъ.

брѣтателемъ оной, сколько и азбуки Кирилловской[19]. —

Разныя новыя азбуки появлялись и у насъ, въ послѣдующія времена. Такъ напримѣръ, извѣстна надпись на колоколѣ Савинскаго монастыря, близъ Звенигорода въ Московской Губерніи. Сюда же принадлежатъ каракули, выданныя въ 1812 г. подъ именемъ *Словено-Рускихъ рунъ*[20]. Но такія произвольныя выдумки нѣкоторыхъ лицъ, не имѣвъ распространенія, не имѣютъ и значительности исторической.

Древнѣйшіе памятники Русской письменности.

Среди гоненій на Кирилловскія письмена отъ Латинскаго Духовенства, уси-

19) Изобрѣтеніе Кирилловской азбуки приписывали Св. Іерониму, также какъ и изобрѣтеніе Глаголитской.— Впрочемъ и теперь Копитаръ (въ сочиненіи своемъ Glagolitha Clozianus, 1836) старается доказать, что Глаголитская азбука, если не старѣе Кирилловской, то столько же древняя, какъ и она, и что до XIII-го вѣка она была употребляема не одними Далматами, но и другими Задунайскими Словенами. Какъ бы то ни было, но для Исторіи оной можемъ замѣтить, что въ 1248 году отъ Папы Иннокентія IV-го дозволено было въ Истріи и Далматіи употреблять сію азбуку и Латино-Словенское Богослуженіе, и что Глаголитское книгопечатаніе явилось 8-ю годами ранѣе Словенскаго книгопечатанія Кирилловскими буквами, именно—изданіемъ Служебника въ Венеціи, 1483.

(20) См. Чтенія въ Бес. Люб. Рус. Слова. Кн. 6. Спб.

лившихся по смерти Меѳодія, и других переворотовъ, испытанныхъ Словенами Западными, погибли у нихъ памятники ихъ письменности, принадлежавшіе къ первымъ ея вѣкамъ. — Почти такую же судьбу испытала Словенская письменность и у насъ въ Южной или Кіевской Руси, такъ много пострадавшей отъ долговременныхъ разореній непріятельскихъ. Кромѣ того, многіе пожары, истреблявшіе Кіевъ, были причиною, что сей разсадникъ просвѣщенія для всей древней Руси не сохранилъ въ себѣ древнихъ памятниковъ своей письменности. Особенно губителенъ для нея былъ пожаръ 1718 г., обратившій въ развалины и пепелъ Печерскую Лавру. Конискій въ своей Исторіи Руссовъ пишетъ, что между сгорѣвшими тогда драгоцѣнностями Лавры неоцѣненною потерею считалась самая первая въ Россіи, многочисленная библіотека, начатая еще при Ярославѣ и сбереженная въ пещерахъ отъ нашествій непріятельскихъ, — и что Петръ Великій не могъ удержаться отъ слезъ, при извѣстіи о столь важной утратѣ. —

Самые древніе памятники Русской и

всей Словенской письменности сохранила Сѣверная Русь. Но сіи памятники не восходятъ далѣе половины XI-го вѣка. Древнѣйшіе изъ нихъ суть: 1) *Евангеліе Остромирово*, писанное 1056-1057 г. Новгородскимъ Діакономъ *Григоріемъ*, для Посадника Остромира; 2) *два Сборника*, писанные Діакомъ *Іоанномъ*, вѣроятно Кіевскимъ, — одинъ въ 1073 году, для В. К. Святослава Ярославича, а другой въ 1076 г.

Отъ временъ Владиміра и Ярослава остались только: 1) *Надписи* на трехъ небольшихъ медаляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *злата Владимірова*, его же *серебра*, и *сребра Ярославля*. Сіи надписи представляютъ самые древніе образцы Кирилловскаго письма; но онѣ, кажется, были сдѣланы Греками [21]. 2) *Тринадцать буквъ*, оставшихся на каменныхъ обломкахъ Десятинной Церкви.

Монахъ Зиновій свидѣтельствуетъ, что онъ (въ XVI вѣкѣ) видѣлъ Кормчую Книгу писанную при Ярославѣ, и другую писанную при Изяславѣ „на кожахъ". Но въ на-

21) См. *Барона Шодуара*, Обозрѣніе Русскихъ денегъ. Ч. I. Спб. 1837. Тамъ можно видѣть и снимки съ сихъ надписей.

ше время уже неизвѣстны сіи, какъ и многія другія драгоцѣнности.

И такъ древнѣйшіе изъ открытыхъ доселѣ Русскихъ рукописей относятся уже ко второму отдѣлу древняго періода [22]. Къ сему же отдѣлу принадлежатъ: *надпись Тмутороканскаго камня*, (1068 г.), хранящагося въ Керчинскомъ музеѣ, *Сребро Святославле* (1071-76) — небольшая медаль подобная первымъ.

Изъ *Грамотъ* древняго періода уцѣлѣли въ подлинникѣ писанныя уже въ третьемъ отдѣлѣ (послѣ Мономаха): древнѣйшая изъ нихъ — *Грамота Мстиславова*, въ 1128 году жалованная Новгородскому Юрьеву монастырю. —

Всѣ древнія книги и грамоты были писаны на харатьѣ или пергаминѣ, и на-

22) У Митрополита Евгенія были 1) пергаминный листокъ (теперь принадлежащій Погодину) изъ *Житія Св. Кодрата*; Шафарикъ, по начертанію буквъ, особливо *р* и *з*, относитъ его къ концу IX-го или первой половинѣ X вѣка; 2) нѣсколько пергаминныхъ листовъ *Толковой Псалтири*, относимые Востоковымъ къ XI вѣку. — Палацкій нашелъ въ Моравіи Латинскую рукопись (809 г.), въ коей полстраницы написано Кирилловскимъ письмомъ, также весьма древнимъ.

зываются *харатейными*. Писаны онѣ были прямымъ почеркомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *устава*, и по большей части съ отмѣннымъ тщаніемъ. Заглавныя и начальныя буквы отличались величиною и особеннымъ затѣйливымъ видомъ; онѣ, равно нѣкоторыя строчныя буквы въ книгахъ и всѣ древнѣйшія грамоты, писаны были обыкновенно *киноварью;* иногда же онѣ были раззолоченныя, равно какъ и узорчатыя заглавія, коими обыкновенно украшались книги. Такъ второе по своей древности *Мстиславово Евангеліе*, писанное (1125—32) для Мстислава Владиміровича *Алексою*, украшено золотыми зачалами и разноцвѣтными изображеніями Евангелистовъ по золотому полю. Еще болѣе замѣчательны рисунки и заглавныя украшенія въ *Сборникѣ Святославовскомъ* (1073 г.), составляющіе драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей книжной живописи Русской. Особенно примѣчательна (на оборотѣ перваго листа) цѣлая картина, разными красками и золотомъ рисованная; на ней изображены любознательный Князь Святославъ Ярославичь — съ книгою въ рукахъ, его супруга и пять сыновей; надъ именами Кня-

зей надписано золотомъ: „желанія сердца моего, Господи, не презьри; нъ пріими ны вься и помилуй ны“.

Вообще замѣтить можно, что книгописаніе у насъ въ древнее время было въ большомъ распространеніи и на высокой степени искуства. Оно считалось дѣломъ благочестія, которому посвящали себя преимущественно духовныя лица. Въ Княжескомъ родѣ списываніе книгъ церковныхъ также считалось дѣломъ богоугоднымъ, достойнымъ занятія: особенно замѣчательный примѣръ тому представляетъ Полоцкая Княжна Св. Евфросинія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	*строк.*	*напечатано:*	*читай:*
11.	25.	*Греко-Латино-Славянскою.*	*Славено-Греко-Латинскою.*
33.	19.	восточныхъ	западныхъ
39.	23.	Католики,	большею частію Католики,
41.	4.	вѣтвь	однородцы
44.	16.	дважды	въ трехъ мѣстахъ его Лѣтописи
53.	18.	новоизбранный	новопоставленный
58.	7.	берестовскій	Берестовскій
59.	въ прим.	1130	1030
118.	10.	и большей части Западно-Словенскихъ	, также Словацкому, Чешскому и Лужицкому.
142.	въ прим.	изъ кореннаго *ко*	изъ кореннаго *ко* (сохранившагося въ языкѣ Сербскомъ)
163.	въ прим.	переведенное въ Галиціи	переведенное на Волини
168.	16.	(806)	(906 г.)

